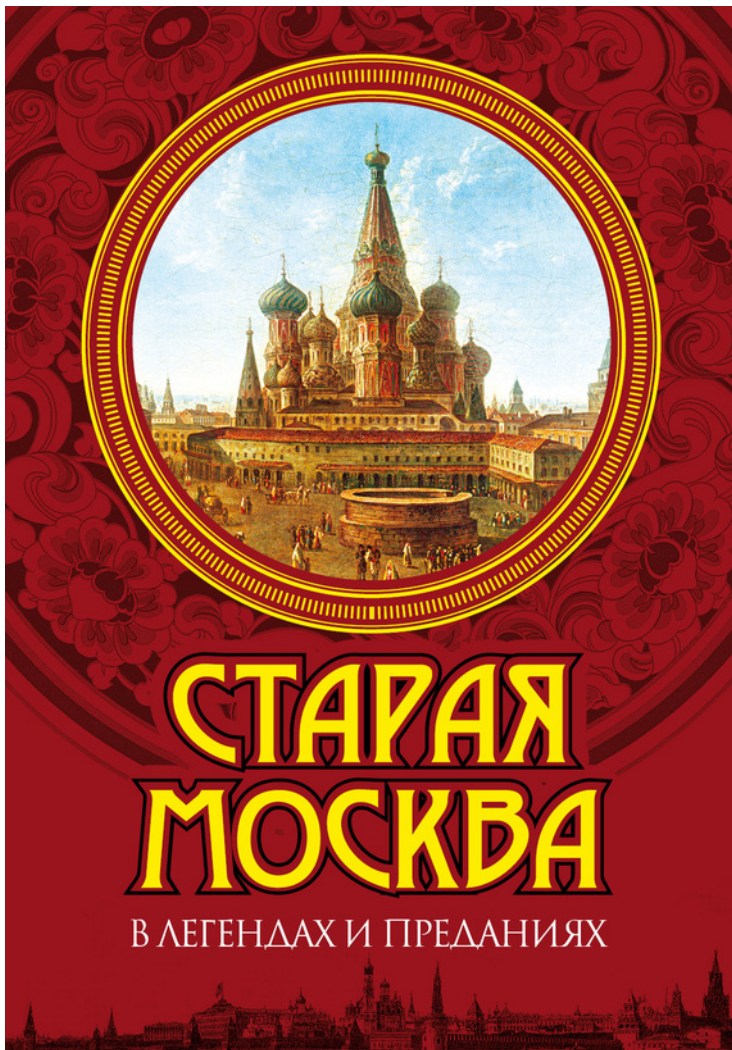




Владимир Браниславович Муравьев

Старая Москва в легендах и преданиях

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373248

*Старая Москва в легендах и преданиях / Владимир Муравьев: Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46829-4*

Аннотация

История окутанного легендами особняка на Арбате, известного под названиями "дом Оболенского", "дом с привидениями", "проклятый дом", поиски не менее легендарной Либрии – библиотеки Ивана Грозного, в которых принимал участие сам автор, судьба знаменитой Сухаревой башни, связанной с именем сподвижника Петра I астролога Якоба Брюса, и не менее знаменитых Красных ворот – об этих и других до сих пор до конца не разгаданных тайнах старой Москвы новая книга писателя, известного московеда Владимира Муравьева. Владеющий огромным историческим и фактическим материалом знаток и исследователь столицы прошлых веков не пренебрегает версиями московской молвы – живого источника, дополняющего отдаленный столетиями образ города.

Содержание

В легендах и преданиях	4
Москвы начало	4
Сказание, кое правее всех сказаний	9
У Крутицкого терема в Москве	10
Правда сказки о троеглавом звере и треугольном граде	12
Яузские ворота и их окрестности	21
Котельническая набережная. Начало XX века	24
Экскурсия в Москов	25
Славный богатырь из вятического града Москва	29
В поисках библиотеки Ивана Грозного	35
Три иконы	48
Владимирская	48
Казанская	59
Иверская	72
Московский герб – святой Георгий	83
Древний символ Москвы	83
Житие и подвиги святого Георгия	83
Святой Георгий на Руси	84
Юрьева роса	91
Русский лик свет-Егория	93
Знак Московского княжества	94
Создание герба	95
Геральдические злоключения герба Москвы	99
Советский герб Москвы	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Владимир Муравьев

Старая Москва в легендах и преданиях

В легендах и преданиях

Москвы начало

Еже бо обретох, то и написах

У Москвы много тайн.

И с первыми двумя мы встречаемся на первой же странице ее истории.

Одна тайна: когда, кем и как была основана Москва.

Другая: что значит само слово «Москва».

Пока на эти вопросы нет ответов, которые убедили бы и удовлетворили всех. Существуют разные мнения, высказываются разные гипотезы.

Эти вопросы начали особенно интересовать москвичей и иностранцев в XVI–XVII веках, когда Москва уже стала столицей государства, большим городом, известным во всем мире.

Уже тогда все понимали, что Москва – город древний. Но ни русские, ни иноземные историки не располагали никакими документальными сведениями о времени и обстоятельствах ее основания, даже название «Москва» отсутствовало в известных им русских летописях и иностранных хрониках.

«И кто про то знал, что Москве царством быти, что Москве государством слыти?» – так оправдывала молчание наших старинных летописцев и западноевропейских хронистов московская пословица XVII века. Но все равно и в России, и в Западной Европе ученые и просто любители старины продолжали искать ответ на заданный Москвой вопрос.

В конце XVII – начале XVIII века были наконец обнаружены в русских летописях две записи, относящиеся к Москве.

В Ипатьевской летописи, названной так потому, что она хранилась в библиотеке Ипатьевского монастыря, записан рассказ о встрече суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого со своим союзником новгород-северским князем Святославом Ольговичем после удачного набега Юрия на Новгородские волости, а Святослава – на Смоленские. Князь Юрий Долгорукий послал к Святославу гонца с приглашением: «Приди ко мне, брате, в Москов». При встрече князя «любезно целовастася» и «быша весели». Князь Юрий «... повеле устроить обед силен» и дал Святославу «дары многы с любовию». Произошла эта встреча, как свидетельствует летопись, в 1147 году на праздник Похвалы Богородицы, то есть 4 апреля.

В другой летописи, составленной в Твери и поэтому называемой историками Тверской, среди событий 1156 года сообщается о том, что «князь великий Юрий Володимерич (в то время Долгорукий уже стал великим князем Киевским. – В.М.) заложи град Москву на уст ниже Неглинны выше реки Аузы», то есть там, где находится современный Кремль.

Оба летописных сообщения о Москве свидетельствуют о событиях середины XII века, отделенных одно от другого всего десятью годами.

Этими двумя летописными сообщениями и до настоящего времени исчерпываются документальные сведения о начале Москвы.

Однако наряду с летописными (документальными сведениями) среди москвичей в XVII веке ходили устные предания о далеких временах и основании Москвы. Они передавались из поколения в поколение в течение веков, и, как это всегда бывает при устной передаче, что-то в них переиначивалось, что-то добавлялось, а что-то забывалось. Предание, особенно древнее, имеет ту особенность, что исторически достоверным в нем остается только главное событие, которое легло в его основу, а обстоятельства, подробности, даже имена действующих лиц преобразуются народной фантазией очень вольно.

Н.М. Карамзин в примечаниях к «Истории государства Российского» приводит несколько преданий об основании Москвы, называя их «сказками», при этом он делает оговорку, что они, «вероятно... основаны на древнем истинном предании».

Почти все предания об основании Москвы, известные москвичам XVII века, в связи с интересом общества к этой теме тогда же были записаны в виде связных повествований. В записи они назывались повестями или сказаниями о начале Москвы и пользовались большим успехом у московских грамотеев. Поэтому они дошли до нас в довольно значительном количестве списков.

Эти повести отличаются друг от друга сюжетами, основателями Москвы в них выступают разные князья, и даты основания города отличаются одна от другой порой очень значительно. По ним видно, что в XVII веке на равных правах существовало несколько разных версий основания Москвы.

Записи повестей о начале Москвы в полной мере обладают всеми особенностями и недостатками устных преданий.

Иван Егорович Забелин, выдающийся историк XIX – начала XX века, автор фундаментального труда «История города Москвы», включил в него специальную главу «Сказания о начале Москвы», посвященную их разбору. Он полагает, что в них включены «ходившие в народе предания и несомненные остатки уже забытых песенных былин». Но в целом Забелин оценивает их очень строго и пишет, что эти, с одной стороны, «неученые и, так сказать, деревенские гадания по смутным преданиям или же, с другой стороны, ученые измышления по источникам старой книжности не могут ответить на вопрос, “когда и как исперва произошло начало Москвы”».

Не так категоричен Н.М. Карамзин. В списке источников, которыми он пользовался при написании «Истории государства Российского», он называет среди прочих «сказки, песни, пословицы: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный».

Академик М. Н. Тихомиров также не игнорировал «Повести о начале Москвы» и в своей книге «Древняя Москва» (1947) использует их как исторический источник, хотя и требующий критического отношения.

Повести о начале, или зачале, Москвы делятся на две большие группы. Одну из них составляют предания, рассказывающие об основании Москвы Юрием Долгоруким, в другой группе преданий основателями Москвы выступают князья Даниил и Андрей.

Повести «О зачале царствующего великого града Москвы», в которых говорится о князе Юрии Долгоруком, основаны на достоверном историческом, подтвержденном и летописью, факте постройки городка-крепости на Москве-реке при устье реки Неглинной. Но в повестях в отличие от летописного сообщения факт основания города обрастает сюжетными подробностями.

В лето 6666-е от Сотворения мира, рассказывается в повести о Долгоруком, князь Юрий Владимирович ехал из Киева во Владимир к своему сыну князю Андрею Юрьевичу и наехал на те места, где ныне стоит царствующий град Москва.

А теми местами владел некий богатый и славный боярин Степан Иванович прозванием Кучка. Свой двор он поставил на холме между трех рек – Москвы-реки, Неглинной и Яузы, а вокруг поселил селами своих людей.

Когда приехал Юрий Долгорукий, то Кучка не оказал ему почтения, какое положено великому князю, и даже стал поносить его, грозить и выставил против княжеской дружины своих слуг.

Юрий Долгорукий осердился, приказал воинам схватить Кучку и привести к нему.

Вокруг двора Кучки не было ни стен каменных, ни острога деревянного. Недолго бились Кучка и его слуги против княжеской дружины; слуг побили, самого боярина и его детей пленили.

Боярина Кучку за его бесчинное ругательство Юрий Долгорукий повелел предать смерти, а малолетних детей – двух сыновей и дочь отослал во Владимир к своему сыну.

Сам же великий князь Юрий Долгорукий взошел на высокий берег Москвы-реки, оглядел все вокруг. Эти места ему очень понравились, и он повелел на этом холме поставить крепость – город мал, древян. Назвал же князь его Москва-град, по имени реки, текущей под ним.

А поскольку новый град Москва стоял на земле Владимирского княжества, то Юрий Долгорукий заповедал князю владимирскому своему сыну Андрею основанный город людьми населять и посадами распространять.

Такова повесть об основании Москвы князем Юрием Долгоруким.

В XVIII веке историк В.Н. Татищев нашел рукопись «Повести о зачале Москвы», в которой рассказано по-иному об этом событии. В ней говорится, что у Кучки была жена-красавица. Она приглянулась князю Юрию, он сделал ее своею «полюбовницей» – это и послужило истинной причиной ссоры Кучки с Юрием, а потом и казни боярина.

Молодой Карамзин, тогда еще не историк, а сентиментальный поэт и автор трогательной повести «Бедная Лиза», по поводу татищевского варианта «Повести о зачале Москвы» заметил: «Любовь, которая разрушила Трою, построила нашу столицу» и предложил художникам написать на эту тему сентиментальную картину. «Мне хотелось бы представить начало Москвы ландшафтом – луг, реку, приятное зрелище строения... Князь Юрий, который движением руки показывает, что тут будет великий город. Молодые вельможи занимаются ловлей зверей... Но вдали, среди крестов кладбища, художник может изобразить человека в глубоких, печальных размышлениях... Мы угадали бы, кто он, вспомнили бы трагический конец любовного романа, – и тень меланхолии не испортила бы действия картины».

Вторую группу сказаний об основании Москвы составляют сказания, в которых действующими лицами являются князья суздальский Даниил Александрович и владимирский Андрей Александрович. В большинстве списков они имеют название «Сказание об убиении Даниила суздальского и о начале Москвы», и к ним можно полностью отнести характеристику Забелина: «гадание по смутному преданию».

Князь Даниил Александрович, сын Александра Невского – герой этого «Сказания», не имеет ничего общего, кроме имени, со своим историческим прототипом. Исторический Даниил, живший во второй половине XIII века, был князем не суздальским, а московским, и не был убит, а умер своей смертью. Исторический князь Андрей, по прозвищу Боголюбский, жил в XII веке, на сто лет раньше Даниила, и это он был убит боярами-заговорщиками. В «Сказании» использованы также некоторые мотивы предания о Юрии Долгоруком, в частности линия боярина Кучки. Все эти исторические сведения, весьма смутно известные рассказчику, преобразовались в фантастическую, но занимательную историю, относящуюся скорее к жанру уголовного романа, находившую своих заинтересованных читателей и, так же как и Сказание о Юрии Долгоруком, довольно много раз переписывавшуюся.

Сюжет «Сказания об убиении Даниила суздальского и о начале Москвы» более сложен и разработан подробнее, чем сюжет о Юрии Долгоруком.

Князь суздальский, сын князя Александра Невского, Даниил забрал к своему двору сыновей боярина Кучки вопреки желанию их отца. (В этом «Сказании», в отличие от Сказания о Юрии Долгоруком, сыновья Кучки представлены не малолетними детьми, а юношами).

Кучковичи приглянулись жене Даниила княгине Улите и стали ее любовниками. Княгиня и Кучковичи замыслили известить князя, чтобы он им не мешал, и в конце концов убили его. Узнав об убийстве Даниила, его брат князь владимирский Андрей Александрович собрал войско и пошел на Суздаль. Суздальцы выдали ему княгиню, и он ее казнил. А Кучковичи убежали и спрятались у отца на Москве-реке. Андрей Александрович пришел к Степану Кучке, захватил боярина, его сыновей и тоже казнил их.

А затем, написано в «Сказании», «вложи Бог в сердце князю Андрею мысль... ту граду быть», что он и исполнил, основав Москву.

С точки зрения исторической достоверности это «Сказание» состоит из одних ошибок. Но некоторые его бытовые детали, например описание сел и двора боярина Кучки, несомненно, имеют под собой реальную основу.

Особую группу легенд об основании Москвы представляют собой сочинения духовных авторов – ученых книжников-схоластов, «измышления по источникам старой книжности», как эти легенды называет И. Е. Забелин. Эти авторы основу для построения своих гипотез брали из книг Священного писания и из старинных сочинений, по-своему переосмысливая, развивая и дополняя древние тексты.

Самым известным сочинением «ученой книжности» об основании Москвы является сочинение иеродиакона Тимофея Каменевича-Рвовского «Историческое древнее описание... о начале Славенороссийского народа и градов Москвы, Новаграда Великого и прочих, писанное ево (то есть автора. – В. М.) рукою лета мироздания 7207 (1699)».

Рассказ о Москве Каменевич строит на сочинениях польских хронистов и ученого-историка ректора Киевской академии монаха Иннокентия Гизеля, которые, встраивая Россию и Москву в библейскую схему происхождения народов от потомков Ноя, называют прародителем народа, живущего по Москве-реке, внука Ноя – Мосоха. Поскольку эта гипотеза основана на созвучии названия столицы России и имени библейского персонажа, Каменевич развил ее, придумав соответствующие задаче имена для жены и детей Мосоха.

«Прииде же Мосох Иафетович, шестый сын Иафетов, – пишет Каменевич, – государь наш и князь первый, в страну Скифскую великую и Землю нашу сию, так предъименуемую, на места селения сего Московского, на ней же земле мы ныне жительствуем». (Каменевич по рождению был москвич).

Мосох с родом своим поселился на высоком берегу «над двема реками». Реки были безымянные. Большую реку Мосох назвал сочетанием своего имени и имени своей жены Квы – Москва-река, а меньшую, впадающую в большую, – по имени сына Я и дочери Вузы – Явуза.

«И созда же тогда Мосох князь и градец себе малый над предвысоцей горе той, над устьем Явузы реки, – продолжает рассказ Каменевич, – на месте оном первоприбытном своем именно Московском, идеже и днесь стоит на горе оной церковь каменная святого и великаго мученика Никиты, бесов мучителя и от верных челоуков тех прогонителя».

Очевидную и примитивную фантазию о библейском Мосохе как основателе Москвы, к тому же «обогащенную» вымышленными автором якобы библейскими персонажами – его женой Квой и детьми Я и Вузой, даже современники Каменевича-Рвовского не принимали всерьез. В одном из летописных списков XVII века летописец, переписав рассказ о Мосохе Иафетовиче, сделал такое примечание: «нестъ сие полезно и не правдиво».

Но, не принимая всерьез историю про Мосоха, все пишущие о московской топонимике обязательно пересказывают ее, поэтому из всех объяснений происхождения названия Москвы, она самая известная. Популярности этой легенды способствовала не только неочи-

данная оригинальность сюжета, но также и то, что тщеславию москвичей явно льстило указание на древность их города. По легенде о Мосохе Москва является древнейшим городом мира: Всемирный потоп, по расчетам богословов, произошел в 3213 году до нашей эры, значит, Москве, основанной лет через пятьдесят после потопа, примерно 5160 лет.

В летописном сообщении об основании Москвы Юрием Долгоруким не объясняется происхождение и значение самого слова «Москва». Никого не убеждала и версия Каменевича о сложении имен Мосоха и жены его Квы. С XVIII века начались попытки ученых – историков и филологов разгадать происхождение и смысл слова «Москва». Выдающийся ученый-энциклопедист, автор «Истории Российской с самых древнейших времен» В. Н. Татищев (1686–1750) полагал, что название «Москва» было дано народом, населявшим эти места до славян. Тогда существовала гипотеза, что этим народом были ираноязычные племена сарматов, поэтому Татищев считал его сарматским: «Имя Москва есть сарматское, значит «крутящаяся» или «искривленная», от того, что течением весьма излучины делает, да и внутри Москвы их не скудно». Академик Петербургской академии наук Г.-З. Байер («не зная русского языка», замечает И. Е. Забелин) утверждал, что название Москва значит «мужской монастырь» и происходит от слова «music», то есть «мужик».

Известный русский поэт и драматург второй половины XVIII века А. П. Сумароков предложил свое объяснение названия города и реки. Поскольку местность здесь, полагал он, изобиловала реками, речками и ручьями, то жители понастроили через них множество мостков, отчего главная река и город получили название «Мостква», а потом, для удобства произношения, стали говорить: «Москва».

В XIX–XX веках было выдвинуто более двух десятков гипотез о происхождении названия «Москва». Они разделяются на две группы: одна группа исследователей привлекает для объяснения языка неславянского населения этих мест, другая является сторонниками славянского происхождения названия.

Поскольку дославянским населением здесь были угро-финские племена, то на основе их языков предлагались различные варианты перевода: «темная вода», «медвежья мать», «река с притоком», «коровья река», «щавелевая река», «быстрая» и другие.

Наиболее обоснованной сейчас считается версия, по которой в основе названия лежит славянский корень «моск», выражающий понятие «влага, сырость». В настоящее время этот корень сохранился со своим значением в словосочетании «промозлая погода».

Аналогичные по корню и значению названия рек имеются на территориях, где живут или когда-то жили славяне: Московка (приток реки Березины), Московец (на Украине), Мозгава, Москава (в Польше и Германии). Корень «москы», заключающий в себе понятие «влага», по мнению лингвистов, относится к древнейшей эпохе истории славянства.

К сочинениям «книжной учености» историки относят также фрагмент летописи, который переписчики XVII века иногда присоединяли к текстам повестей о начале Москвы, предваряя его своим примечанием: «Ин (то есть иной. – В.М.) летописец повествует». В этом фрагменте из неизвестного «инога» летописного свода говорится о том, что основателем Москвы был киевский князь Олег, прозванный Вещим.

«Лета 6388 (880 г.), – сообщает этот летописец, – Ольг прииде на Москву-реку, в я же текут Неглинна да Яуза, и постави ту град, и нарече Москва, и посади ту князя, сродника своего, и ины многи грады постави во странах Российских».

Историки дружно отвергли это летописное сообщение об основании Москвы, назвав его позднейшей вставкой в подлинную летопись, в которой сказано лишь о том, что Олег нача города ставити», но ничего не говорится о Москве. То есть переписчик дополнил летопись фразой о Москве, как Каменевич Библию именами Квы, Я и Вузы.

Однако романтический образ Вещего Олега, несмотря на критику историков, вызвал интерес у неискuschenных любителей истории, императрица Екатерина II в 1786 году дочи-

нила для представления на Театре в Эрмитаже историческую пьесу «Начальное управление Олега», жанр которой она определила как «подражание Шекспиру», и включила в нее сцену основания Москвы Олегом. Так появилось еще одно предание «книжной учености» об основании Москвы.

Центральным эпизодом сочинения Екатерины II является сцена торжественной закладки города. Вот как представляла эту церемонию императрица.

«Жрецы с огнем и с первым камнем для закладывания Москвы, Олег, Добрынин, Рулав, Стемид, Лидул, Радмир, вельможи, народное множество.

Жрецы первый камень для закладывания Москвы приносят к Олегу.

Первый жрец (Олегу). Чтоб камень сей класть во основание града, потребно теперь знать, как, князь Олег, велишь назвать сей град?

Олег. Да именуется сей град Москва; для устройства же определяю в нем начальником свойственника моего Радмира.

Второй жрец. По всем приметам сей град будет некогда обширен и знаменит.

Олег. Хорошо. В добрый час приступим к начальному созиданию.

(Камень жрецы кладут и заделывают во основание; орел летит чрез них).

Первый жрец. Орел летит чрез град сей не понапрасну».

Последнее замечание жреца связано с известным у многих народов поверьем, что орел предрекает победу и славу.

Тогда же пьеса Екатерины II «Начальное управление Олега» была издана отдельной книжкой и снабжена гравюрой, на которой было изображено то, что описала императрица: и закладной камень, и жрецы, и орел...

Как можно отметить, общей чертой сочинений «книжной мудрости» и про библейского Мосоха, и про Олега Вещего является то, что они относят основание Москвы к более раннему времени, чем княжение Юрия Долгорукого. К этому же выводу склоняются и серьезные историки. Так, И.Е. Забелин считает, что, хотя подлинность летописного свидетельства об основании Москвы Вещим Олегом вызывает сомнения, сама возможность этого факта не может быть полностью исключена.

Забелин называет эту позднейшую вставку в летопись не вымыслом, а скромным домыслением, которое «присвоило основание города Москвы древнему Олегу, несомненно, руководясь летописным свидетельством, что Олег, устроившись в Киеве, нача города ставити и устави дани Словеном, Кривичем и Мери. Если Олег уставлял дани Мерянам и города сооружал, то в области Мери (Ростов, Суздаль) он должен был из Киева проходить мимо Москвы, и очень немудрено, что мог на таком выгодном для селитьбы месте выстроить небольшой городок, если такой городок не существовал еще и до времен Олега». В более поздней своей работе «Посад» Забелин сказал о древности поселения «Москва» еще конкретнее: «существовал поселок от глубокой древности, первый поселок Москва».

Сказание, кое правее всех сказаний

В ряду сказаний о начале Москвы особняком стоит «Сказание о зачатии царствующего града Москвы и о Крутицкой епархии».

В отличие от всех остальных сказаний, опирающихся хотя и на недостоверные и смутные, но все-таки реалистические события, оно включает в себя сказочный, или, вернее сказать, мифологический эпизод. Именно к этому «Сказанию» Н. М. Карамзин употребил определение «сказка».

Это «Сказание» вышло из стен Крутицкого монастыря и было создано с практической целью доказать право иерархов и монахов Крутицкой епархии обитать в нем.

Сарайская, впоследствии Крутицкая, епархия была учреждена в XIII–XIV веке в столице Золотой Орды Сарае для того, чтобы христиане – пленники и вольные люди (купцы и ремесленники), оказавшись в Орде, могли исповедовать свою религию. В XIV веке к ведению Сарайской епархии были присоединены земли по Дону, она стала называться Саранской и Подонской. В Москве епархия получила землю на Крутицах – на крутом берегу Москвы-реки (отчего и дано название местности) и устроила там монастырь-подворье. В XV веке после падения татарского ига постоянным местом пребывания Сарского (так произносили на Руси слово «Сарайский») и Подонского епископа стал не Сарай, а московские Крутицы. Сарской и Подонской епархии определили новую территорию вокруг Крутиц, и она стала называться Крутицкой. В память же прежнего наименования епархии речки, впадающие в Москву-реку возле Крутиц, получили названия Сара и Подон. (Ныне текут в подземных трубах).

Во второй половине XVII века патриарх Никон предпринял попытку расформировать Крутицкую епархию и выселить Крутицкого владыку из его подворья.

Против этого и было направлено «Сказание о зачатии царствующего града Москвы и о Крутицкой епархии». Реформе Никона оно противопоставило древнее право епископа на владение Крутицами, поскольку древность признавалась тогдашней юрисдикцией достаточным доказательством такого права.

Поэтому понятно, почему составитель «Сказания» обратился к самому древнему, даже не историческому, а мифологическому, сказочному преданию об основании Москвы. Конечно, предание подверглось необходимой обработке в духе времени и требований поставленной задачи.

У Крутицкого терема в Москве

Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епархии состоит из трех частей. Сюжет об основании Москвы составляет лишь среднюю часть «Сказания». В его первой части содержатся сведения о главном персонаже «Сказания» – великом князе – основателе Москвы. Его имя – Данило Иванович, он добродетельный христианин, строитель церквей. Третья, заключительная, часть «Сказания» посвящена собственно Крутицам, в ней говорится о том, что князь Данило Иванович даровал область Крутицкую епископу Сарскому и Подонскому Варлааму.

Первая часть «Сказания» по форме представляет собой летописное сообщение.

«В лето 6714 (1206 г. – В.М.) князь великий Данило Иванович после Рюрика короля римского 14 лето пришед из Великого Новгорода в Суздаль, и в Суздале родися ему сын князь Георгий, и нарече и созда во имя его град Юрьев-Польской, и в том граде церковь велелепную созда во имя святого Георгия Страстотерпца каменную...»

То, что это не летопись, а имитация летописной статьи, показывают содержащиеся в ней исторические ошибки. Во-первых, ее датировка. Первая дата—1206 год – тут же дублируется описательной – «после Рюрика... 14 лето», это 893 год. Между ними более трех веков. Третью дату позволяет назвать факт, хорошо известный в истории, – основание города Юрьева-Польского, это 1152 год. Но его основал князь Юрий Долгорукий, а не «великий князь Данило Иванович». А главное, русская история не знает великого князя по имени Данило Иванович, такого князя не было.

Судя по дальнейшему рассказу, в третьей части «Сказания» под Данилой Ивановичем имеется в виду московский князь Даниил Александрович, поскольку именно он в начале XIV века даровал Крутицы под подворье Саровских епископов. Но это произошло не одновременно с постройкой Юрием Долгоруким города Москвы на Боровицком холме, а на полтора-два столетия позже.

Все эти ошибки были известны современникам. На одном из списков этого «Сказания» переписчик написал: «Просит писавый читателя о прощении, еже бо обретох то и написах, а мнится, что в летах и во именех князей надобно справиться поподлиннее».

Средняя часть «Сказания» по своему стилю очень отличается от обрамляющих ее начальной и заключающей сухих информационных летописных статей, какими по форме они являются. Ее с полным правом можно назвать художественным, даже беллетристическим произведением. В ней есть пейзаж, диалог, в ней появляется фантастический персонаж – неведомый «превеликий и пречудный троеглавый» зверь, явление которого оказывается пророчеством и указанием, где следует князю Даниле Ивановичу создавать свой престольный град.

По стилю и содержанию это обычная волшебная сказка, за которую и принимали историки «Сказание о Крутицкой епархии». И с ними можно было бы согласиться, если бы не странное и таинственное примечание, которое сделал на ней переписчик XVII века.

В московском Историческом музее хранится большая рукописная книга конца XVII века «Хронограф Дорофея Монеувасийского» – сборник различных исторических сочинений. В Хронографе, как бы образуя специальный раздел, переписаны четыре сказания об основании Москвы. В него вошли повести о князе Юрии Долгоруком и боярине Кучке, о князе Данииле Александровиче и убийстве его Кучковичами, о Даниле Ивановиче и Крутицкой епархии, а также приведена цитата «инога» летописца об основании Москвы князем Олегом.

В Древней Руси переписчик светских книг обычно выступал не простым копиистом, но подходил к работе творчески. Как правило, это был человек образованный, начитанный. Он выбирал для переписки произведение, которое считал ценным и нужным, переписывая, вникал в текст по-редакторски, то есть глубже, чем читатель, и становился знатоком произведения и того, чему оно посвящено, когда же он имел перед собой несколько списков этого произведения, то становился и текстологом.

Составитель Хронографа, включивший в него сказания о начале Москвы, в которых представлены образцы сказаний всех существующих сюжетных вариантов, безусловно, должен был очень хорошо и глубоко знать эту тему, поэтому его примечание к сказанию о Даниле Ивановиче имеет особую ценность и привлекает особое внимание.

Составитель и переписчик сборника сказаний о начале Москвы сократил его название, опустив всякое упоминание в нем о Крутицкой епархии и назвав его «Сказание о создании царствующего града Москвы», тем самым обратив внимание читателя на тему создания города как на главную, затем после измененного названия поставил запятую и продолжил предложение своей оценкой и указанием: «кое правее (то есть правдивее. – В.М.) всех сказаний известно, чти сие».

Сплошные исторические несообразности, волшебная сказка! – и вдруг – правдивее всех сказаний.

Однако эта приписка, что понятно и сегодняшнему читателю, а уж тем более тогдашнему, не просто совет прочесть «Сказание», но явное указание на содержащийся в сем скрытый смысл, не сразу понятный, но по размышлении доступный. Видимо, тут намек на какую-то ходившую в народе молву, или, как говорят в наше время, на всем известные обстоятельства, официально замалчиваемые.

Но что это за обстоятельства?

Молва и предания, занимавшие внимание современников составителя Хронографа, то есть людей XVII века, естественно, были крепко забыты новыми поколениями, и поэтому ученым XIX века сказание о Даниле Ивановиче и стало представляться лишь собранием исторических несообразностей и фрагментом нехитрой сказки.

Однако в середине XX века в работе академика М.Н. Тихомирова «Древняя Москва», изданной к юбилею 800-летия Москвы и потому обратившей на себя внимание не только ученых, но и всех интересующихся историей столицы, были даны особым приложением все сказания о начале Москвы из «Хронографа Дорофея Монеувасийского». После этой публикации пророчествующий о будущем Москвы трехглавый фантастический зверь обрел такую же известность и популярность, как легенда о Мосохе и его жене по имени Ква.

Однако поскольку историки объяснили, что великого князя по имени Данило Иванович не существовало, а основателем Москвы был признан князь Юрий Долгорукий, в ознаменование чего в 1947 году напротив Моссовета был заложен и в 1954 году установлен ему памятник, то в некоторых популярных работах и беллетристических сочинениях встречу с чудесным зверем стали приписывать Юрию Долгорукому.

Тем не менее всегда существовало и существует сейчас и в научных кругах, и в народе какая-то неискоренимая уверенность в том, что город Москва был основан ранее того, как Юрий Долгорукий построил крепость на Боровицком холме.

Так думали создатели легенды о «прародителе» москвитян Мосохе, в этом был уверен Каменев-Рвовский, так полагал летописец, сделавший в летопись вставку об основании Москвы Олегом, это утверждали ученые-историки, в том числе высочайший авторитет в области истории Москвы И. Е. Забелин и выдающийся, очень осторожный в своих выводах историк академик М. Н. Тихомиров. А современный главный московский археолог А.Г. Векслер, когда ему задают вопрос, сколько лет Москве, таинственно улыбаясь, отвечает: «Много...».

В связи с юбилейным 1997 годом, когда отмечали 850-летие Москвы (ведя отсчет от первого упоминания ее летописи), особенно настойчиво задавались вопросы «когда она основана?» и «сколько ей лет?».

Историки на эти прямые вопросы прямого ответа не давали.

Эти же вопросы задавались нашим астрологам. В Академии астрологии корреспонденту «Вечерней Москвы» ответили: «Момент основания Москвы неизвестен». Аналогичным был и ответ президента Лиги независимых астрологов Каринэ Диланян: «Мы не знаем точного дня рождения Москвы».

Космобиолог А. Херсонов-Удачин уточнил известную в Тверской летописи дату заложения града Москвы Юрием Долгоруким—1156 год 23 марта.

Известный астролог Павел Глоба, произведя ретроанализ биографии Москвы и составив ее гороскоп, называет датой основания столицы России—15 мая 793 года до н. э. Другой выдающийся московский астролог Ф. Величко публикует дату «условного рождения» Москвы, то есть когда Москва стала выражать свою суть как столичного города России, — 13 мая 1413 года в 11 часов 30 минут местного времени.

Правда сказки о троеглавом звере и треугольном граде

Опираясь на выводы лингвистов о славянской природе названия «Москва» (сейчас основной научной гипотезы) и полагая, что его мог дать реке только народ, живущий в этой местности и говорящий на славянском языке, естественно отнести появление этого названия к эпохе появления здесь славянского племени вятичей.

Наиболее ранние археологические находки следов пребывания на московской земле вятичей датируются VIII–IX веками. Но в «Повести временных лет» Нестор относит появление славян в Средней России к более раннему времени, он пишет, что уже апостол Андрей в I веке н. э., совершив путь от Киева до Новгорода, сказал: «Дивно видех Словенскую землю». Картина расселения славянских племен в то время или близкое к нему, по Нестору, выгля-

дела так: на Днепре – поляне, в Новгороде – словене, в верховьях Волги, Двины, Днепра – кривичи, по Сожу – радимичи, по Оке – вятичи. «И живяху в мире, – заключает Нестор, – поляне и древляне, и север, и радимичи, вятичи и хрвате».

В конце 1990-х годов проблема основания Москвы для своего исследования обрела еще один источник – «Влесову книгу». Влес, Волос – имя древнеславянского божества – покровителя домашнего скота и достатка в славяно-русской мифологии. В «Слове о полку Игореве» Боян называется «Велесов внуче», в документе, о котором идет речь, написано «Влес книга».

«Влесова книга» – сочинение о древнейшей истории и религии славян, написанное новгородским волхвом в IX веке, – шла к читателю и исследователю долгим и трудным путем.

В 1919 году полковник белой армии Ф. А. Изенбек вывез за границу найденные им в разоренной помещичьей усадьбе в Харьковской губернии около трех десятков дощечек из крепкого дерева размером 38 × 22 см толщиной 0,5 см, на которых с обеих сторон был вырезан древними буквами (рунами) сплошной, не разделенный на слова текст.

В 1930-е годы Изенбек показал эти дощечки литератору Ю. П. Миролубову, и тот в течение нескольких лет расшифровывал и копировал их.

Оказалось, что это повествование о древней истории и религии славянства, доведенное до IX века, причем из рассказа о последних событиях можно сделать вывод, что автор повествования их современник, и, таким образом, создание этого сочинения датируется IX веком.

В августе 1941 года Изенбек умер в оккупированном немцами Брюсселе, его архив, в том числе и дощечки, забрало гестапо.

В 1950-е годы Миролубов публикует часть текстов дощечек по тем копиям, которые он снял. Затем к исследованию дощечек присоединяются еще два русских эмигранта – ученый-биолог, занимавшийся также и историей Руси, С. Я. Парамонов, давший им название «Влесова книга» по содержащимся в тексте словам: «Влес-книгу сию посвящаем Богу нашему», и литератор генерал А. Куренков.

В СССР «Влесова книга» стала известна в 1970-е годы и вызвала большой интерес. Сразу же завязалась горячая полемика. Одни исследователи приняли «Влесову книгу» с восторгом, поскольку она давала им в руки сведения, которые отсутствовали в известных до сих пор источниках, другие отнеслись к ней скептически и видели в ней подделку. В настоящее время число уверенных в подлинности «Влесовой книги» превышает число скептиков, причем первые находят все новые подтверждения своей правоты, а вторые предъявляют один и тот же набор аргументов.

В тексте «Влесовой книги» (в русских изданиях имя бога Влеса обычно пишется в его русском полногласном звучании – Велес), как и в каждом древнем историческом сочинении, наверняка наряду с историческими фактами имеются и исторические легенды, но тем не менее, она, безусловно, является ценным источником.

Материалы «Влесовой книги», представляющие собой несколько фотографий дощечек, перерисовки, копии, расшифровки, варианты перевода, находящиеся в разных архивах, ввиду сложности текста и языка еще не изучены полностью, и поэтому каждое новое издание книги пополняется новыми фрагментами текста, вариантами перевода и комментариями.

Так, в конце 1990-х годов крупнейший знаток, исследователь и комментатор «Влесовой книги» А. И. Асов в очередном своем издании памятника опубликовал новый фрагмент, в котором говорится об основании города Москов.

Дощечка «Влесовой книги» с этим фрагментом, к сожалению, была сильно повреждена, однако смысл сообщаемого текста вполне понятен.

Вождь славянских племен, обитавших на Дунае, Моск, в конце VI века, когда «некие рода потекли на Север, и были это суть вятичи и радимичи», встал во главе их. Как написано во «Влесовой книге», они «стечеа до Моуске, градиехом Москв», то есть «сошлись к Москву и построили город Москов».

Сообщение «Влесовой книги», присоединенное ко всем остальным известным текстам и сведениям об основании Москвы, по-новому осветило эту проблему и объяснило некоторые неясности в известных источниках.

Содержащиеся во «Влесовой книге» мифологические легенды о древнейшем периоде истории предков славян, дополненные сведениями из других источников, приводим в нашем пересказе.

Давным-давно, много тысяч лет назад, люди жили на Белом море – на побережье и на островах Белом, Великом, Золотом, Фульском и других. Вместе с людьми жили в том краю и их боги.

Тогда на Белом море было тепло, каждое утро выходили на небесные пастбища Золотые Солнечные Быки, море никогда не замерзало, земля была плодородная, реки многоводные. Люди жили богато и счастливо, растили хлеб, водили скот и молились своим богам, которые были к ним добры.

Но однажды к Белому морю прискакал из Царства Смерти на черном крылатом коне Черный всадник – Черный Змей. Он дунул на море, заморозил его, похитил и угнал по льду с Золотого острова Золотых Солнечных Быков.

Наступили на Белом море великие холода. Стали короткими светлые дни, стали длинными темные ночи. Вымерзли сады и нивы, покрылись снегом пастбища, погибал от бескормицы скот, на людей напали болезни.

И тогда боги и вожди родов и племен, чтобы спасти народ, повели его с Беломорья на юг, в иные, в теплые края. Это был тяжелый путь через холодные пустыни. Ослабевших людей догоняла стужа и превращала их в лед и камень. До сих пор на том древнем пути рассыпаны камни-валуны. Это наши пращуры, оставшиеся там навсегда...

Наконец люди дошли до таких земель, которые были хотя и не столь теплы, как некогда Беломорье, но и не так холодны, поскольку была здесь не только зима, было и лето. Раскинулись эти земли широко-широко, от одного океана до другого. (Сейчас этот огромный материк называется Евразией).

Роды и племена, вышедшие из Беломорья, разошлись по Евразии и кочевали по ее просторам с запада на восток, с востока на запад, с севера на юг и с юга на север в поисках той земли, которая была предназначена богами каждому племени и которая должна была стать родиной их потомков.

Прошла не одна тысяча лет, прежде чем каждое племя нашло свою землю. За это время племена разошлись на огромные расстояния и, живя друг от друга вдалеке, образовали разные народы. У каждого народа сложились свои обычаи, по-своему стали они говорить, и даже внешний облик их изменился.

Однако ученые нашего времени, изучая языки и древнюю мифологию современных евразийских народов, обнаружили в них общие слова, общие сюжеты мифов, что позволило установить общие корни всех этих народов. Эти народы сейчас живут на территории от Европы до Индии, и языки их относятся к группе индоевропейских.

Языковеды составили генеалогическое древо индоевропейских языков. В него входят: германские языки – немецкий, английский, шведский, норвежский, датский, исландский; итальянские (называемые также романскими) – итальянский, французский, испанский, румынский; кельтские – ирландский, шотландский, бретонский; славянские – сербский, польский, чешский, болгарский, русский, украинский, белорусский; индоиранские – таджикский, персидский, индийские языки; греческий, армянский и другие.

На границе I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. в общем уже сложились основные области обитания народов Европы, но постоянно происходили переделы территорий, народы враждовали между собой.

Славянские племена в тот период обитали в Центральной, Южной и Восточной Европе по рекам Одеру, Висле, Дунаю, Днепру. Их соседями были германские племена, Византия, народы Балканского полуострова. Славянам приходилось защищать свои земли от притязаний соседей.

Немецкий философ и историк XVIII века Иоганн Гердер в сочинении «Идеи к философии истории человечества», в котором он описывает роль разных народов в мировой истории, посвятил одну главу славянским народам.

Гердер пишет о том, что славяне занимали обширную территорию «от Дона до Эльбы, от Восточного до Адриатического моря» и что некоторые нынешние немецкие территории прежде имели славянское население.

Гердер описывает характер и занятия славян. Несмотря на то что славяне в войнах часто побеждали римлян, германцев, византийцев, они, — пишет ученый, — «никогда не были народом воинственным... Торговцы, земледельцы и пастухи, они обрабатывали землю и пользовались ею; тем самым после всех опустошений, что предшествовали их поселению, после всех походов и нашествий их спокойное, бесшумное существование было благодатным для земель, на которых они селились. Они любили земледелие, любили разводить скот и выращивать хлеб, знали многие домашние ремесла... Они занимались добычей руды, умели плавить металл, изливать его в формы, они варили соль, изготовляли полотно, варили мед, сажали плодовые деревья и, как того требовал их характер, вели веселую музыкальную жизнь. Они были милосердны, гостеприимны до расточительства, любили сельскую свободу, но были послушны и покорны, враги разбоя и грабежей».

Далее Гердер пишет об исторической судьбе славян: «Все это не помогло им защититься от порабощения, а, напротив, способствовало их порабощению. Ибо коль скоро они не стремились к господству над целым светом, не имели воинственных наследственных государей и готовы были лучше платить налог, только чтобы землю их оставили в покое, то многие народы, а больше всего немцы, совершили в отношении их великий грех» (М., Наука, 1977. С. 470–471).

В первой половине I тысячелетия н. э. славянские племена на Дунае вынуждены были вести постоянные войны с соседями и приходившими в Европу кочевниками. Славяне воевали с византийскими императорами, германскими племенами готов, с гуннами, аварами, хазарами и другими. Порой славяне одерживали победы и осаждали Царьград, выигрывали битвы с готами, порой терпели поражения, попадали под власть захватчиков. Летопись сохранила известия об обрах, которые «примучили» племя славян-дулебов, «творили насилие женам дулебским: если пойдет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу три, четыре или пять жен и везти его, обрина». В конце концов славянам удавалось отбиться от захватчиков, вернуть пленных, но при том они несли большие потери и никогда не знали мирной жизни, к которой были склонны по характеру.

С начала I тысячелетия н. э. некоторые наиболее теснимые славянские роды и племена радимичей и вятичей стали уходить на северо-восток в малонаселенные области — на Чудское озеро, реку Волхов, на Верхнюю Волгу, на Оку.

В 597 году византийцы предприняли очередной грабительский поход на соседей-славян. Войско византийского императора Маврикия под предводительством полководца Прииска перешло Дунай, по которому проходила граница Византии со славянами, и вторглось в славянские земли. В бою с византийцами погиб славянский князь Радогост.

В то время, когда брат погибшего князь Моск и его воины творили тризну по погибшему Радогосту и, упившись вина, заснули, на них, сонных, напали византийцы и устро-

или побоище. Славяне не смогли сопротивляться. Многие были убиты, а те, кому удалось вырваться из окружения врагов, бежали, отступая. Византийцы ограбили окрестные селения, набрали пленных и с большой добычей двинулись обратно.

Князь Моск собрал своих оставшихся воинов, к нему присоединились воины других славянских родов, они догнали византийцев и в жестокой битве сполна отплатили им за причиненное зло. Но горька была победа. И говорили некоторые: «Враги обязательно придут вновь и поднимут свои мечи на нас, и той войне не будет конца».

Тогда Моск, после гибели брата оставшийся единым вождем, собрал старейшин племен, и думали они, что делать. И решили вятичи и радимичи последовать за ушедшими прежде в мирные края.

Сказали люди князю Моску:

– Будь руководителем нам и заботься о нас.

И тронулись вятичи в путь.

Об этом рассказано во «Влесовой книге». Имя славного вождя Моска упоминается в сочинениях византийских авторов, современников этих событий. Византийский историк VI–VII века Феофилакт Симокатта называет его Моусокием и сообщает, что его «варвары на своем языке называют царем». Арабский географ и историк Масуди (конец IX – начало X века) пишет о вожде волынян, объединившем племена славян, по имени Маджак, или Мадзак, в котором также можно узнать имя «Моск».

Если о событиях, предшествовавших переселению вятичей на новые земли, во «Влесовой книге» сказано обстоятельно, то о самом переходе до той реки, на которой они остановились и поставили город, никаких сведений нет.

Безусловно, их путь должен был растянуться на многие месяцы и даже годы, поскольку племена шли, не имея в виду какого-то конкретного места, они останавливались в пути на достаточно долгое время, присматриваясь и изучая местность, чтобы выяснить, годна ли она для поселения. Зная исходный и конечный пункт Движения, мы можем определить лишь их возможный и примерный путь на северо-восток через средний Днепр, где уже стоял славянский город Киев, по Десне на Оку. По Оке в районе Рязани уже жили вятичи. К среднему течению Москвы-реки Моск подошел с запада.

Из сказаний о начале Москвы только в одном, в том самом, «кое правее всех сказаний», описана часть маршрута князя – основателя Москвы, правда, ближайшая к тому месту, где он заложил город. Определяемые по тексту «Сказания» топографические пункты позволяют определить и направление движения.

Начинается описание пути с того, что князь Данило Иванович «въехав во остров темен и непроходим зело».

Остров – «лес или участок леса, обособленный по своему ландшафтному положению, выделяющийся среди основного массива (высотой, породой деревьев и т. п.)». Словарь русских народных говоров. – Л., 1989. Вып. 24. С. 81). Прилагательное «темный» обычно характеризует хвойный лес. Хвойный лес, состоящий из могучих деревьев, каким и был тот, в который въехал князь, называется бором.

Память о московском боре сохранилась в современной топонимике: Боровицкий, или Кремлевский, холм.

Этот бор назван первым этапом пути князя по московской земле.

Затем в «Сказании» говорится о болоте: «В нем же (острове) болото велико и топко».

К востоку от Боровицкого лесного холма начинается низина – обширная болотистая местность Кулишки. Значит, князь двигался по левому берегу реки на восток.

Здесь, на Кулишках, простершихся от Варварской площади до Яузы между Москвой-рекой и нынешней улицей Соляной, разыгрывается центральный эпизод «Сказания»: предсказание будущей судьбы того города, который замыслил построить князь. В одном

из списков этого «Сказания» в самом его названии подчеркнуто, что в нем главный смысл повествования. Сказание названо: «Краткое видение... о зачатии и создании преславного града Москвы».

«И посреде того болота и острова узре, – говорится в «Сказании», – князь великий Данило Иванович зверя превелика и пречюдна троеглава и красна (красивого. – В.М.) зело. И вопрошиша Василия гречанина, что есть видение сего пречудного зверя?

И сказа ему Василий гречанин:

– Великий княже, на сем месте созиждется град превелик и распространится царствие треугольное, и в нем умножатся разных различных орд люди, то есть преобразуют зверя сего троеглавого. Различные же на нем цветы, то есть от всех стран учнут в нем люди жити».

Эпизод с явлением зверя во всех известных рукописях «Сказания» излагается одинаково, почти слово в слово, что также говорит об особом внимании переписчиков именно к этой части текста.

Весьма необычной и загадочной предстает в этом «Сказании» фигура находящегося в свите князя «некоего (так о нем говорится в «Сказании». – В.М.) гречанина именем Василия, мудра и знающа зело и ведающа чему и впредь быти».

С одной стороны, сообщение о национальности («гречанин») и греческое имя Василий говорят о том, что он христианин. С другой стороны, вызывает недоумение характер его пророческого истолкования видения о будущем граде. Логично было бы ожидать в его пророчестве слов о том, что в граде будут воздвигнуты Божий храмы, но этой детали в пророчестве нет, следовательно, толкователь видения вовсе не христианин.

Вызывает вопрос и образ зверя. Кто или что такое сам «превеликий, пречудный, троеглавый и красивый зверь»?

В легендах и сказках не редкость трехглавые змеи и драконы, а вот трехглавый зверь, к тому же и прекрасный (к змею такого эпитета никогда не прилагают), появляется только в Сказании об основании Москвы.

Однажды опытному художнику, много иллюстрировавшему произведения русского фольклора и истории, довелось делать рисунок к этому эпизоду Сказания о начале Москвы. Сначала он взял за образец традиционного трехглавого Змея-Горыныча и с него сделал набросок. Но, как ни поворачивал он своего змея, не мог добиться, чтобы он выглядел соответственно образу «Сказания»: превелик, удивителен и красив. Иллюстрацию художник все-таки сделал, но остался ею недоволен. «Вот если бы хоть какое-то изображение этого зверя было, – говорил он, – чтобы от него оттолкнуться фантазии, а его – увы! – нет».

И все-таки, оказывается, его изображение есть, наш далекий предок создал образ «пречудного зверя», этот образ сохранился в традиционном русском народном творчестве, его можно увидеть и, оттолкнувшись фантазией, представить его облик.

На Руси христианская обрядность вобрала в себя элементы старинных славянских верований и обрядов. На праздник Богоявления (Крещение Господне) 6 января (по старому стилю) был обычай почитания «скотьего бога» Велеса – «освящение скотины». Хозяин в вывернутой мехом наружу шубе выводил скотину из хлева, кропил ее освященной водой, кормил хлебом, зерном, лепешками, оставшимися от рождественского стола. К этому празднику на Руси повсеместно пекли специальное обрядовое печенье в форме птиц-уточек, коронок, овец, лошадок и другой домашней живности, а также фантастических животных – «козулей». Все виды этого печенья называли общим названием «козули», поскольку в праздник «скотьего бога» Велес являлся в образе «козули», в других обстоятельствах он мог принимать другие облики.

«Козуля» представляла собой фантастическое четырехлапое животное. На его туловище с зашипанными гребешками теста, изображающими лохматость шкуры, была не одна,

а три головы какого-то животного на длинных шеях. «Козуля» считалась своеобразным символом доброго пожелания как хозяевам, так и скотине.

На «козулю», по описанию «Сказания», и похож тот троеглавый зверь, который явился князю Даниле Ивановичу, по-видимому, это и был не кто иной, как сам Велес, явившийся в одном из своих образов.

В Иоакимовской летописи, названной так В.Н. Татищевым, потому что ее автором он считал новгородского архиепископа Иоакима, жившего в XI веке, рассказывается об обитавшем в Волхове в языческие времена «князе Волхова» (одна из форм имени Велеса – Влес, Волос, Волох), который мог «преобразовываться» в зверя: «Волхов бесогодный и чародей, лют в людех тогда бысть и бесовскими ухищрениями и мечты творя и преобразуясь во образ лютого зверя коркодела (крокодила. – В. М.)».

В болгарских святочных крестьянских празднествах-сурвакарах, отмечает академик Б.А. Рыбаков, сохранились элементы древнейшего обряда поклонения Велесу. «Звериные» маски участников празднеств изображают «преобразовавшегося» в зверя Велеса. Между прочим, некоторые болгарские маски очень похожи на головы русских «козуль». Другие участники изображают жрецов Велеса – на них пестрые одежды из лоскутов, на головах высокие и пышные украшения, на ремнях, надетых на шею, висят скотьи колокольцы, в руках – ярко-красные жезлы.

К Велесу древние славяне обращались с вопросами о будущем. «И вот брались за гадание Велесово, – написано во «Влесовой книге», – и все по нему сбывалось».

По древней славянской мифологии славянские князья, – как пишет исследователь «Велесовой книги» А.И. Асов, – вели свое происхождение от какого-либо бога, и прашуром Моска считался Велес.

Поэтому мудрый и ведающий, чему «впредь быти», гречанин Василий, по всей видимости, языческий волхв, служитель Велеса.

И тут-то мы подходим к разгадке намеков переписчика: он имел в виду, что в этом сказании о начале Москвы речь идет о дохристианских, языческих временах, о языческом волховании и о князе-язычнике. Почти наверняка переписчиком «Сказания» был священнослужитель. В конце сборника, содержащего в числе прочих произведений одно из сказаний о начале Москвы, имеется приписка составителя и переписчика: «Снискася и написася книга сия тщанием живущего за Язуою в Котельниках многогрешного иерея Николаевского Андреа Григориева сына». Забелин говорит, что переписчик мог быть и «досужим мирянином», но это тоже не снимало с него обязанности избегать описания языческих гаданий и вообще упоминать что-либо о язычестве, кроме как с разоблачением и хулением его.

Тогда еще действовал указ царя Михаила Федоровича, запрещающий на Москве по переулкам и улицам на Святки скоморошить, в нем порицались те, кто на Богоявление «дару Божию хлебу поругаются, всяко животно скотское, зверино, и птичье пекут», а нарушителям запрета грозили «быти... в великой опале и в жестоком наказанье».

Приписка «правее всех сказаний» имеется на многих копиях, следовательно, о языческой основе этого «Сказания» знали или догадывались многие переписчики и многие читатели. В наше время А.И. Асов увидел в князе Даниле Ивановиче князя Моска и написал об этом в очерке «Москва ведическая» (1999).

Можно предположить, что сказание о Крутицкой епархии в своей средней части с большой долей вероятности сохранило фрагмент очень древнего сказания языческих времен о приходе вятичей и основании ими Москвы. Видимо, к этому факту и относится замечание переписчика, что оно «правее всех сказаний».

Однако продолжим путь по Кулишкам.

«В том острову [князь Данило Иванович], – повествует «Сказание», – наехав посреде болота островец мал, а на ем поставлена хижина мала, а живет в ней пустынник Букал, а потому хижина именуется Букалова».

Болотистые Кулишки ближе к Яузе переходили в луговину, заливаемую половодьем. Планы и изображения той местности, даже относящиеся к XVII веку, показывают, что луг оставался незастроенным, в устье Яузы находились водяные мельницы, была оборудована пристань для судов, но жилые постройки начинались только на левом берегу, где был подъем на холм. Так что и хижина пустынника Букала могла стоять лишь за рекой.

Видимо, отдавая дань христианской традиции, переписчик старинного сказания назвал Букала пустынником, то есть как объясняет это слово толковый словарь, человеком, из религиозных соображений поселившимся в безлюдном месте и отказавшимся от общения с людьми. Однако имя «Букал» никак не подходит для пустынника.

Такого имени нет ни в христианских святцах, ни в гражданском перечне имен, ни в древнем славянском именослове. Значит, это прозвище. А, как известно, каждое прозвище имеет под собой основание, указывая на какую-либо примечательную черту человека. Распространенным поводом для образования прозвища человека является его профессиональная деятельность.

Каждая водяная мельница стоит на запруде, и та часть водного потока, которая находится под мельничным колесом и вращает его, называется букалищем. Букалище с его крутящейся водой считалось местом обитания водяного и чертей. В рукописи XVII века про него сказано, что оно «лукавых жилище» и что это общеизвестно: «И кто бо не весть бесов, в омутах и букалищах живущих?» Живущий при мельнице мельник должен был ладить с обитателями букалища, он заключал с ними договоры, приносил им жертвы, а при особо хороших отношениях дружил с ними и даже гостил у водяных. Наверное, мельник с мельницы на Яузе пользовался у окрестного населения славой если не колдуна, то человека, почерпнувшего в букалище кое-чего из чертовщины, оттого и прозванного Букалом.

Сведения о хижине Букаловой ограничиваются лишь сообщением о ее существовании и имени живущего в ней «пустынника».

На этом прерывается повествование об основании Москвы, и автор переходит к теме Крутицкого подворья. «И после того, – говорится в «Сказании», – князь великий Данило Иванович с тем же гречанином Василием спустя 4 дни наехав горы, а в горах тех стоит хижина мала, и в той хижине человек римлянин, имя ему Подон. И возлюбил князь великий место сие, и на том месте дом себе восхоте устроить.

Той же Подон исполнен духа святого и рече:

– Княже, не подобает ти zde вселиться, то есть место дом Божий, созиждут храм Божий и пребудут архиереи». И князь Данило Иванович отказался от мысли строить здесь город.

Обосновав пророчеством Подона отказ князя строить на Крутицах «себе дом», автор рассказа сообщает, что некоторое время спустя великий князь «предаде... область Крутицую... крутицким архиереям». Таким образом было подчеркнуто право архиереев владеть Крутицами и по божескому, и по княжескому определению.

Сказание же об основании Москвы завершается краткой справкой: «По сем же в 6-е лето великий князь Данило Иоаннович на хижине Букалове заложи град и нарекоша имя ему Москва».

Историки И.Е. Забелин и М.Н. Тихомиров путем логических рассуждений, опираясь на анализ историко-географической ситуации, заявили о своей уверенности в том, что при устье Яузы «от глубокой древности» существовал «первый поселок Москва» (И.Е. Забелин).

Тимофей Каменевич-Рвовский, автор Сказания о библейском Мосохе и его жене Кве, сообщает точное местоположение первопробытного городка: «...над превысоцей горе той,

над устьей Явузы реки... идеже и днесь стоит на горе оной церковь каменная святого и великого мученика Никиты, бесов мучителя и от верных челоуков тех прогонителя...»

Наверное, Каменевич-Рвовский знал какие-то предания о том, что именно там был поставлен город. Об этом имеется также и документальное свидетельство: в Губной записи 1486 года указывается, что церковь Никиты Мученика находится на месте старого городища.

Место при устье Яузы отвечало всем требованиям, предъявлявшимся для основания города, и традициям строительства славянских городов середины I тысячелетия н. э.

Из тогдашних восточнославянских городов наиболее известен и изучен Киев, и сравнение с ним вполне оправдано.

Основание Киева относится к рубежу V–VI веков. Город был поставлен на высоком берегу Днепра при впадении в него реки Почайны. На холме встала крепость, внутри нее были княжеские хоромы, жилье дружинников, бояр. Вне крепости, на горе, находилось капище с изображениями главных богов – Дажьбога, Перуна, Хорса, Мокоши и других, внизу холма, на подоле, – капище Велеса, слободы ремесленников и там же, отдельно, слобода, где останавливались гости-купцы.

Что же, как не Киев, могло послужить славянскому князю Мосху образцом при устройстве города.

И действительно, Москва на Яузе повторила градостроительную схему Киева. Над рекой, на холме, город; выше за городом – капище; на подоле, на лугу, – капище Велеса, и также за Яузой, немного выше по течению, слобода для приезжих гостей-купцов, до XIX века это место называлось Гостиной горой.

Выбор же поставить город на Яузе, а не на каком-либо другом притоке Москвы-реки определился тем, что Яуза была судоходной, являлась частью торгового пути с балтийского севера на восток – в волжский Булгар и далее – Персию. Она была соединительным звеном между Клязьмой и Москвой-рекой.

Существует несколько объяснений названия «Яуза», но наиболее убедительно происхождение от глагола «вязать, связывать». Забелин приводит ряд названий рек, которые происходят от этого же корня: Вязьма, Вязь, Ваза, Уза.

Город Моска, построенный по плану старого Киева, свое звание получил так же, как и Киев, – от имени своего основателя с прибавлением падежной флексии, означающей принадлежность, Кий – Киев, Мосх(к) – Москов.

По городу вся территория расселения родов Моска получила название Московь, а текущая в ее пределах река стала называться Москвой-рекой.

Название города и территории в форме «Москов» и «Московь» продержалось до середины XII века. Об этом свидетельствует первое летописное упоминание Москвы в 1147 году: «Приди ко мне, брате, в Москов», сохранившее для истории первоначальное название Москвы.

Видимо, оно бытовало еще достаточно долго. Москвичей стали называть москвичами только в XIII веке, до этого их называли московлянами; от старой формы названия образованы также наименования «московиты», «Московия».

Если с XII века объяснение значения названия города Москвы заключалось в тайне названия реки, на которой он стоит: «и прозва его прозванием Москва-град по имени реки, текущая под ним», то теперь требуется объяснить значение имени вятического князя Моска.

Собственно говоря, языковеды давно уже включили название «Москва» в область значений древнего индоевропейского корня «москы», означающего влажность, сырость, жидкость, включая в число слов этого ряда и слово «мозг» с понятием вещество, заполняющее череп. В древнерусских текстах встречаются два написания этого слова: мозгъ и мозкъ. В устной речи слово «мозг» произносится как «моск».

В русском языке слово «мозг» может выступать синонимом понятия «ум», довольно часто об умном человеке говорят: «мозговитый».

О князе Моске во «Влесовой книге» говорится, что он «о единстве земли заботился, разум имел и о нас радел», был наделен «силою и мудростью».

А.И. Асов так объясняет значение имени «Моск»: «Имя это явно индоевропейское. Сие слово принадлежит к целому “кусту” слов, корень коих “мосх” или “моск” суть пособ про-изношения слова “мозг” со “мудрость” (ср. авестийское Ахура Мазда – Господь Мудрость). Сие имя могли принимать как священное вожди и князья, которые вставали во главе пле-менных союзов и почитались мудрейшими. Это – династийное имя».

Кроме поставленных в начале очерка вопросов, когда и кем была основана Москва и что значит слово «Москва», мы попутно вынуждены были поставить и решить еще дин вопрос, который поначалу и не возникал: где была заложена Москва, потому что знали по летописи ее местоположение: «Князь великий Юрий Володимеричь заложи град Москову на устий же Неглинны, выше реки Аузы». Слова «на устье реки Неглинной» точно определяют место построенного города, а вот дополнительная ссылка на Язу совершенно излишняя. Хотя, если летописец так написал, значит, вкладывал в свое сообщение какой-то определен-ный смысл.

За этими словами скрывается тот факт, что в это время еще стоял Москов на Язуе, и, хотя земля Московь уже входила в Суздальское княжество, Юрий Долгорукий не решился занять и перестроить древнее вятическое поселение, в котором жили его исконные обита-тели. К тому же они тогда еще сохраняли свою языческую религию.

Юрий Долгорукий поступил здесь так же, как при основании в 1152 году города Пере-славля на Плещеевом озере. Хотя там уже существовал славянский (по мнению М.Н. Тихо-мирова) город Клещин, князь, как сказано в летописи, «град Переславль от Клещина пере-нес и созда больши старого, и церковь в нем постави камену святого Спаса». А от древнего Клещина до сих пор сохранились земляные валы укреплений.

Год основания Моском города Москов можно назвать почти точно. Поход византий-ского полководца Приска на славянские земли датируется 597–598 годами. В ряде списков «Сказания», «...кое правее всех...», указывается, что князь Данило Иванович заложил град Москов «на шестое лето». Таким образом, получается, что Москва была основана в 604 году.

И в нынешнем 2006 году она вступает в свой 1402-й год, то есть в пятнадцатый век своей жизни.

Яузские ворота и их окрестности

Живописность московских видов вошла в пословицу, которая утверждает: «Кто в Москве не бывал, красоты не видал». Многочисленные свидетельства тому содержатся в мемуарных и литературных произведениях отечественных и иностранных писателей и путе-шественников. В 1817 году Н.М. Карамзин составляет «Записку о московских достопа-мятностях» «...для некоторой особы, ехавшей в Москву». Этой особой была императрица Мария Федоровна, вдова Павла I, почти не знавшая древней столицы. Карамзин, назвав главные исторические памятники Москвы, приводит перечень лучших видов города – из Кремля, с Воробьевых гор, от Симонова и других монастырей, которые, как он замечает, «... большею частью стоят на прекрасных местах». В московские путеводители XIX века часто включался отдельной главкой рекомендательный список «Лучшие виды Москвы», в 1836 году был издан даже специальный путеводитель «Панорамы Москвы и ее окрестностей в новейшем их виде и положении».

Время, конечно, изменяло облик города. Но, даже несмотря на варварскую реконструк-цию, проводившуюся весь XX век и продолжающуюся в настоящее время, московские виды

остаются одной из главных достопримечательностей города. В них наряду с историческими и архитектурными памятниками проявляется то своеобразие облика Москвы, которое позволяет ей занимать достойное место в ряду мировых исторических столиц.

Сохранились некоторые прежние виды на Москву – из Кремля и на Кремль, с Воробьевых гор и другие, открылись новые.

Москворецкий мост. 1930-е гг.

В конце сентября 2001 года на Общественном градостроительном совете Москвы было принято и утверждено решение «о фиксации в качестве исторических» восьми панорам Москвы, то есть запрещении строительства, искажающего эти панорамы или закрывающего их обзор. В число первых заповедных панорам вошли: виды на Кремль с Большого Каменного и Москворецкого мостов и Софийской набережной, виды на Красную площадь от Исторического музея и от храма Василия Блаженного, виды на Театральную площадь – на Большой театр от Китайгородской стены и от Большого театра на Китайгородскую стену, а также вид на площадь Яузских ворот.

Современная площадь Яузских ворот в официальных городских справочниках имеет границы: «между Яузским бульваром, Яузской ул., Устьинским пр. и ул. Солянка». В натуре это прямоугольник московской земли размером приблизительно тридцать на двадцать метров, на котором когда-то стояли Яузские ворота Белого города, а сейчас проложены трамвайные рельсы. Это перекресток, по которому движется транспорт с Солянки к Яузскому мосту от Яузского бульвара на Устьинский мост.

По московской традиции название «Яузские ворота» шире, чем название площади, оно относится к тем старинным московским названиям, которые москвичи давали определенной местности, небольшому району – нескольким улицам, переулкам, объединявшимся вокруг какого-либо центра и составлявшим нечто вроде отдельной слободы. Иногда название было привязано к одной из улиц района, например, Пресня, Арбат, иногда это было название района без привязки к конкретной улице, например, Замоскворечье, Кулишки. К последнему виду относится и название «Яузские ворота». Его происхождение не таит в себе никаких загадок, оно известно с конца XVI века, когда были возведены крепостные стены Белого города по линии нынешнего бульварного кольца с воротами на основных улицах-дорогах, в том числе и на Яузской улице, по которой шла от Кремля дорога к Яузе. Ворота обычно получали названия по подходящим к ним дорогам и улицам, поэтому они получили название Яузских.

Двести лет спустя, в конце XVIII века, стены и ворота Белого города были снесены, а название осталось. Но за эти века оно обрело иное значение, чем просто название ворот, оно стало названием окрестного района в границах, не совпадавших с полицейским административным делением города, но прочно укоренившихся среди москвичей.

В путеводителе по Москве «Москва. Подробная справочная книжка для приезжающих и живущих в столице», изданном в 1848 году, ее автор землемер М.Д. Рудольф о Яузских воротах дает такую справку: «„Яузские ворота“ – название по реке Яузе. Несуществующее место».

К путеводителю прилагался план города, который, как на нем написано, «...с натурой соображал землемер М. Рудольф». Можно представить, как профессионального землемера, имеющего дело с конкретными участками земли со своими точными границами и наименованиями, раздражало название, всем известное, но которое никто в натуре не мог привязать к конкретной точке, и то, что спрошенный местный житель, указывая рукой в разные стороны – на Яузу, на Солянку, на окрестные переулки, уверенно утверждал: «Вот это и есть Яузские ворота».

В послереволюционные 20-е годы название «Яузские ворота» исчезает из справочников московских улиц на целые полвека. Случилось это из-за существовавшей в городской

администрации тенденции избавляться от тех городских названий, по которым «нет прописки», то есть нет ни жилых домов, ни учреждений, адрес которых надо было бы указывать в официальных документах.

Перекресток Яузских ворот вернулся в справочники около 1980 года, на этот раз как официальная площадь. Но даже несмотря на то, что сменилось два поколения, укоренившееся и, главное, практически нужное и употребляемое название «Яузские ворота» никогда не уходило из живой речи и сознания москвичей, так же как и представление о границах территории района, им обозначенного.

Старинные районы создавались не по воле администратора, а складывались благодаря своим внутренним связям. С самого своего основания Москва росла и расширяясь за счет окружавших ее сел и слобод, а известно, что в каждом селе, каждой слободе существовали свои внутрислободские, родственные, соседские, экономические связи, складывались свои обычаи и порядки, был свой церковный приход, свои лавки и базары. Входя в состав города, эти села и слободы сохраняли в какой-то мере особенности в характере населения, в быте, то есть «имели свое лицо».

Поэтому старинное московское название не только сохраняется в памяти москвичей как условное топографическое обозначение какой-либо определенной местности, но заключает и хранит в себе огромное множество связанных с этой местностью представлений, воспоминаний, чувств, мыслей, настроений, необъяснимо возникающих через века, подобно тому, как имя человека, с которым когда-то довелось встретиться, вызывает представление о его внешнем и духовном облике. У старинных московских районов существует свой мифологический образ: образ Арбата, образ Замоскворечья, образ Марьиной рощи. Свой облик и характер имеют и Яузские ворота.

Как особенность сложившихся три-четыре столетия назад московских районов следует отметить, что их незримые границы настолько рациональны и естественны, в отличие от последующего районирования, что сохранились в подсознании жителей, несмотря на изменения, происходящие при развитии города и общественного быта.

Территория Яузских ворот включает в себя Яузскую улицу, площадь Яузских ворот, устье Яузы, Яузский мост и примыкающую к нему часть Заяузья с Николоямской улицей, с переулками Таганского холма – бывшей Вшивой горки. В XVII веке Яузская улица продолжалась до Таганской площади, и ворота Земляного города, находившиеся на ней, назывались Яузскими.

Одним из признаков этого территориального единства, наверное, может служить и то, что в предвоенные годы, когда в Москве существовали мальчишеские «дворовые» группировки, Яузские ворота на своей территории не знали межуличной вражды.

Наряду с территориальным единством старинные московские районы представляли собой и своеобразный градостроительный ансамбль, древнейшим зерном которого было село или слобода. Район Яузских ворот в основе своей возник и развивался как сочетание целого ряда тесно соседствующих слобод, в которых жили и трудились ремесленники – серебряники, котельники, гончары, кузнецы и люди других занятий и профессий, поэтому характерной чертой его облика всегда было различие в застройке и планировке отдельных частей района, причем различия не разрушали общего. Эту черту район сохраняет и в настоящее время. Нынешнее Постановление об охране исторической панорамы Яузских ворот отмечает, что здесь сложился интереснейший архитектурный ансамбль.

Со сквера, разбитого между Устьинской набережной Яузы и Устьинским проездом к Москве-реке, можно окинуть взглядом открывающуюся с него круговую историческую панораму Яузских ворот, ее разновековой ансамбль.

Начнем слева, с угла Солянки и Яузского бульвара. Тут стоит двухэтажный дом конца XVIII века, скромное благородство его облика свидетельствует о том, что строил его хоро-

ший архитектор. Это здание – одна из гостиниц, возведенных в конце XVIII века архитектором В.П. Стасовым у ворот Белого города. За гостиницей возвышается красно-белая церковь с колокольной – церковь Петра и Павла, что на Кулишках, построенная в 1700–1702 годах и представляющая собой памятник московского барокко. Церковь хорошо видна: она высока и стоит на возвышенности, поэтому ее также называли «церковь Петра Павла Высокого» и «что у Яузских ворот на Горке».

Мимо углового дома Солянки на площадь Яузских ворот выходит проезд Яузского бульвара, на противоположном гостинице Стасова углу проезда начинается Яузскую улицу белоколонный двухэтажный дом, ладный и уютный, настоящий московский ампи́р пушкинской эпохи, в 1820–1830-е годы он принадлежал профессору Московского университета С.А. Смирнову. За ним виден верхний этаж особняка начала XX века, построенного в стиле модерн как фантазия на темы романского Средневековья. К ампи́рному дому с колоннадой вплотную примыкает каменная одноэтажная лавка постройки XVII века. Рядом с ней – выходящий фасадом на Яузскую улицу особняк XVIII века, некогда принадлежавший деду жены А.С. Пушкина Н.Н. Гончаровой – Афанасию Абрамовичу Гончарову.

Около дома Гончарова, на углу с Серебряническим переулком, поднимается бело-голубая, легкая и причудливая, построенная в 1781 году в стиле барокко церковь-колокольная Троицы Живоначальной, что в Старых Серебряниках – чудесное творение известного архитектора Карла Бланка.

Далее взгляд, скользнув по верхнему этажу полускрытого высоким парапетом моста двухэтажного купеческого дома первой половины XIX века, останавливается на Яузском мосту через Язу.

За мостом Яузская улица круто поднимается вверх, на гору. Это один из тех семи холмов, на которых, по утверждению летописцев, стоит Москва, – Красный холм, его также называют Таганским, так как на его вершине находятся Таганская площадь и Таганские улицы. Слева от моста, у подножия холма, унылое современное здание Библиотеки иностранной литературы, но взор на нем не фиксируется, потому что застройка поднимающегося холма представляет собой более живописное и разнообразное зрелище. По левой стороне улицы сквозь старые деревья просвечивает здание и флигеля дома-дворца конца XVIII века, ныне занятые Яузской больницей. По правой – за рядом домов почти на вершине холма виднеется изящная шатровая колоколенка XVII века церкви Никиты Мученика.

Правую часть панорамы Яузских ворот замыкает высотное здание – «высотка на Котельнической набережной». Как ни велико это здание, но все же не больше Красного холма, и, наверное, поэтому оно не выглядит здесь вызывающе инородным, но образует ансамбль с холмом и всем тем, что на нем находится.

Такова современная панорама Яузских ворот. Ее прелесть заключается в том, что здесь, на Яузской улице, сохранился в законченной целостности выразительный фрагмент Москвы XVIII – начала XIX века, Москвы Екатерининской, Павловской, Александра I, Москвы Карамзина и Пушкина, причем Москвы не парадной, не дворовой, не музейной, а живой. Особую остроту «пушкинскому» пейзажу придает фон из высоких зданий «сталинской» архитектуры.

Котельническая набережная. Начало XX века

Яузские ворота до определенного времени не входили в число популярных туристских маршрутов, обычно ориентирующихся на обозрение выдающихся и общеизвестных памятников архитектуры и истории.

Однако в 1970-е годы Яузские ворота привлекли пристальное внимание московских художников, и почти на каждой большой коллективной выставке 1980–1990-х годов можно

было увидеть этот уголок старой Москвы. Его писали и рисовали разные живописцы и графики: Г. Захаров, И. Сорокин, А. Горский, М. Стриженов, О. Демидова, В. Волков, А. Горяинов, М. Дедова-Дзядушинская, Б. Стариков, С. Андрияка и др. Но как непохожи их работы! На всех узнаваемые здания у Яузских ворот, повороты и изгибы улиц, вливающиеся в площадь, мост через Яузу, и в то же время каждая работа – словно какие-то иные Яузские ворота. Конечно, настроение художника, его стиль, его видение мира, наконец, время года и время суток, точка зрения в какой-то степени объясняют эти различия, но главное, думается, в другом – в самой натуре, раскрывающейся перед художником не сразу и не полностью. Художники интуитивно чувствуют это. Некоторые из них вновь и вновь возвращаются сюда и вновь рисуют – так велико обаяние Яузских ворот.

Впрочем, художники нашего времени далеко не первые из тех, кто был очарован этими местами.

В 1699 году дьякон Тимофей Каменевич-Рвовский, когда писал о праотце Мосохе и его жене Кве, назвал место, на котором тот основал город, не только «первоприбытным» и «именно Московским», но и «всепрекрасным». Уже тогда москвичи оценили этот вид.

Карамзин в «Записке о московских достопамятностях» называет «прелестным» «вид с бывшего места кн. Безбородко, в Яузской части». Это «место», то есть «владение» екатерининского вельможи, находилось в начале Воронцова поля, у церкви Николы в Воробине (или на Гостиной горе), откуда открывался вид на Яузские ворота и на устье узы с церковью Никиты Мученика.

В 1820—1830-е годы вид устья Яузы относился к числу привлекательнейших. Путеводитель того времени так представлял его читателю (указывая удобным для обозрения то же место, которое называет и Карамзин):

«Идя от Покровских ворот хорошим бульваром... и спускаясь с возвышения мимо огромного дома, принадлежавшего прежде генералу Хитрову, вы, почтенный читатель, конечно, не откажетесь остановиться и полюбоваться прелестнейшим видом Замоскворечья, частью набережной Вшивой горки и устья крутоберегой Яузы; точно, вид сей нелестен: это смесь столичного великолепия с милою простотою природы. Реки Москва и Яуза придают неизъяснимую прелесть сей картине, достойной поистине внимания наблюдателя и кисти художника. Перо наше слабо изобразить ее, но мы рекомендуем место сие и решительно можем сказать, что оно принадлежит к лучшим видам нашей столицы. Долго идя между рядами огромных зданий, вы вдруг поражаетесь картиною сего местоположения, вдруг открывается она пред вами, и вы придете в изумление от вида трех разнообразных гордов, соединенных при устье Яузы».

Название «Вшивая горка», данное в XVIII – первой половине XIX века обращенному к Яузе склону Таганского холма, тогда никого не шокировало. Оно значило лишь то, что на нем, за церковью Никиты Мученика, находился известный всей Москве рынок-барахолка, из тех, которые Москве назывались «вшивыми», как в Париже подобный рынок назывался «блошиным». В конце XIX века, когда рынок давно был закрыт и о нем забыли, а название холма сохранилось в народной памяти, оно стало казаться «неприличным». И тогда, поставив название «испорченным», предложили «облагородить» его – заменить на «Шивая» или «Ушивая», объясняя это тем, что якобы на холме жили портные-швецы, и на нем росла сорная трава ушь.

Экскурсия в Москов

В последнее десятилетие XX века и первые годы XXI столетия окрестности Яузских ворот стали местом экскурсионных маршрутов. Сохранившиеся здесь архитектурные памятники XVII–XIX веков позволяют экскурсоводу рассказать и о слободской Москве допетров-

ских времен, и о новых и старых вельможах петровского и екатерининского времен, и о пожаре 1812 года, и о пушкинской эпохе (и о самом великом поэте – он тоже здесь бывал). А для рассказа о современности представляет много занимательных сюжетов высотный дом на Котельнической набережной.

Однако здесь же, в устье Яузы, ее крутоберегие склоны сохраняют приметы более далекой эпохи – тех времен, когда город назывался еще не Москва, а Москов. Везде обнаруживается его присутствие – нужно только внимательно посмотреть и подключить воображение, чтобы представить себе древние улочки и переулочки, терема высокие...

В поселении человека, в деревне или городе, в том числе и в Москве, самая древняя его часть – земля, на которой оно стоит, и самые старые, самые первые памятники – рельеф местности и другие природные и геологические объекты, которые в первоначальные времена оказали решающее влияние на возникновение поселения и на его характер.

Впоследствии часто оказывалось, что природные условия, по мнению человека, становились помехой развитию поселения, и тогда он начинал заниматься исправлением природы.

Свой рассказ о древней Москве Иван Егорович Забелин предваряет предупреждением: «Древняя топография города имела иной вид и представляла больше живописности, чем теперь, когда под булыжную мостовую везде исчезли сохраненные только в именах церковных урочищ поля, полянки и всполья, пески, грязи и глинища, мхи, ольхи, даже дебри (или дерби), кулишки, т. е. болотные места и самые болота, кочки, лужки, враги-овраги, енды-рвы, горки, могильники и т. п.». Об этом следует помнить, исследуя и описывая Москву старых времен, но также это надо учитывать, говоря о современной Москве, потому что под зданиями и под замощенными, заасфальтированными улицами лежит та же земля, которая была и до того, как она стала называться московской.

Иногда она вдруг напоминает о себе не только мощными холмами, но и прорвавшимся на поверхность ручьем или освободившимся волей случая из-под каменного и асфальтового панциря клином первобытной почвы.

Такой клин в 1970-е годы появился у Яузских ворот, вернув пейзаж к тем временам, когда это место еще не называлось Яузскими воротами, потому что они еще не были построены.

В 1970-е годы была также снесена застройка правой стороны Яузской улицы и весь квартал до Москворецкой набережной. До сноса этот квартал был правой стороной Яузской улицы, сейчас он стал частью площади Яузские ворота. На месте снесенных зданий разбит сквер, на нем подросли деревца, загустел кустарник, образовались лужайки, на которых в сенокосную пору встают аккуратные стожки сена.

Эти стожки переносят нас в очень далекое прошлое: издавна, как уже говорилось, низина Москвы-реки, примыкающая к устью Яузы, была лугом и использовалась для выпаса скота. На низком берегу Яузы были пристани, в XIX веке о них еще помнили и набережную называли Пристанищем, а до начала 1930-х годов из воды возле берега торчали осклизлые верхушки старых свай.

Известный москвовед П.В. Сытин, много лет изучавший московские названия, написавший на эту тему несколько книг, в последней из них, подводящей итоги его исследований, пишет: «Названия московских улиц, переулков и площадей – нерукотворные памятники многовековой жизни города, его природы, истории, архитектуры, искусства, революции и социалистического строительства. Они более живучи, чем многие памятники материальные, даже памятники архитектуры и искусства. Измененные и замененные новыми названиями, удачные старые названия часто еще долго живут в народе».

Жизнь названий и память о них измеряется многими веками. Некоторые названия «первоприбытного» уголка Москвы через тысячу лет пронесли память о «первоприбытных» временах. Пристанище – одно из них.

Другое название – Васильевский луг. Так называли обширный луг по левому берегу Москвы-реки от стены Китай-города до устья Яузы.

Наиболее распространенное объяснение происхождения этого названия указывает на якобы устроенный здесь князем Василием Ивановичем, отцом Ивана Грозного, великокняжеский сад. Однако И.Е. Забелин, специально занимавшийся изучением дворцовых садов, установил, что тот сад... является только на планах времен царя Алексея Михайловича», то есть во второй половине XVII века, название «Васильевский» существовало значительно раньше. Другое объяснение: там, мол, любил бывать известный московский юродивый Василий Блаженный, потому и назвали его – Васильевский луг.

Но более вероятным и имеющим под собою реальную историческую основу представляется следующее происхождение и история этого топонима.

Так как здесь, на лугу, в первоначальные времена Москвы находилось капище Велеса, луг назывался Велесов, как в древнем Киеве холм, на котором находилось капище Перуна, Перуновым холмом.

В христианские времена капище Велеса исчезло, и в кое-то время произошла замена имени языческого бога именем христианского святого Василия, и по созвучию имен, и потому, что святой Василий также считался «скотым» покровителем.

С Яузского моста видно, как выше по течению реки правый берег поднимается мощным холмом, этот холм – еще одна заселенная часть древнего подола – Гостиная гора. Ее название также древнего происхождения и сохранялось за ней до конца XVII века. Построенная на ней в 1690–1693 годах в стрелецкой слободе Воробине церковь Николая Чудотворца имела два уточняющих прибавления к названию: «что в Воробине» и «что на Гостиной горе». Церковь снесена в 1930-е годы, память о ней осталась в названии Николоворобинского переулка.

Выше по течению Яузы, на верху Гостиной горы, находится еще один храм – церковь Илии Пророка на Воронцовом поле. Хотя главный престол храма – Благовещение Пресвятой Богородицы, а во имя Илии Пророка освящен лишь придел храма, церковь называют Ильинской, и этому есть своя причина. Современный храм, вернее его полуразрушенное здание (богослужения совершаются в доме причта), был построен во второй половине XIX века на месте прежнего храма, возведенного в XVI веке и перестроенного в XVIII веке.

Храм XVI века был построен по приказанию великого князя Василия III в 1514 году и освящен во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, потому что день рождения князя приходился на этот праздник. Однако и этот храм был не первым в селе Воронцовом возле соснового бора. Память об этом боре сохранилось в названии ближайшего Подсосенского переулка. В XV веке тут уже была церковь, в летописной статье за 1476 год она упоминается под названием Ильинской: «... в четверток великий бысть знамение в солнци... далече же от него лучи сияющи два един видим нами аки за св. Ильею иже под Сосною».

Дату же основания церкви во имя Пророка Илии, в XVI веке переименованной по великокняжескому повелению в Благовещенскую, однако продолжающей называться в народе Ильинской, следует отнести далеко в глубь веков, поскольку немало времени должно пройти, чтобы название церкви настолько утвердилось в сознании людей, что об ином и подумать было невозможно. Об этом же говорит и то, что престольный праздник на Илью Пророка 20 июня издавна традиционно сопровождался ярмаркой, народным гуляньем с хороводами и качелями. Традиция эта прекратилась лишь после проведения по Садовому кольцу линии конки.

Название «Васильевский луг», в котором угадывается древнее имя Велеса, а также церковь Илии Пророка на Гостиной горе заставляют вспомнить топографию древнего Киева и сравнить с ней топографию древней Москвы.

«Подольские возвышенности (незатопляемая при половодье часть. – В. М.), судя по обнаруженным материалам, были заселены уже в VII–VIII вв., что, несомненно, указывает на раннее формирование Киевского посада... – пишет археолог П.П. Толочко в книге «Древний Киев» (1983). – Одним из убедительных свидетельств сказанного выше (кроме находок монет и вещей иностранного происхождения) является то, что на берегу Почайны – речной гавани, принимавшей торговые флотилии из многих стран мира, почти за полвека до принятия Русью новой веры действовал первый христианский храм Киева – церковь св. Ильи. Рассказывая о заключении договора 944 года между Византией и Русью, летописец пишет, что часть Игоревой свиты (языческая) во главе с князем принесла присягу на верность договору на холме, где стоял Перун, а «хрестеяную Русь водиша роте (присяге) в церкви святого Ильи, яже есть над Ручаем, конец Пасынче беседы». Далее летописец объясняет, что это была соборная церковь, которую посещали не только русские, но и иностранцы, естественно, если они были христианами. (На месте древней церкви в Киеве, как и в Москве, и сейчас стоит церковь во имя Ильи Пророка. – В. М.)

Кроме христианского храма на Подоле IX–X веков имелся и языческий – капище Велеса («скотьего бога»). По мнению исследователей, местоположение капища на Подоле вблизи городских пастбищ вполне объяснимо. Перед идолом Велеса люди вымаливали покровительство скоту. Не исключено и другое объяснение. В.О. Ключевский полагал, что «скотий бог» символизировал также богатства и меновые ценности, потому что скот и деньги по тем временам были синонимами. В таком случае храм Велеса на Подоле покровительствовал и торговле.

А теперь, полюбовавшись, как его характеризует старый путеводитель, «прелестнейшим видом» устья крутоберегой Яузы, начнем подниматься на Таганский холм по переулку слева от высотного здания. Этот переулок называется «Большой Ватин», и его название представляет собой топонимический анекдот. Ведущий к церкви Никиты Мученика переулок до революции назывался Никитским. В 1922 году, борясь с церковными названиями, его переименовали. Основанием для нового названия послужила надпись на могильной плите конца XVI века, обнаруженной на церковном кладбище, под которой покоился прах купца Ватина, названного «строителем» храма. Позднее обнаружилось, что фамилию прочли неправильно: купец был не Ватин, а Вагин. Однако решение о переименовании переулка уже было подписано, так он и остался Ватиным.

Поднимемся по Ватину-Никитскому переулку и пойдем бродить по улочкам и переулочкам, одни из которых поднимаются вверх, другие идут поперек холма. Их причудливый рисунок – следствие того, что при своем возникновении они приспособлялись к рельефу. Несмотря на то, что при позднейшем строительстве рельеф выравнивался, совсем сгладить холм не получилось.

Улочки и переулочки Красного холма – ценнейший исторический памятник, памятник градостроительства.

Названия некоторых улиц сохраняют память о былых слободах: Гончарная улица, Котельнические переулки. Другие были переименованы, но прежние названия до сих пор не забыты. Так, Нижняя и Верхняя Радищевские улицы, получившие эти названия в 1919 году, прежде назывались Болвановскими. Они находились выше церкви Никиты Мученика, за первоначальным городом. По летописи известно, что в древнем Киеве за городом, «вне двора» теремного, находилось капище. Там, пишет Нестор, стояли «кумиры... Перуна деревяна, а голова его серебряна, а ус золотой, и Хорса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семаргла, и Мокош». На Руси объемные изображения нехристианских богов называли болванами. Болвановские улицы проложены были там, где стояли «болваны», то есть было языческое капище. Сейчас старинное название местности сохраняет церковь, известная по документам

с начала XVIII века, – храм святителя Николая на Болвановке (Современный адрес: Верхняя Радищевская, 20).

Старейший москвовед Виктор Васильевич Сорокин, живший на Таганке, рассказывал, что он часто встречал академика Бориса Александровича Рыбакова, бродящего по переулкам вокруг церкви Никиты Мученика. Тогда Рыбаков как раз занимался славянским язычеством. (Возможно указанием на то, что церковь построена на месте языческого капища, может считаться и ее старинное название, приводимое Каменевичем-Рвовским: «Никиты Мученика, бесов мучителя». В названиях других московских церквей этого святого уточнение «бесов мучителя» отсутствует.) В книге «Язычество Древней Руси» (1987) Б.А. Рыбаков, говоря о языческих капищах, пишет: «В докняжеской языческой Москве таким сакральным урочищем был, очевидно, холм, на котором, судя по названию «Болваны» (у Таганки), находились некогда идолы».

За долгие века существования московского поселения на холме при устье Яузы множество людей жили и бывали здесь, ходили и ездили по этим улицам и переулкам.

Конечно, чем ближе к нашим дням, тем больше можно назвать имен и рассказать о большем числе событий и случаев, связанных с этими местами. Но и далекие былинные, почти мифические времена князя Владимира Красное Солнышко оставили на этих улочках и переулочках свой след.

Славный богатырь из вятического града Московя

Всем известны главные герои русского былинного эпоса – три богатыря Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Илья Муромец – крестьянский сын из главного города Мурома да из села Карачарова, Алеша Попович – «млад сын» ростовского попа Леонтия, а Добрыня Никитич «остался по смерти отца старого купца Никиты малым младенцем», растила его матушка «честна вдова Офимья Александровна», а где они жили, о том говорится в былине:

Жила честна вдова Офимья Александровна
В Москве на Горке на Вшивой,
И остался от батюшки молодой Добрынюшка Никитич.

Сказитель былины, указывая местоположение двора матери Добрыни, поступил так же, как это сделал, объясняя, где было поселение библейского Мосоха, Каменевич-Рвовский. Оба они называют наиболее известный в их время ориентир этого места. В XII веке при Каменевиче-Рвовском это была церковь Никиты Мученика, при рассказчике былины – в середине XVIII – начале XIX века – таким ориентиром стал рынок и народное название этого района. Но и в том, и другом случае речь идет об одном и том же месте – городе-крепости Моска – Москве.

Былина, которая начинается этими словами, называется «Добрыня и Маринка», она была записана в 1863 году в Олонецкой губернии от старика, который, как сообщает публикатор былины известный фольклорист П.Н. Рыбников, перенял ее, в свою очередь, у девяностолетнего старика – «первостепенного сказителя».

Исследователи установили, что эпические былины в той форме, в какой они дошли до нас, складывались в XI–XVI веках. Но при этом они вбирали в себя более ранние эпические народные сюжеты и в то же время изображали современные события. Таким образом, получилось, что былина – это сложное, многослойное произведение, в одной былине находили отражение разные эпохи и разные события. При этом оставались неизменными характеры персонажей былины, олицетворявшие народные представления о добре и зле, справедливо-

сти и несправедливости, о народных понятиях красоты и безобразия, об идеальном человеке, который достоин уважения и подражания.

Таковыми идеальными героями явились богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Кроме того, что они представляли собой образцы для подражания как личности, все вместе они выражали главную государственную идею Древней Киевской Руси – идею о единстве всех русских земель – и западных, и южных, и восточных. Художественным выражением этой идеи и являются былины о трех богатырях из Залесской Руси, служащих киевскому князю и стоящих заставой на общей западной границе.

В былинах постоянно подчеркивалось социальное происхождение и место рождения главных богатырей: Илья Муромец – крестьянский сын из Муромца да из села Карачарова, Алеша Попович, как говорит и его прозвище, сын попа Леонтия из Ростова Великого. На этих данных значительной мере и строились их образы. Добрыня Никитич такой четкой сословной и территориальной привязки не имеет, хотя в некоторых былинах и сообщается, что его отец был купцом – «богатым гостем» из Рязани.

Во второй половине XIX века, когда былины стали предметом научного исследования ученых и вошли в курсы истории русской литературы, фольклористы так называемой исторической школы занялись поиском исторических прототипов былинных персонажей. Воин Илья Русский, упомянутый в скандинавских сагах XII–XIII веков, был ими отождествлен с былинным Ильей Муромцем, в русских летописях нашлось несколько упоминаний имени Алеши Поповича как участника сражений в X и XIII веках. Ясно, что речь шла о разных людях с одинаковыми именами, но в то же время, по мнению этих исследователей, подтверждалось реальное существование и былинного персонажа.

С Добрыней получилось и проще, и сложнее. Имя это известно в русской истории, и, более того, один из носителей этого имени – современник князя Владимира, поэтому он и был объявлен историческим прототипом былинного Добрыни Никитича.

Исторический Добрыня – близкий родственник князя Владимира, его дядя, ближайший советник, воевода и вельможа. С одной стороны, такой исторический персонаж поднимал образ былинного героя, с другой стороны, по своему социальному положению он совсем не подходил в друзья и соратники богатырской заставе, состоящей из крестьянского сына и попovichа, и, уж конечно, не мог быть в подчинении у крестьянина, а в былинах Илья Муромец называется атаманом, Добрыня же – податманьем.

С конца XIX века былины изучались в школе, к ним был большой интерес в обществе, на их сюжеты создавались литературные произведения, писались оперы, художники рисовали былинную Русь. Вызывали интерес и исторические комментарии ученых, и случилось так, что исторический Добрыня заслонил собою образ былинного. Былинный Добрыня в представлении читателей не имел таких ярких и определенных черт, как образы Ильи Муромца и Алеши Поповича.

Неопределенность образа Добрыни обуславливалась не только тем, что его старались приспособлять к историческому прообразу, но и тем, что былины о Добрыне самые древние из всего богатырского цикла, поэтому в них гораздо меньше реалистических событий и описаний, чем в былинах про Илью Муромца и Алешу Поповича. Происхождение основного сюжета былин про Добрыню – борьба богатыря со Змеем – относится не к историческим, а мифологическим сюжетам, поэтому конкретных исторических сведений о Добрыне в былинах немного, но они все-таки имеются.

Имеющиеся в былинах сведения о том, что Добрыня родом из Рязани, но не из города, а из рязанской земли, и родился он, когда Рязань еще «не городом слыла», а была селом, указывают на давность этого события. Рязань – места древнего поселения вятичей, в летописи XV века говорится: «Вятичи и до сего дня, еже есть Рязанцы». Таким образом, Добрыня, как и Илья Муромец с Алешей Поповичем, уроженец Залесской Руси.

Одна из былин рассказывает, что его богатырские подвиги начались в родных краях. Почти во всех былинах о Добрыне его купанье во Пучай-реке и сражение со Змеем Горынычем происходят на Киевской земле. Но в одном из вариантов былины «Добрыня и Змей» отец Добрыни, рязанский гость-купец, умирая и оставляя вдову с младенцем, просит ее удержать сына от сражения со Змеем:

Как захочет он купатися,
Он захочет ныряться,
Все пусть не ездит нынъ к Оке-реке.
Да река Ока зла-относлива,
Отнесет его, Добрынюшку,
Как ко тем горам высокиим,
Тут прилетит змея к нему...

Но Добрыня не послушался запрета матушки, поехал на Оку-реку, там и налетела на него «змея лютая».

Таким образом, действие переносится с Киевщины в среднерусские земли, на Оку, в область обитания вятичей. Поэтому вполне закономерно, что вдова богатого купца после смерти мужа из села переехала в вятический город – Москову.

В былине «Добрыня и Маринка» идет речь о молодых годах Добрыни, когда он «зачал» ездить, то есть прогуливаться, по городу.

И наказывает Добрынюшке матушка:

– Ай же ты, Добрынюшка, свет Никитинич!
Езди, Добрынюшка, по каменной Москвы,
Улочками езди и переулочками,
И езди, Добрынюшка,
во далече-далече во чисто поле...

И далее продолжает:

Когда будешь, Добрынюшка, близ города Киева,
И заедешь ты, Добрынюшка, во Киев-град,
Езди, Добрынюшка, улочками,
Езди, Добрыня, переулочками,
А не езди ты, Добрынюшка,
Во тыя улочки Маринские...

Маринка в былинах «Добрыня и Маринка» – молодая горожанка, красавица, живущая одна в богатом тереме, собирающая к себе на вечеринки красных девиц и молодушек, но идет о ней и дурная слава: известно, что есть у нее «полюбовник млад Тугарин Змиевич», что обольщает она добрых молодцев, а обольстив, превращает их в «гнедых туров и рысучих оленей», поскольку она еще и колдунья.

Добрынина матушка называет ее не иначе, как злодейкой и ненавистницей.

Сюжет о Добрыне и Маринке такой же древний, как и сюжет о борьбе со Змеем. В былинах, записанных в XVIII–XIX веках, этот сюжет предстает в осовремененном виде, но в его основе лежит древний славянский миф о борьбе богатыря со злым божеством – боги-ней Марой. В славянской мифологии Мара – богиня злой судьбы, провозвестница смерти,

несчастья, гибели, она могла увести с собой того, кому явилась. Людям она являлась в виде привидения, женщиной с распущенными волосами.

В современных народных поверьях сохраняется образ мары – злого духа, но не столь могучего, как в древней мифологии, сейчас ее называют также кикиморой.

Далее в былине «Добрыня и Маринка» рассказывается о том, что «забыл Добрынюшка наказаньице матушкино» и «заехал во тья улочки в Маринские».

Действие переносится в Киев. Но, думается, что здесь, в былине, начинающейся с точного указания на Москву, неожиданный перенос действия в Киев произошел под мощным влиянием всего корпуса былин, для которых Киев является обычным местом действия.

Кроме того, из дальнейшего повествования выясняется, что Добрыня до поездки в Маринкины переулочки знал Маринку и даже собирался на ней жениться, поэтому более логично предположить, что она живет в том же городе, что и он.

Итак, Добрыня, забыв «наказаньице матушкино», заехал в переулочки Маринские. Далее следует описание хором Маринки:

У злодейки Маринки ненавистницы
Построены терема высокия,
Просечены окошка косявчатя,
И поставлены колоды белодубовы,
Наличники положены серебряныя,
И на каждом окошечке голубь со голубушкою.

Добрыня достал из колчана стрелу, натянул тугой лук, пустил каленую стрелу в окно терема.

Старинный обычай сватовства путем стрельбы из лука известен у многих народов. Он описан в древних прениях мариЙцев (мери – дославянского населения бассейна Оки), а в русском фольклоре в сказке про Царевну-лягушку.

В это время у Маринки был гость, лежал в постели «мил друг» поганый Тугарин Змиевич, и стрела Добрыни поразила его насмерть.

Добрыня послал за стрелой-ответом к Маринке своего слугу, Маринка стрелу не отдала, сказала: «Кто стрелочку стрелил, пускай сам сюда придет».

У Добрыни бело тело распотелося,
А богатырское сердце разгорелося,
И скочил Добрынюшка тут со добра коня
И побежал во теремы высокие.

Когда же обнадеженный Маринкой Добрыня ушел, то коварная злодейка:

Брала свой нож булатный,
И куда ступал Добрынюшка Никитинич,
Знать-то гвоздики шеломчатые,
И подскоблила следы Добрынюшкины,
И спустила Добрынюшку оленем рысучим в чисто поле.

Со следующей строки действие былины продолжается в Москве:

И проведала его родитель-матушка,
Честна вдова Офимья Александровна,

Что обернут сын оленем рысучим во чисто поле,
И зачала искать по каменной Москве докторов,
Чтобы отвернуть Добрынюшку добрым молодцем,
Но не нашла в Москве докторов...

Затем следует опять киевская вставка, не оправданная ни сюжетом, ни смыслом:

И поехала во славный во Киев-град,
И нашла она бабушку задворенку,
И смолилась она да от желаньца:
– Ай же ты, бабушка задворенка!
Отверни-тко ты Добрынюшка добрым молодцем.
И возговорит бабушка задворенка:
– А возьми-тко ты меня саму да в каменну Москву
И на ту ли Горку на Вшивую.

Дальше местом действия сюжета становится Вшивая горка. Бабушка говорит Офимье Александровне:

– Принеси-ко ты Добрынюшкин тугой лук
И принеси-ко ты да калену стрелу.

Оказывается, оружие Добрыни находится в Москве, значит, убежал он в чисто поле оленем из Москва. Получив лук и стрелы, старушка натянула тугой лук, пустила стрелу, а сама приговаривала:

– Ты летай-ко, моя стрелочка, по чисту полю,
Доищи-ко ты Добрынюшка Никитича,
Оленя рысучего в чистом поле:
Пусть бежит во матушку в каменну Москву,
На ту ли на Горку на Вшивую.
– Этая бабушка задворенка
Сделала Добрынюшку добрым молодцем,
И сама говорит таково слово:
– Ты возьмешь ли, Добрынюшка,
Маринку за себя замуж?
И возговорил Добрынюшка Никитич:
– Не надоб мне Маринки на широкий двор.
Этая бабушка задворенка
Обвернула злодейку собакою:
– Ты бегай-ко, злодейка, век и по веку,
Отныне и до веку.

Такова былина о Добрыне Никитиче и о древнем Москве, когда жили в нем и богатыри, и колдуны, и стояли на его улочках и в переулочках терема высокие.

В переулках Таганского холма как не вспомнить старинную былинку!

* * *

Окрестности Яузских ворот – древнейшая часть Москвы, место первого городского поселения, аналогичное заповедной Старокиевской горе. Но наша гора в отличие от киевской не исследована археологами, не объявлена заповедником, хотя эти места хранят тайну основания Москвы, могут рассказать о жизни древних москвичей и подтвердить предположения и догадки историков-москвоведов об истинном возрасте нашего города, давно перешагнувшего свое тысячелетие.

Здесь наша Троя...

В поисках библиотеки Ивана Грозного

Поиски так называемой библиотеки (или Либерии, как ее часто называют на латинский лад) Ивана Грозного насчитывают уже четырехвековую историю. Самые первые известные нам сведения о поисках относятся к 1600–1601 гг. Именно тогда прибывшие с польским посольством в Москву на торжества по поводу воцарения Бориса Годунова канцлер Лев Сапега и ученый монах Петр Аркудий имели поручение Ватикана собрать сведения о библиотеке московских государей, состоящей из греческих рукописей.

О результатах своих розысков Лев Сапега писал папскому нунцию в Краков из Можайска 16 марта 1601 г.: «В деле светлейшего кардинала Сан-Джоржо, возложенном на достопочтенного Петра Аркудия, – справиться у москвитян о некоей греческой библиотеке, – я приложил в этом деле крайнее старание, но, как я слышал от самых главных сенаторов, никакой такого рода библиотеки в Москве не было. Сначала-то они, по обычаю своему, хвастали, что очень много греческих книг у их патриарха, но когда я тщательно настоял, то решительно отрицали, чтоб у них была какая-либо знаменитая библиотека». Петр Аркудий в доказательство справедливости сообщений о том, что библиотеки нет и не было, приводит такое соображение: не мог, мол, византийский император вверить драгоценную библиотеку на сохранение московскому князю, который, являясь данником татарского хана, «жил в столь великом и почти постоянном страхе».

Но донесения Сапег и Аркудия, хотя и категоричны, не очень-то доказательны, они скорее свидетельствуют о стремлении их авторов убедить адресатов, что исполнение возложенного на них поручения невозможно по объективным причинам, и раз навсегда избавиться от него. Видимо, они имели для этого веские причины. (Историк А. А. Амосов в примечаниях к публикации работы Н.Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги» (1982 г.) замечает: «Можно предположить, что, несмотря на отрицательный итог своих поисков, Аркудий не разуверился в существовании Московской библиотеки. В этом отношении весьма интересным является то обстоятельство», что Аркудий был учителем следующего искателя библиотеки – Паисия Лигарида»). Однако Петр Аркудий правильно определил первую и главную задачу проблемы: получить доказательства самого существования библиотеки. К этому постоянно возвращались все последующие ее искатели, стоит эта задача и сегодня. От того или иного ее решения зависят дальнейшие шаги: искать или не искать.

Весной 1979 года мы с писателем Василием Николаевичем Осокиным – энтузиастом поисков «Либерии» – ехали на электричке в Александров, где, по его убеждению, она должна находиться (об этом ниже), и весь неблизкий путь обсуждали различные факты и соображения, как в поддержку его теории, так и против нее. Он, естественно, выступал сторонником Александровской идеи, я – оппонентом, и, когда мой скептицизм достиг своего апогея, Василий Николаевич воскликнул, возвращаясь к вопросу вопросов:

– Да вы хоть верите в то, что она существует?!

Итак, доказательства существования библиотеки.

В «Сказании о Максиме Философе» (рукопись XVII в.) говорится, что в 1516 г. «государь великий князь Василий отверзе царская сокровища древних великих князей, прародителей своих, и обрете в некоторых полатах (другой список этого же сочинения уточняет: «в преславном граде Москве») бесчисленное множество греческих книг, словенским же людям отнюдь не разумны». Далее рассказывается о том, что князь Василий для перевода этих книг пригласил ученого монаха с Афона Максима Грека, который и приехал в Россию. «По мале же времени, – продолжает «Сказание», – великий государь приснопамятный Василий

Иоаннович сего инок Максима призвав и вводит его в свою царскую книгохранильницу и показа ему бесчисленное множество греческих книг. Сей же инок во многоразмышленном удивлении бысть о толиком множестве бесчисленного трудолюбного собрания и с клятвою изрече пред благочестивым государем, яко ни в грецах толикое множество книг сподобихся видеть». Сам Максим Грек, рассказывая о своей переводческой деятельности в России, говорит, что переводил книги «по многа лета в книгохранильнице заключенных бывших».

Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» на основании «Сказания о Максиме Философе» полагал, что это была библиотека «греческих духовных книг, собранных отчасти древними великими князьями, отчасти привезенных в Москву Софиею». В дальнейшем наиболее распространенной стала версия, что основу княжеской библиотеки составили книги, принадлежавшие византийским императорам и привезенные в Россию женой Ивана III Софией Палеолог – племянницей последнего византийского императора.

Следующее известие о библиотеке относится уже ко времени Ивана IV Грозного, сына Василия Ивановича, и содержится в «Хронике», написанной рижским бургомистром Францем Ниенштедтом (1540–1622) в 1604 году.

После взятия Юрьева (Дерпта) Иван Грозный в 1565 г. выселил оттуда немцев и повелел расселить их по русским городам. В ссылку с ними последовал пастор Иоганн Веттерман. Он, видимо, не подозревался в сношениях с ливонским магистром, поехал добровольно и имел право свободного передвижения: «...пас свое стадо, как праведный пастырь, и, когда не было у него лошади, шел пешком от одного города до другого»; Иван Грозный знал пастора и отличал его. «Его, – сообщает Ниенштедт, – как ученого человека, очень уважал великий князь, который даже велел в Москве показать ему свою либерию, которая состояла из книг на еврейском, греческом и латинском языках и которую великий князь в древние времена получил от константинопольского патриарха, когда москвит принял, христианскую веру по греческому исповеданию.

Эти книги, как драгоценное сокровище, хранились замурованными в двух сводчатых подвалах.

Так как великий князь слышал об этом отличном и ученом человеке, Иоганне Веттермане, много хорошего про его добродетели и знания, потому велел отворить свою великолепную Либерию, которую не открывали более ста лет с лишком, и пригласил чрез своего высшего канцлера и дьяка Андрея Солкана, Никиту Высровату и Фунику вышеозначенного Иоганна Веттермана и с ним еще нескольких лиц, которые знали московитский язык, как-то: Фому Шреффера, Иоахима Шредера и Даниэля Браккеля, и в их присутствии велел вынести несколько из этих книг.

Эти книги были переданы в руки магистра Иоганна Веттермана для осмотра. Он нашел там много хороших сочинений, на которые ссылаются наши писатели, но которых у нас нет, так как они сожжены и разрознены при войнах, как то было с Птолемеевой и другими либериями. Веттерман заявил, что хотя он беден, но отдал бы все свое имущество, даже всех своих детей, чтобы только эти книги были в Протестантских университетах, так как, по его мнению, эти книги принесли бы много пользы христианству». Ниенштедт сообщает и об источнике сообщаемых сведений: «Обо всем этом впоследствии мне рассказывали сами Фома Шреффер и Иоганн Веттерман. Книги были страшно запылены, и их снова запрятали под тройные замки в подвалы».

Франц Ниенштедт правильно называет имена приближенных царя Ивана IV деятелей – посольского дьяка Андрея Щелкалова, хранителя печати Ивана Висковатого, казначея Никиты Фуникова. Косвенным подтверждением возможности подобной демонстрации царских книжных сокровищ пастору может быть замечание князя Курбского в одном из его посланий о том, что некоторые богатые люди в России любят похвастаться своей библиотекой: «...писание священное и отеческое кожами красными и златом с драгоценными кам-

нями украсив, и в казнах за твердыми заклепы положи, и тщеславнующися ими, и цены слагаяще, толики и толики сказуют приходящим».

В 1819 г. профессор Дерптского университета Христофор Христиан фон Дабелов обнаружил в фондах архива г. Пярну несколько пожелтевших листочков с записями на старонемецком языке, содержащими в себе перечень некоторых редких книг из библиотеки Ивана Грозного: «Сколько у царя рукописей с Востока. Таковых было всего до 800, которые частью он купил, частью получил в дар. Большая часть суть греческие; но также много и латинских. Из латинских видены мною: (далее перечисляются сочинения, среди которых названы и не имеющиеся ни в одной из мировых библиотек). Сии манускрипты писаны на тонком перемене и имеют золотые переплеты. Мне сказывал также царь, что они достались ему от самого императора и что он желает иметь перевод оных, чего, однако, я не был в состоянии сделать. <...> Греческие рукописи, которые я видел, были: (следует перечень)».

Каталог не подписан, но ясно, что его составлял не Веттерман. Поэтому анонимный автор является еще одним свидетелем существования библиотеки и конкретными названиями подтверждает заявление дерптского пастора о том, что в библиотеке имеется «много хороших сочинений, на которые ссылаются наши писатели, но которых у нас нет».

Таковы прямые свидетельства о библиотеке Ивана Грозного.

В 1950-е гг. историк и филолог И. Денисов пришел к заключению, что автором «Сказания о Максиме Философе» является Андрей Курбский, его точку зрения разделяют А. А. Зимин и Н. В. Сеницына. Таким образом, первые сведения о библиотеке Ивана Грозного принадлежат его современнику, человеку, близкому к царю и осведомленному, что служит ручательством за достоверность рассказа.

Пастор Веттерман был последним известным нам и оставившим письменное свидетельство человеком, который видел библиотеку. О дальнейшей ее судьбе нет никаких положительных сведений. Рассказы очевидцев сменяются историей ее поисков, увы, безуспешных.

Некоторые исследователи считают, что библиотека сгорела при одном из пожаров, которые регулярно опустошали Москву. Но так как библиотека благополучно сохранялась во всех пожарах того полувека, которое прошло между посещениями ее Максимом Греком и Веттерманом, в том числе в страшнейшем пожаре 21 июня 1547 г., о последствиях которого в летописи записано: «...и оружничая полата вся погоре с воинским оружием, и постелная полата с казною выгоре вся; и в погребех на царском дворе, под полатами, выгоре вся деревянная в них», то, значит, она должна наверняка сохраниться и в последующих пожарах.

Есть предположение, что библиотека была разграблена. Но тогда бы книги и рукописи из нее, безусловно, оказались в каком-нибудь книжном собрании и стали известны, а до сих пор они нигде не обнаружены, несмотря на специальные поиски. Значит, библиотека не была разрознена.

О сокровищах библиотеки московских государей на Западе стало известно во второй половине XVI в., и тогда же ею заинтересовались. О миссии Сапеги и Аркудия говорилось выше. В 1662 г. в Москву прибыл газский митрополит грек Паисий Лигарид, ученик Аркудия, он обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбой разрешить ему пользоваться книгами закрытой для всех царской библиотеки, ибо, пишет он, «вертоград, заключенный от алкающих, и источник, запечатленный от жаждущих, по справедливости считаются несуществующими. Я говорю сие к тому, что давно уже известно о собрании вашим величеством из разных книгохранилищ многих превосходных книг; поэтому нижайше и прошу дозволить мне свободный вход в ваши книгохранилища для рассмотрения и чтения греческих и латинских сочинений». Ответ царя на письмо газского митрополита неизвестен, но ему ответил патриарх Никон: «...о книгах пишешь до царского величества, яко от многих стран собраны суть и запечатлены без пользы; несть была на се царская воля, но мы трудились в тех и есть

ныне в дальних наших монастырях отвезены». Лигариду были предоставлены рукописи и книги из Патриаршей библиотеки. Видимо, в России при царском дворе о тайной библиотеке Ивана Грозного уже никто не помнил и не знал.

Правда, все же какие-то слухи ходили. Голландский дипломат Никлас Витсен, находившийся в России приблизительно в то же время, что и Паисий Лигарид, в одной из дневниковых записей 1664 г. рассказывает, что на его расспросы о царской библиотеке «говорят определенно, что здесь находятся древние книги Александра Великого, а также летописи страны и карты», но она недоступна посторонним, «только одни наши братья имеют туда доступ». Скорее всего, в ответе смешались предания о легендарной библиотеке древних рукописей и сведения о государственном архиве, но Витсен явно интересовался библиотекой Ивана Грозного.

Следующий эпизод, который, может быть, имеет отношение к библиотеке, относится к правлению царевны Софьи, которая посылала дьяка Большой казны Василия Макарьева обследовать тарный подземный ход под Кремлем. О результатах экспедиции, дьяка знаем из донесения бывшего пономаря московской церкви Рождества Иоанна Предтечи на Пресне, которое он подал в 1724 г. в канцелярию фискальных дел.

«Есть в Москве под Кремлем-городом тайник, – писал Конон Осипов, – а в том тайнике есть две палаты, полны наставлены сундуками до стропу (до сводов). А те палаты за великою укрепою; у тех палат двери железные, поперег чепи и кольца проемные, замки вислые, превеликие, печати на проволоке свинцовые, а у тех палат по одному окошку, а в них решетки без затворов. А ныне тот тайник завален землею за неведением, как веден ров под Цехгауэный двор и тем рвом на тот тайник нашли на своды, и те своды проломаны и, проломавши, насыпали землю накрепко». На вопрос, откуда ему известно о тайнике, пономарь объяснил, что «стал сведом Большой казны от дьяка Василья Макарьева. Сказывал он, был де он по приказу благоверных царевны Софьи Алексеевны послан под Кремль-город в тайник и в тот тайник пошел близ Тайницких ворот, а подлинно не сказал, только сказал подлинно, куды вышел – к реке Неглинной, в круглую башню, где бывал старый точильный ряд. И дошел оный дьяк до вышеупомянутых палат, и в те окошка он смотрел, что наставлены сундуков полны: палаты; а что в сундуках, про то он не ведает; и доносил обо всем благоверной царевне Софье Алексеевне, и благоверная царевна по государеву указу в те палаты ходить не приказала. А ныне в тех палатах есть ли что, про то он не ведает».

Петр I распорядился отпустить средства на поиски этой «поклажи». Конон Осипов искал «поклажу» в 1724 г., но после смерти Петра I поиски было приказано прекратить. По новому доношению поиски возобновились в 1734 г., но тоже были прекращены, поскольку «работы было не мало, но токмо поклажи никакой не отыскал». Правда, ни до одного из четырех указанных Осиповым мест в раскопках так и не дошли.

Может быть, в сундуках находилась библиотека, может быть, как предполагает И. Е. Забелин, старый царский архив.

В конце XVIII в. была опубликована хроника Ниенштедта. Н.М. Карамзин, не сомневаясь в достоверности рассказа пастора Веттермана, включил эпизод посещения библиотеки Ивана Грозного в «Историю государства Российского».

В 1819 г. профессор Дабелов нашел в архиве г. Пярну уже упоминавшуюся опись, опубликовал в 1822 г. и вернул подлинник в архив. Публикация документа прошла незамеченной.

Но несколько лет спустя публикация Дабелова привлекла внимание его коллеги профессора правоведения Дерптского университета Вальтера Фридриха Клоссиуса, занимавшегося изучением древних греческих и латинских сочинений. Попытки отыскать в архиве бывший в руках Дабелова документ окончились неудачей, он пропал. Клоссиус все же добился разрешения на поиски этих рукописей в русских архивах и библиотеках. Несколько лет он обследовал государственные и монастырские библиотеки и архивохранилища, но ни одной

названной в описи Дабелова рукописи не обнаружил. В 1834 г. он напечатал статью «Библиотека великого князя Василия и царя Ивана Васильевича», в которой с грустью констатировал, что это книжное собрание «не смогло спастись от гибельных опустошений, испытанных Россией в прежние времена. Оно исчезло, не оставив после себя никаких следов, и все старания получить какие-нибудь сведения о нем остались тщетными».

Новый взрыв интереса к проблеме связан с именем немецкого филолога приват-доцента Страсбургского университета Эдуарда Тремера. Он приехал в Россию в 1891 г. для изучения хранящихся в русских библиотеках и архивах древнегреческих рукописей, прочел не известную ему ранее статью Клоссиуса, в которой, был приведен поразивший его список Дабелова, и решил заняться поисками перечисленных рукописей. Обследовав несколько архивов, он вынужден был признать вслед за Клоссиусом, что в них «нет и следа потерянных книжных сокровищ царя Ивана IV». Тогда он предположил, что библиотека должна остаться там, где ее видел Веттерман, то есть в подземном тайнике. Тремер подал прошение на имя царя, чтобы ему было разрешено при помощи «железного зонда» провести археологическое исследование на территории Московского Кремля. Разрешение было получено, но несколько попыток не дали результата: зонд попадал на материк. Однако Тремер считал, что его неудача обусловлена лишь тем, что он напал «не на настоящий пункт». Уезжая из России, он передал газете «Московские ведомости» статью «Библиотека Ивана Грозного», где публично высказал свою уверенность в правильности избранного им направления и метода поиска. «С тех пор как решено произвести исследования всего Кремля, – писал он, – вопрос об исчезнувшей библиотеке царя Ивана IV находится под счастливой звездой. Наука поздравит Россию, если ей удастся отыскать свой затерянный клад, но она с благодарностью отнесется даже и к отрицательному результату поисков, если не удастся найти тайное хранилище библиотеки, потому что тогда и только тогда вопрос о судьбе сокрытых 800 рукописей будет окончательно решен с тем, чтоб навсегда умолкнуть».

Статью Тремера вспомнили два года спустя, в 1894 г., когда в различных изданиях прошла серия публикаций статей ученых о подземной Москве: И.Е. Забелина «Подземные хранилища Московского Кремля», где он приводил донесение Конона Осипова; Н.П. Лихачева «Царская библиотека в XVI столетии»; А.И. Соболевского «Библиотека и архив Ивана Грозного», «Подземные палаты московских царей» и другие. Все эти авторы считали необходимым начать раскопки в Кремле в поисках библиотеки Ивана Грозного или его архива, директор Исторического музея Н.С. Щербатов получил разрешение на раскопки, была заложена траншея между Благовещенским и Архангельским соборами, обнаружены каменные стены древней кладки, но тайника там не было; под Арсенальной башней нашли начало подземного хода, дальнейшие же раскопки прекратили, так как кончились отпущенные на них средства.

Но среди ученых единого мнения не было: если И.Е. Забелин полагал, что библиотека погибла, то ученый-архивист, сотрудник Главного архива министерства иностранных дел С.А. Белокуров вообще отрицал ее существование. В 1894 г. он вступил в полемику. После появления статей И.Е. Забелина и А.И. Соболевского, вспоминал он впоследствии, «я счел нелишним напечатать в «Московских ведомостях» свое мнение по этому вопросу (статья «О библиотеке и архиве царя Ивана IV»), именно, что в Московском Кремле род земель нет ни библиотеки, ни архива царских XVI века. Моя статья не убедила г. Соболевского в ошибочности его мнения, и ответ свой он поместил в одном из №№ «Нового времени». Между нами завязалась полемика, принявшая такой тон, который заставил желать возможно скорого ее прекращения. С тем большею охотой я привел, в исполнение это свое желание, что вполне убедился в бесполезности полемики для выяснения затронутых вопросов. Принятый г. Соболевским тон мешал спокойному обсуждению предмета речи; а обнаруженные им в статьях познания не давали надежды узнать что-либо новое касательно библиотеки или

архива царских XVI века. Вместо полемических статей нашел я более полезным написать особое исследование о спорных вопросах».

В 1898 г. С. А. Белокуров опубликовал обширное исследование «О библиотеке московских государей в XVI столетии», в котором подвел итог всем своим предыдущим изысканиям и полемике с оппонентами.

Его вывод был однозначен.

«Из всего изложенного я позволю себе сделать следующие выводы:

1. Мы не имеем ни одного современного русского свидетельства о существовании в XVI в. царской библиотеки, состоящей из громадного количества иноязычных рукописей (греческих, латинских и еврейских).

2. Свидетельство хроники Ниеншtedта по многим причинам весьма сомнительно и не может быть принято.

3. Список профессора Дабелова – поддельный.

4. У царя Ивана IV была библиотека, состоявшая из русских, литовских, польских и 1 немецкой книг и рукописей, в коей могло быть (прямых указаний на это нет) и несколько греческих рукописей, но 600 греческих, латинских и еврейских рукописей в ней не было, и

5. В Московском Кремле под землей никакой библиотеки царской нет».

Белокурову за это исследование была присуждена почетная премия министерства просвещения, в отзыве о нем утверждалось: «После обстоятельного и подробного исследования Белокурова вопрос о царской библиотеке может считаться исчерпанным. Отыскивать следы мнимых рукописных сокровищ Ивана IV станет только ученый, увлекающийся беспочвенным воображением и не доверяющий исторической критике».

Конечно, какой же ученый признает, что увлекается беспочвенным воображением и не доверяет исторической критике? И «серьезные» ученые стали просто чураться темы библиотеки Ивана Грозного. Авторитет труда С.А. Белокурова был столь высок, что и через двадцать лет, уже после смерти автора, известный историк академик М. М. Богословский писал о нем: «...ни в одной из работ Белокурова его талант разыскателя не проявился, может быть, с такой силой, как в его книге о библиотеке московских государей», он доказал, что «разыскивать несуществующую библиотеку напрасно», и полемике по поводу библиотеки Ивана Грозного «книга Белокурова положила конец».

Но в то же время лет десять спустя после его выхода в свет исследование С.А. Белокурова прочел молодой археолог Игнатий Яковлевич Стеллецкий и не согласился с его выводами. На основе документов, приведенных в книге, а также публикаций И.Е. Забелина, А.И. Соболевского, Н.П. Лихачева Стеллецкий пришел к прямо противоположному выводу, что библиотека Ивана Грозного сохранилась и находится в подземном тайнике в Кремле. Какие-то книги царь мог вывезти и спрятать в других своих вотчинах, например в Коломенском, но основная часть должна быть в Кремле.

Поиски библиотеки Ивана Грозного стали главным делом жизни Стеллецкого, он называл библиотеку «Великим Искомым», своей Синей птицей. Работая в Московском губернском архиве, размещавшемся в кремлевских и Китайгородских башнях, а затем в Архиве министерства юстиции, он получил возможность осмотреть подземелья и еще более уверился в наличии древних тайников.

В 1914 г. он печатает в газете «Утро России» статью «Царь Иван Грозный. (К поискам его библиотеки в кремлевских подземельях)». «Остановка за творческой инициативой, поиски, надо надеяться, не заставят себя ждать. Но кто возьмет на себя связанные с ними расходы?» – спрашивал он. К сожалению, раскопки в Кремле произвести не удалось, но, занимаясь исследованиями подземелий, Стеллецкий стал признанным знатоком подземной Москвы. Он пришел к выводу, что «почти под каждым московским старым домом, построенным не меньше, чем полтора века – двести лет назад, есть какие-нибудь таинственные

сооружения, подземные палаты и ходы, проложенные на случай непредвиденных событий. Известно, например, что слишком глубоко запустивший руку в казну царский свояк, знаменитый боярин Борис Иванович Морозов в 1648 году только потому спасся от народной расправы, что успел по тайному ходу ускользнуть в Кремль.

В системе доказательств существования библиотеки самым слабым пунктом было отсутствие подлинника описи, обнаруженной и опубликованной Дабеловым. Стеллецкий получает от Московского археологического общества и Архива министерства юстиции командировку в Прибалтийский край. В архиве Пярну он нашел этот список, прочел его, снял копию и вернул документ, чтобы позже приехать с фотоаппаратом и сфотографировать его. Но попасть снова в Пярну ему не удалось: началась Первая мировая война, затем революция, Эстонию и Россию разделила государственная граница. Только фотоснимок мог бы убедить ученых, считавших список Дабелова фальшивкой, но его не было, и Стеллецкий не стал публиковать новую копию, публично он заявил о своей находке этого документа лишь на склоне лет в статье, опубликованной через три десятилетия – в 1944 году.

После революции Стеллецкий вновь начинает кампанию за поиск библиотеки Ивана Грозного, за планомерное обследование подземной Москвы, он обращается в различные учреждения, публикует статьи в газетах, в духе времени формулируя свое требование археологических поисков в категорическом лозунге: «Настал час подземную Москву выворотить наизнанку!» При начатых в 1925 г. работах по строительству метрополитена обнаружились подземные пустоты, колодцы и остатки подземных ходов. Особенно интересными представлялись Стеллецкому подземные ходы в районе Библиотеки имени Ленина, Воздвиженки, Кисловки между постройками Опричного дворца Ивана Грозного, куда он переселился из Кремля после введения опричнины. В ноябре 1933 г. Стеллецкому предложили произвести поиски библиотеки в Кремле. «Мечта осуществляется после двадцатипятилетнего ожидания!» – записал он в дневнике 1 декабря 1933 г.

Стеллецкий приступил к работе в Кремле с твердой уверенностью о месте нахождения библиотеки. В последней опубликованной им при жизни статье по этому вопросу в 1944 г. он сформулировал свой «кремлевский» вариант наиболее четко.

Рассказывая о строительстве подземного тайника Аристотелем Фиораванти, Стеллецкий дает также топографическое описание его. «Главным связующим звеном подземного Кремля служил большой, в три метра шириной, с Плоским плитняным перекрытием, тоннель через весь Кремль, между Тайницкой и Собакиной башнями. По правой стороне его, идя от Собакиной башни, были сделаны через известные промежутки широкие и длинные сводчатые глухие помещения, упирающиеся в фундамент кремлевской стены, вдоль Александровского сада. Одно из этих помещений впоследствии было занято Иваном Грозным под царский архив. Библиотечный тайник Софии Палеолог в районе кремлевских соборов был недоступнее, к нему вело специальное ответвление от «Макарьевского хода», искусно заделанное и неприметное для неискушенного глаза. Впоследствии сверху, из кремлевского дворца Ивана Грозного в этот тайник- книгохранилище вела белокаменная потайная лестница. Выходные из Кремля подземные ходы проходили под тремя или четырьмя кремлевскими башнями. Такова в основном картина подземного Кремля».

Поиски тайника Стеллецкий начал с Арсенальной башни, от которой шел подземный ход, обнаруженный его предшественниками. В процессе работ предположения археолога, кажется, подтверждались: он обнаружил ход, который мог быть сооружен Аристотелем Фиораванти. В дневнике появляются записи: «Синяя птица, кажется, вся в руках!», «Завтра буду выбирать песок и искать противоположную стену. Если такую найду, библиотека Ивана Грозного, Ивана Губителя – так называл его Забелин – найдена!». Однако дальнейшие поиски приостановила внезапно затопившая подземелье вода, рабочие приступили к сооружению водоотвода, Стеллецкий получил отпуск и путевку в санаторий. Когда же в январе

1935 г. он вернулся в Москву и позвонил в комендатуру Кремля, ему ответили, что все раскопки прекращены.

Таким образом, и эта попытка пройти подземными ходами Кремля в поисках библиотеки Ивана Грозного не была доведена до конца.

Наступили времена, когда о каких-либо исследованиях подземной Москвы нельзя было и думать. Стеллецкий продолжал обращаться с заявлениями в различные инстанции, но они не имели никаких практических последствий и оседали в канцеляриях. Сама тема поисков библиотеки оказалась вроде бы под негласным запретом, целое десятилетие по ней не появлялось никаких печатных публикаций.

Кажется, только один-единственный человек (во всяком случае, мне неизвестно о каких-либо других публичных выступлениях), известный краевед-педагог, замечательный лектор А. Ф. Родин в конце тридцатых годов, еще перед войной, начал выступать с лекцией «Клады и сокровища, обнаруженные в Москве и Подмоскovie», в которой рассказывал об археологических находках при строительстве метро и других земляных работах; затем он подводил слушателей к мысли, что не все клады обнаружены и существуют клады иного рода. «Теперь я перехожу к новому вопросу, – говорил он, – к вопросу о поисках клада, на этот раз не денежного и не бытового – я перехожу к рассказу о поисках библиотеки Ивана Грозного». С годами эта часть лекции становилась обширнее, в военное время, когда история вновь получила права на внимание к себе, она заняла почти половину лекции.

А.Ф. Родин выступал с этой лекцией в госпиталях, в воинских частях, в Доме ученых, перед учителями, школьниками и в других аудиториях. Таким образом, проблема поисков библиотеки Ивана Грозного продолжала жить в своеобразном устном – лекционном предании, и, надобно сказать, довольно широко распространенном в Москве. Свой рассказ Родин строил на данных Стеллецкого, с которым был хорошо знаком с двадцатых годов по обществу «Старая Москва», и разделял его мнение, что библиотека находится в кремлевском тайнике. Он всячески поддерживал старого археолога, хлопотал о назначении ему пенсии, при его содействии в журнале «Наука и жизнь» № 7–8 за 1944 г. была напечатана, как ответ на вопрос читателя, статья Стеллецкого «Судьба библиотеки Ивана Грозного», которую автор заканчивает словами, полными энергии и твердой веры в свою правоту: «Теперь мы стоим на грани решения вопроса. Замечательная библиотека Ивана Грозного, счастливо уцелевшая и от неблагоприятных стихий, и от разрушительной руки человека, должна быть найдена».

Но статья Стеллецкого не нашла ожидаемого отклика. В 1949 г. Стеллецкий умер. В начале 1950-х гг. А.Ф. Родин в своей лекции о кладах отмечал: «В данный момент никто не работает над этой проблемой, и она не стоит на очереди ни в одном учреждении, ни лично у кого-либо из ученых. Мне кажется, что если вопрос спорен, то тем необходимее произвести поиски библиотеки до конца».

Статья Стеллецкого в 1944 г. была единственной серьезной публикацией по проблеме библиотеки Ивана Грозного в течение почти тридцати лет, ученые эту проблему игнорировали. Но научно «скомпрометированная» проблема все же вызывала постоянный интерес, и постоянно находились энтузиасты, которые занимались ею.

В 1947 г. репортерская судьба свела со Стелleckим начинающего литератора Василия Николаевича Осокина. Рассказ археолога о библиотеке Ивана Грозного произвел на него большое впечатление; впоследствии эта тема заняла большое место в его исследовательских интересах и писательском творчестве. Вообще, надо сказать, все эти долгие годы темой библиотеки занимались главным образом не ученые-историки, а литераторы: в пятидесятые годы З.С. Давыдов работает над книгой «Звезды на башнях» об истории Московского Кремля, в которой большое место уделено библиотеке Ивана Грозного, Г.Н. Гребнев пишет приключенческую повесть «Пропавшее сокровище», Р.Т. Пересветов в книге «Тайны выцветших строк» подробно рассказывает об эпопее поисков библиотеки.

Роман Тимофеевич Пересветов писал книгу несколько лет, начинал ее под сильным влиянием скептического отношения историков, с которыми консультировался при работе, но по мере того, как знакомился с документами и источниками, он освобождался от скепсиса. Обычно в читальном зале Исторической библиотеки его стол бывал так загроможден старинными и новыми фолиантами, что самого писателя за ними не было видно. Перипетии драматической истории, незамечаемая прежде связь событий вдруг наталкивали на новую мысль, гипотезу; тогда он, взволнованный ею (каждому исследователю известно это состояние), искал в зале знакомого, спрашивал: «не пора ли вам покурить?» (сам он не курил и не любил табачного дыма), шел в курилку и там, окутанный сизым облаком, захлебываясь словами, опровергал или доказывал, заражая своей увлеченностью. Вообще, по моим многолетним наблюдениям, с тех пор, как я школьником-шестиклассником в 1942 г. пришел в исторический кружок Дома пионеров, которым руководил А.Ф. Родин, всех, кто способен увлечься проблемой поисков библиотеки Ивана Грозного, отличают общие черты: увлеченность и романтичность восприятия мира. И еще одно наблюдение: кому пришлось, или, вернее сказать, посчастливилось, прикоснуться к этой теме, это уже навек, и чем бы он ни занимался, можно с уверенностью предсказать, что когда-нибудь все равно вернется к ней.

Итак, Пересветов начинал работу над своей книгой при скептическом отношении специалистов-историков, а заканчивал, когда вопрос о библиотеке Ивана Грозного вновь получил возможность обрести статус сюжета не беллетристического сочинения, а научно-исторического исследования.

В январском номере журнала «Новый мир» за 1960 г. появилась статья академика М. Н. Тихомирова «О библиотеке московских царей. (Легенды и действительность)».

«В истории встречаются загадки, – писал М. Н. Тихомиров, – которые долго привлекают к себе внимание и подчас так и остаются неразрешимыми. К числу таких загадок относится и вопрос о библиотеке московских царей XVI–XVII вв. <...> А между тем вопрос о библиотеке московских царей выходит далеко за пределы простого любопытства. Он имеет громадное значение для понимания культуры средневековой России. Вот почему нам хотелось бы заново поставить эту проблему и познакомить любителей прошлого нашей Родины с одной из ярких страниц ее истории.

Труд Белокурова сыграл своего рода роковую роль в вопросе о библиотеке московских царей. <...> С этого времени в так называемых «серьезных профессорских кругах» кадетского толка говорить о библиотеке московских царей сделалось даже несколько неприличным. Это стало считаться показателем «квасного патриотизма» и недостаточного критicismа в науке». Далее М.Н. Тихомиров разбирает сведения о библиотеке и делает вывод (в публикации статьи специально выделенный разрядкой): «Библиотека московских царей с греческими и латинскими рукописями существовала – это факт, не подлежащий сомнению». Заключалась статья призывом возобновить поиски:

«Может быть, сокровища царской библиотеки лежат еще в подземельях Кремля и ждут только, чтобы смелая рука попробовала их отыскать. А такие подземелья и в самом деле существовали в Кремле с XVI в.

Старая пословица гласит: «Попытка не пытка, а спрос не беда». Поиски этих сокровищ в древней кремлевской земле будут стоять сравнительно недорого, а находка, возможно, сохранившейся библиотеки – подчеркиваем, возможно, так как нет уверенности, что она еще существует, – имела бы громадное значение».

Пересветов заканчивает свое сочинение цитатой из этой статьи.

Впрочем, нельзя сказать, что все ученые до М. Н. Тихомирова были скептиками в отношении библиотеки Ивана Грозного. Н.Н. Зарубин – «выдающийся, – как характеризует его С.О. Шмидт, – знаток древнерусской письменности, книговед, библиотеквед, текстолог, археограф», погибший в 1942 г. в блокадном Ленинграде, в тридцатые годы написал

работу «Библиотека Ивана Грозного и его книги», оставшуюся в рукописи и напечатанную только в 1982 г. Зарубин признает существование библиотеки, о ее дальнейшей судьбе говорит, что «судьба библиотеки Грозного остается до сих пор загадочной». С.О. Шмидт сближает работы этих двух ученых: «Любопытно отметить, что аргументация обоих авторов – и Зарубина, и Тихомирова – во многом близка».

Статья М.Н. Тихомирова имела следствием то, что была создана Общественная комиссия по розыску библиотеки Ивана Грозного, в которую вошли ученые, журналисты, писатели и которую возглавил Тихомиров.

Р. Т. Пересветов вспоминал: «И вот в морозный январский день 1963 года в кабинете директора музеев Кремля И. И. Цветкова собрались историки, археологи, архивисты – члены созданной по инициативе академика М. Н. Тихомирова общественной комиссии по розыскам библиотеки Ивана Грозного. Теперь разговор шел уже о том, как искать, можно ли возобновить раскопки и с чего начинать».

...Участники совещания вышли из Оружейной палаты и через Боровицкие ворота направились к станции метро «Библиотека имени В.И. Ленина». Все были немного взволнованы и явно обрадованы. Будто вырвавшаяся из рук археолога синяя птица снова появилась над Кремлем».

Однако и на сей раз синяя птица в руки не далась, комиссия провела несколько заседаний, наметила план работы, в массовой печати появилось несколько статей, но никаких практических шагов по поискам библиотеки предпринято не было. В 1965 г. скончались М.Н. Тихомиров и Р.Т. Пересветов. Комиссия прекратила свое существование, оборвалась, фактически и не начавшись, научная разработка проблемы библиотеки Ивана Грозного, вновь оказался сильнее стремления к познанию истины предрассудок о «неприличии» заниматься «серьезному ученому» этим сюжетом. В «Научной биографии» Е.В. Чистяковой «Михаил Николаевич Тихомиров» (М., Наука 1987) даже не упоминается его работа «О библиотеке московских царей» и деятельность в Комиссии по розыску библиотеки.

В шестидесятые-семидесятые годы интерес к библиотеке Ивана Грозного в основном поддерживали переиздания книг Р. Т. Пересветова. В Историческом музее мне рассказывали, что время от времени в их адрес поступали письма с вопросами о библиотеке, с предложениями помощи в поисках библиотеки, с советами, как и где нужно искать, как правило, вызванные чтением этих книг. Но хотя, говоря высоким романтическим стилем, синяя птица вновь не далась в руки, она и не улетела совсем.

Выше я уже говорил о том, что в 1947 г. у Стеллецкого побывал молодой литератор В. Н. Осокин. Осокин по природе своей принадлежал к тому, в общем-то, редкому типу людей, у которых любознательность не ограничивается пассивным восприятием, а сочетается с деятельным поиском. Заинтересовавшись чем-либо, а область его интересов – искусство, литература, история, – он останавливал внимание на фактах и проблемах мало известных, загадочных, спорных и старался прояснить неясное, разгадать загадку, найти пропавшее. Славянские языческие идолы, второй том «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, который, по общепринятому мнению, был сожжен автором, но, по мнению Осокина, возможно, сохранился, загадка смерти друга Пушкина поэта А. А. Дельвига – вот направления и сюжеты его поисков. Говорил я и о том, что того, кто однажды прикоснется к проблеме библиотеки Ивана Грозного, она уже не отпускает и когда-нибудь заставит заняться ею. Для В.Н. Осокина это время наступило в семидесятые годы.

Во время встречи в 1947 г., как вспоминал Осокин, Стеллецкий убеждал его ехать в Пярну, попробовать отыскать опись Дабелова.

– Я стар, – говорил Стеллецкий, – и не могу поехать туда еще раз. К тому же сейчас, в первые послевоенные годы, не до раскопок. А если бы довелось мне снова копать, то про-

должил бы от тех мест, где кончил, и особенно искал бы в Коломенском и Александровской слободе, где могли находиться своего рода филиалы баснословно-уникальной Либерии.

Василий Николаевич не раз говорил, что проблемой поисков библиотеки Ивана Грозного он «заболел» под влиянием Стеллецкого, но при этом не стал слепым исполнителем плана старого археолога, его кремлевской идеи местонахождения библиотеки. Осокин считал, что библиотека находится в Александровской слободе.

Иван Грозный, рассуждает Осокин, направляясь в Александровскую слободу, отправил туда, как известно, казну, «а царская библиотека и казна составляли одно целое». Путь высланных из Дерпта немцев лежал через Александров, и именно там «пастор Веттерман и его спутники видели Либерию». В Москву из Александрова она не была возвращена, и тут Осокин подкрепляет свое мнение соображениями александровского краеведа М.Н. Куницына: «Вспомним, при каких обстоятельствах Иван Грозный покинул слободу. Было это в двадцатых числах ноября 1581 г., когда он в страшном смятении шел за гробом убитого им 19 ноября сына Ивана, коего прочил на царство. В Москве в скорбных чувствах он и прожил до самой смерти еще два с лишним года, то неистово молясь, то призывая колдунов. До Либерии ли ему было? А далее правление богобоязненного Федора, слишком далекого от сочинений «богомерзких» античных писателей, кратковременное царствование Бориса Годунова, мудрого правителя, но человека «бесписьменного», по утверждению современника... Смута, разорение государства...»

«В Александрове, где Либерию, в сущности, не искали, – говорит Осокин, – есть подземные ходы и многочисленны» погреба». В беседах с александровскими старожилами он выяснил, что подземный ход под монастырем был, его засыпали в военные или первые послевоенные годы, обнаружили подземные пустоты под строениями: то ли подвалы, то ли остатки ходов. Научные учреждения, в которые он обращался с предложением начать раскопки, этой идеи не поддержали. Тогда Василий Николаевич решил воспользоваться нетрадиционным способом исследования подземных недр – методом биофизической локации. В мае 1979 г. маленькая группа – он, инженер И.Е. Козлов, создатель народного «Музея «Слова о полку Игореве» поэт Игорь Кобзев и еще несколько человек, в том числе и я – поехала в Александров. С рамками в руках – при отсутствии искомого проволоки в правой и левой руках оставались неподвижными, при наличии – скрещивались – мы обошли всю территорию монастыря. В нескольких местах, причем у всех, бравших проволоки в руки, они показывали наличие под землей книг.

Побывал Осокин, как советовал Стеллецкий, в архиве Пярну. Списка Дабелова он не нашел, но обнаружил его следы. «Каково же было мое удивление, – рассказывает Осокин в одном из своих очерков, – когда в Пярну от бывшей сотрудницы архива В. В. Знаменской я узнал, что в 1930-х годах в городе была открыта выставка старинных документов, а среди них фигурировал и список Дабелова. Объявление об этом было помещено в местной газете «Ваба маа». В 1944 г., когда Советская Армия приближалась к Пярну, помощник бургомистра Роовельт, по слухам, забрал разные ценные бумаги, в том числе и дабеловский список, и бежал в Финляндию».

Очерки В. Н. Осокина, печатавшиеся в различных массовых изданиях – газетах, журналах, выступления с беседами и лекциями способствовали оживлению интереса в обществе к библиотеке Ивана Грозного. Хочется отметить, что первый большой его очерк на эту тему «Поиски Либерии продолжаются» был напечатан в журнале «Новый мир» (1976, № 11), в том же номере, что и статья М. Н. Тихомирова.

В. Н. Осокин не довел свой поиск до конца, (он скоропостижно скончался в 1980 г.), но благодаря ему сейчас у нас достаточно широко знают о легендарной библиотеке.

Рассказывая об одном частном вопросе, в котором он расходился в мнениях с историком А.А. Зиминым, Осокин мимоходом, но, нужно сказать, с ясно ощутимой горечью заметил: «Наши известные историки, к сожалению, очень редко обращаются к теме Либерии, считая ее уделом беллетристов. А.А. Зимин – исключение».

Но ученик М. Н. Тихомирова Зимин – отнюдь не исключение. Сейчас проблема библиотеки Ивана Грозного вступила в новый и очень серьезный, этапный период, и среди ее исследователей мы видим другого ученика Тихомирова – доктора исторических наук С. О. Шмидта. Он принимал участие в работе Комиссии начала шестидесятых годов, так что тема для него не нова. В 1982 г. в Ленинградском отделении издательства «Наука» вышла книга «Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание. Составитель Н. Н. Зарубин. Подготовка к печати, примечания и дополнения А. А. Амосова. Под редакцией С. О. Шмидта». Это – первый после сочинения С. А. Белокурова научный труд, посвященный легендарной Либерии, который с позиций и достижений современных знаний освещает проблему. В нем дан анализ всех известных документов. Приведена исчерпывающая библиография; в статье Н. Н. Зарубина и примечаниях и дополнениях к ней кандидата исторических наук А.А. Амосова описана вся драматическая история поисков, от их начала до сегодняшнего дня. Это издание должно стать первым и основным источником для тех, кто желает получить полную и точную информацию о проблеме библиотеки Ивана Грозного, и просто необходимо тем, кто решится включиться в ее поиски.

Но главное даже не в богатстве и точности сведений, содержащихся в книге «Библиотека Ивана Грозного», главное в том, что она – серьезная альтернатива труду С. А. Белокурова. Если труд Белокурова закрывал дорогу поискам, то она – наоборот – открывает новые перспективы, опровергая его скептицизм. На пять «нет» Белокурова она в трех случаях говорит «да» и в двух – «весьма возможно» (причем ближе к «да», чем к «нет»).

Предисловие С. О. Шмидта, строгого и осторожного исследователя, вовсе не «беллетриста», выводит проблему из тупика и намечает вероятные направления поисков новых сведений.

Прежде всего, С. О. Шмидт обращает внимание на тот факт, что книжное собрание царя состояло из двух (или трех) библиотек – античной, малодоступной или даже вовсе недоступной ни для кого, кроме самого владельца, и современной, которой царь пользовался повседневно и которой могли пользоваться его приближенные. Это, во-первых, подтверждает само существование находившейся не где-нибудь, а в тайнике библиотеки, во-вторых, объясняет скудость сведений о ней. Далее, соглашаясь (осторожно, с оговорками, но соглашаясь) с мнением И. Денисова, А. А. Зимина, Н. В. Сеницыной, что автором «Сказания о Максиме философе» был Андрей Курбский, и его сочинения или устные рассказы, вероятно, явились и одним из источников информации за рубежом об этой библиотеке... – пишет С. О. Шмидт, указывая на возможный источник новой информации, что особенно важно для проблемы. – Поэтому не исключена возможность нахождения в зарубежных памятниках письменности дополнительных сведений о библиотеке московских царей, почерпнутых у Курбского». Достоверность рассказа Ниенштедта также подтверждается в предисловии: царское книгохранилище было в ведении именно тех лиц, которых называет хронист – «печатника, а также казначея и думного посольского дьяка».

Исходя из банального, но, тем не менее, верного соображения «всему – свое время», кажется, можно с достаточной долей уверенности сказать, что наступило время обратить более пристальное внимание на проблему библиотеки Ивана Грозного.

Интерес к подземным тайникам Москвы в последнее время усилили обнаруженные при земляных работах на территории Библиотеки имени Ленина подземные, как их осторожно предпочитают называть археологи, пустоты. Еще предстоит установить, что это такое – подвалы, колодцы или остатки тайных подземных ходов.

Понимаю, что читатель ждет прямого ответа: где же все-таки находится библиотека Ивана Грозного, где ее искать? Но в том-то и дело, что ответ многозначен: Кремль или Ваганьковский холм, Коломенское, Александров, Вологда... Возможно, в будущем прибавятся новые адреса. Ни одно из предпринятых ранее направлений поиска не было пройдено до конца, поэтому их нельзя отвергать, поэтому надо продолжить путь Стеллецкого по подземному ходу Кремля, продолжить поиски в Александрове...

Я сознательно воздерживаюсь от критики, поскольку поставил своей целью быть объективным; но я так же пристрастен и субъективен, как и каждый, кто сколько-нибудь занимался поисками библиотеки Ивана Грозного. И еще я уверен, что библиотека находится в Москве, а список Дабелова включает в себе не самые главные ценности.

Три иконы

В Москве много храмов, воздвигнутых во имя Божией Матери, наши предки еще в давние времена называли Москву «Домом Пресвятой Богородицы». Множество в московских храмах и в домашних киотах Ее святых икон, перед которыми Ей – «теплой заступнице мира холодного», как назвал Божию Матерь в стихотворении «Молитва» Михаил Юрьевич Лермонтов, исповедуются и молятся москвичи, к Ней обращаются с просьбами о помощи в великих и малых своих заботах...

Наш рассказ о трех заветных московских святынях – трех чудотворных иконах Божией Матери – Владимирской, Казанской и Иверской.

Владимирская

«Днесь светло красуется славнейший град Москва, яко зарю солнечную восприимше, Владычице, чудотворную Твою икону», – поется в тропаре – молитвенном песнопении, посвященном празднику Сретения, то есть Встречи москвичами Владимирской иконы Божией Матери.

Эта встреча произошла в грозные, трагические для Москвы дни 26 августа 1395 года. На недалекие подступы к Москве, в пределы Рязанской земли, тогда придвинулось бесчисленное татаро-монгольское войско великого эмира Тамерлана. Татары уже взяли Елец, захватили елецкого князя, многих людей побили и замучили...

Великий князь московский Василий Дмитриевич со всеми своими воеводами и дружинами вышел навстречу татарскому войску за Коломну и встал на реке Оке, чтобы там вступить с ним в смертельный бой.

Князь Василий Дмитриевич – сын Дмитрия Донского «в сие решительное время, – пишет Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского», – явил себя достойным сыном Дмитрия: не утратился ни славы Тамерлана, ни четырех сот тысяч Монголов, которые, по слухам, шли под его знаменами, велел немедленно собираться войску и сам принял начальство, в первый раз украсив юношеское чело свое шлемом бранным и напомнив москвитянам те незабвенные дни, когда Герой Донской ополчился на Мамай. Уже многие из воевод Дмитриевых скончали жизнь; другие, служив отцу, хотели служить и сыну; старцы сели на коней и явились пред полками в доспехах, обгаренных кровию татарскою на Куликовом поле. Народ ободрился: войско шло охотно, тем же путем, которым вел оное Донской против Мамай, и великий князь, поручив Москву дяде своему Владимиру Андреевичу, стал за Коломну на берегу Оки, ежедневно готовый встретить неприятеля».

Князь Владимир Андреевич, двоюродный брат и первый соратник Дмитрия Донского в Куликовской битве, за эту битву получивший от современников прозвище Храбрый, готовил Москву к осаде. Еще прошлой осенью вокруг разросшегося посада начали возводить новую линию укреплений: земляной вал и ров «шириной в сажень, а глубиной в человека стояща». Копать ров начали с Кучкова поля по направлению в одну сторону к Неглинке, в другую – Москве-реке, однако к этому времени успели построить лишь малую часть укреплений.

В Москве хорошо помнили страшное разорение города ханом Золотой Орды Тохтамышем, случившееся тринадцать лет тому назад, когда, как записал летописец, на месте города «не видети иного ничего же, разве дым и земля и трупия мертвых многих лежаща». Но Тамерлан был еще страшнее Тохтамыша.

Имя Тамерлана знали и со страхом произносили во всем мире, в монгольских землях его называли Тимур, в Европе – Тамерлан, на Руси – Темир Аксак.

Русский летописец XIV века объясняет происхождение имени грозного завоевателя: «Оковал себе железом ногу свою перебитую, отчего и хроمال, поэтому и прозван был Темир Аксак, ибо темир значит «железо», аксак – «хромой»; так в переводе с половецкого языка объясняется имя Темир Аксак, которое значит Железный Хромец».

В конце XIV века среди соперничающих, враждующих воюющих между собой среднеазиатских властителей выделился и занял главенствующее положение монгольский полководец Тимур, объявивший себя наследником империи Чингисхана и присвоивший себе титул великого эмира. Он был удачливым полководцем: подчинил себе Самарканд, завоевал Хорезм, Хорасан, Багдад, покорил Персию и государства Закавказья, совершал успешные грабительские походы в Индию и Китай. Затем он вторгся во владения могущественного властителя Золотой Орды хана Тохтамыша и разбил его войско.

Очевидцы рассказывали о несметной численности армии Темир Аксака, о невероятной жестокости ее предводителя, превосходящей свирепость Батые: так, разрушив персидский город Исфахан, он приказал убить всех его жителей и из их черепов сложить холм.

Теперь Темир Аксак стоял под Москвой. Лазутчики, пробиравшиеся в татарский стан, принесли известие, что, судя по слышанным ими там разговорам, Темир Аксак помышляет захватить всю Русскую землю и «примучить» христиан.

Хотя у московского князя были немалые дружины храбрых воинов и они были готовы биться, не жалея жизни, но против них двигалось войско, по своей численности намного их превосходящее.

День и ночь в Москве были открыты церкви, день и ночь в них молились священники и московский народ, прося Божью помощь русскому войску.

А на Оке молился князь Василий Дмитриевич: «Господи, Господи, Создатель и Заступник наш, помоги нам. Не допусти, Господи, хулящему Тебя и Пречистую Твою Матерь, одолеть нас, избавь нас и град наш от проклятого и безбожного царя Темир Аксака».

И вспомнил князь Василий Дмитриевич повествование, как в оны времена сохранила Пречистая Богородица стольный город Царьград от нашествия «зловерного» персидского царя Хозроя, когда осажденные с Ее иконой прошли крестным ходом по стенам города. И помыслил князь Василий Дмитриевич, что следует послать в славный город Владимир за обретающейся там в соборе чудотворной иконой Божией Матери и принести ее в Москву.

Митрополит Киприан был согласен с князем и послал во Владимир за чудотворной иконой служителей и дружину.

* * *

По свидетельству древнего предания, еще при земной жизни Божией Матери евангелист Лука написал три иконы Богородицы. Взглянув на них, Божия Матерь сказала: «Благодарить Родившегося от Меня и Моя да будет со святыми иконами». Одной из них была и та икона, которая впоследствии стала называться Владимирской.

До V века эта икона находилась в Иерусалиме, затем была перенесена в Константинополь в церковь Богоматери.

В XII веке Константинопольский патриарх Лука Хризотерх прислал список этого образа в Киев в дар великому князю киевскому Юрию Долгорукому.

Юрий Долгорукий передал икону в Вышгородский девичий монастырь. Село Вышгород некогда принадлежало княгине Ольге, а в середине XII века оно стало уделом князя Андрея Юрьевича, сына Юрия Долгорукого, человека, как сообщает летопись, благочестивого и набожного.

Обо всех чудесах и исцелениях от недугов, происходящих после молитвенного обращения к иконе Божией матери, неукоснительно сообщали князю Андрею. Среди прочего

рассказали ему, что святая икона трижды сама уходила со своего места. В первый раз она оказалась стоящей посреди храма, во второй – она повернулась лицом к алтарю; поставили ее за престолом, а она вышла и оттуда.

А надобно сказать, что князь Андрей родился и вырос в Ростово-Суздальском княжестве. Он любил эту землю и очень хотел туда вернуться. В чудесных перемещениях иконы он увидел знак: она желает переменить местопребывание.

Помолившись перед ней, князь Андрей сказал: «О Пресвятая Богородица, Матерь Христа Бога нашего, знамения Твои не о том ли, что Ты желаешь быть заступницей мне в Ростовской земле, явися же для просвещения новым людям, и будем все в Твоей воле».

После чего, не сказавшись отцу и взяв чудотворную икону, князь Андрей уехал из Вышгорода. Также увез он с собою иерея попа Николая и зятя его дьякона Нестора с женами. И поехали они, совершая на остановках молебны.

По пути в Ростово-Суздальское княжество происходили чудесные случаи, которые, по рассказам очевидцев, были вписаны в особую тетрадь, озаглавленную «О чудесах Владимирской иконы Пресвятой Богородицы».

Первое чудо было таково. Подъехав к реке Вазузе, князь Андрей увидел, что вода в ней поднялась, поскольку было это весной, в половодье, и послал слугу на коне искать броду. Всадник с шестом в руке въехал в реку, вдруг погрузился в воду с головой и пропал из виду. Князь, видя это, начал молиться иконе Богородицы, обвиняя себя в гибели человека: «Владычица, лишь Ты спасешь его», и долго молился. И вышел слуга, как и был, на коне с шестом на берег. Князь Андрей обрадовался и одарил его.

Чудо второе произошло возле села Рогожи. Беременная попадьа, жена попа Николая, ехала в повозке со снохой. На остановке она сошла с повозки, и тут в их коня вселился бес, он скинул с себя возницу, сломав ему ногу, и набросился на попадью, стал бить ее копытами и кусать. Окружающие уж подумали, что забил он попадью до смерти. А князь Андрей, обратившись к иконе Пресвятой Богородицы, молил Ее спасти попадью. И тут конь оставил попадью и убежал. Когда спросили попадью о ее ранах, она ответила, что молитвами Пресвятой Богородицы осталась цела, жаль только бахромы на накидке, которую конь изжевал.

Когда же они проехали славный город Владимир и, направляясь в славный город Ростов Великий, подъехали к реке Клязьме, лошади, которые везли сани с иконой, остановились и, сколько их ни понукали, не хотели идти. Впрягли других, свежих, те тоже не пошли. Впрягли третьих, четвертых – то же самое.

Пораженный князь Андрей пал перед святой иконой стал со слезами молиться.

И тогда ему явилась Пресвятая Богородица со свитком в руке и повелела оставить икону Ее во Владимире, а здесь, на Клязьме, построить храм.

Князь Андрей поступил так, как повелела Богородица. На Клязьме поставил храм во имя Богородицы, основал город и построил для себя княжеский двор. Это место назвал Боголюбимое, ныне называемое Боголюбово.

Чудесную же икону князь поставил во Владимирском соборе, оттого и стала называться эта икона Божией Матерью Владимирской.

* * *

Искусствоведы относят написание Владимирской иконы Божией Матери к началу XII века и отмечают, что ее живопись в главной части – в ликах Богородицы и Младенца – сохранилась в первоначальном виде.

В греческой традиции тип композиции этой иконы называется «елеуса» – милующая, в Древней Руси название «елеус» перевели словом «умиление», и Владимирскую икону Божией Матерью также называют «Божия Матерь Умиление».

Как произведение живописного искусства, написанное, по мнению искусствоведов, гениальным художником, Владимирская икона производит на зрителей огромное эмоциональное впечатление особой духовной силой образа Богородицы. Выдающийся искусствовед и реставратор, автор трудов о Владимирской иконе Божией Матери А.И. Анисимов пишет, что в этом образе заключено «...наиболее полное воплощение той стихии духа, которая зовется любовью и которая не знает ни закона справедливости, ни закона возмездия – никаких законов, кроме закона жалости и сострадания».

Даже, как того требует жанр, сухое, техническое, специальное описание Владимирской иконы в изданном Третьяковской галереей справочнике «Каталоге произведений древнерусской живописи», оказывается очень эмоциональным:

«Богородица прижимает к себе сидящего на ее правой руке сына. Подняв по-ребячески округлое лицо, он припал к щеке склонившейся матери и обнял ее за шею. Правая рука младенца Иисуса протянута вперед и касается плеча Богородицы. Мария поддерживает левой рукой охваченного порывистым движением ребенка, устремившего на нее широко раскрытые круглые глаза. Сомкнув тонкие губы маленького рта, Мария глядит прямо перед собой большими продолговатыми очами, как бы освещающими ее узкое, удлиненное лицо. Левая нога младенца согнута так, что видна подошва ступни».

Трогательная деталь – подвернутая ножка младенца имеется только на Владимирской иконе Богородицы.

* * *

Владимирцы ради спасения стольного града Москвы и всей Руси отпустили свою святыню.

15 августа, в праздник Успения Богородицы, крестный ход с чудотворной иконой вышел из Владимира, сопровождаемый церковными служителями и охраняемый княжескими дружинниками. Десять дней шел крестный ход до Москвы, и люди по сторонам дороги падали на колени, простирали к чудотворной иконе руки и молили: Матерь Божия, спаси землю Русскую!»

26 августа крестный ход подошел к Москве. Москвичи вышли встречать икону за город. «Бе же место то тогда, – сообщает летопись, – на Кучкове поле, близ града Москвы», там, где стоит церковь Марии Египетской.

Место встречи было избрано не случайно. Здесь находилось самое высокое место дороги, с которого открывался широкий вид на север, откуда двигался крестный ход, и на город, куда он должен был войти, и было видно все огромное множество народа.

«Когда же икона приближалась ко граду Москве, – рассказывает летописец-современник, – весь град вышел навстречу ей, и встречали ее с честию Киприан митрополит с епископами и архимандритами, с игуменами и дьяконами, со всеми крылошанами и причтом церковным, с черноризцами и черницами, с благоверными князьями и благоверными княгинями, и с боярами и с боярынями, мужи и жены, юноши, девы и старики с отроками, дети, младенцы, сироты и вдовицы, нищие и убогие и всяк возраст мужеска полу и женска, от мала и до велика, все многое множество бесчисленного народа. И все люди со крестами и с иконами, с евангелиями и со свечами, с кадилами, со псалмами и с песнями и пением духовным, а лучше сказать – все со слезами, от мала до велика, и не сыскать человека без слез на глазах, но все с молитвою и плачем, все с воздыханиями немолчными и рыданиями, руки вверх воздевая, все молили Святую Богородицу, вопия и взывая: «О Всесвятая Владычица Богородица! Избави нас и град наш Москву от нашествия поганого Темир Аксак царя, и всякий град христианский, и страну нашу защити, и князей и людей от всякого зла оборони, град наш Москву от нашествия иноплемленной рати и пленения погаными избави, от огни

и меча и внезапной смерти, и от нынешней скорби и печали, от нынешнего гнева, беды и забот, и от будущих сих испытаний избавь, Богородица... Не предавай нас, Заступница наша и Надежда наша, в руки врагов-татар, но избавь нас от врагов наших, согласие среди врагов наших расстрой и козни их разрушь. В годину скорби нашей нынешней, застигшей нас, будь верной заступницей и помощницей, чтобы, от нынешней беды избавленные Тобою, благодарно мы воскликнули: «Радуйся, Заступница наша повседневная!»

Возле церкви Марии Египетской, перед образом Божией Матери, был отслужен молебен, затем крестный ход двинулся далее, к городу.

Образ с молитвою и пением внесли в главный московский храм – Успенский собор и установили в киоте на правой стороне.

На следующий день в Москву прискакал гонец от князя Василия Дмитриевича из Коломны с вестью, что все монгольское войско неожиданно свернуло шатры и быстро ушли, как будто его кто-то гнал. И сказал гонец: «Не мы ведь их гнали, но Бог изгнал их незримою силой Своею, силою Пречистой Своей Матери, скорой заступницы нашей в бедах».

В тюркском фольклоре существует большой цикл преданий «о грозном царе Тамерлане», и в нем имеется в нескольких вариантах сюжет о Божественном заступничестве, спасшем Москву от захвата ее Тамерланом. В наиболее распространенном варианте Тамерлан получает предупреждение от Хазыра – святого мусульманина, который ему советовал: «С московским царем не сражайся, Бог дал ему такое счастье, что его не одолеют общими силами десять царей».

Красочно и ярко, с поэтическими подробностями рассказывает об этом же эпизоде русское предание.

В то самое время, когда московский народ встречал чудотворную икону Божией Матери, Тамерлан спал, возлежа в своем роскошном шатре, и ему приснился удивительный сон.

Он увидел высокую гору, с вершины которой спускались многие святители в светлых ризах. В руках они держали золотые жезлы и грозили ими Тамерлану.

Потом внезапно появился в небе над святителями необычный, яркий свет, и явилась одетая в багряные ризы Жена в славе неизреченной, благолепии неопишущей, окруженная сиянием солнечным. Ее сопровождало бесчисленное множество грозных и могучих светлых воинов, они служили Жене как своей царице. Вот простерла она руки, посылая свое воинство на Тамерлана, и оно, подняв мечи, сверкающие, как молнии, ринулось вперед... Тамерлан проснулся в ужасе, он созвал на совет мудрецов и советников, рассказал о виденном и спросил: «Что предвещает этот сон и кто эта Жена в такой славе в небесной высоте ходящая с грозным воинством?» Мудрецы объяснили: «Эта Жена – Матерь Христианского бога, Заступница русских, сила Ее неодолима, и, явившись в окружении своего воинства, Она дает тебе знак, что будет биться за христиан против нас».

«Если христиане такую заступницу имеют, мы всем нашим тьмочисленным войском не одолеем их, но гибель обречем», – сказал Тамерлан и повелел всему войску тотчас уходить из Русской земли.

Русский летописец-современник тогда же описал все эти события, и позднейшие летописцы включали его рассказ в свои летописные своды. А кроме того, в виде особой повести этот сюжет о заступничестве Божией Матери и избавлении Москвы от разорения ее Темир Аксаком получил большое распространение по всей Руси. Повесть читали и переписывали во всех русских княжествах – на востоке и на западе, на юге и на севере, поэтому до нашего времени она дошла в большом количестве списков XVI–XVII веков, хранящихся во многих архивах и музеях.

Современные историки и литературоведы в своих работах обычно называют это сочинение сокращенным названием: «Повесть о Темир Аксаке». Но чтобы почувствовать его

стиль, а также и отношение наших предков к этому поистине заветному преданию, стоит обратить внимание на полное название: «Повесть полезная, из древних сказаний сложенная, представляющая преславное чудо, бывшее с иконой Пречистой Богородицы, которая называется Владимирской, как пришла она из Владимира в боголюбивый град Москву, избавила нас и город наш от безбожного и зловерного царя Темир Аксака».

Вернувшись в Москву, великий князь Василий Дмитриевич, рассказывается в «Повести о Темир Аксаке», «упав сердечно пред ликом святой иконы, пролил слезы умильные из очей своих и говорил: “Благодарю Тебя, Госпожа Пречистая, Пренепорочная Владычица наша Богородица, христианам Державная Помощница, что нам защиту и крепкую оборону явила; избавила Ты, Госпожа, нас и город наш от зловерного царя Темир Аксака”».

Затем князь Василий Дмитриевич держал совет с митрополитом о том, что такое предивное чудо Богоматери не должно остаться без поминовения и праздника, и вскоре на Кучковом поле, подле церкви Марии Египетской, где москвичи встречали чудотворную Владимирскую икону Божией Матери, была воздвигнута деревянная церковь во имя ее встречи, или по-древнерусски – сретения, а также установлен ежегодный праздник в честь этого события 26 августа.

Славный московский иконописец Андрей Рублев сделал список с Владимирской иконы Божией Матери, а саму чудотворную икону некоторое время спустя с великой честью проводили обратно, во Владимир.

Через два года по распоряжению и благословению митрополита на месте встречи был основан монастырь, названный Сретенским, и церковь Сретенья Владимирской иконы Божией Матери стала ее собором.

С этого времени дорога из города (а городом назывался Кремль) к месту встречи иконы – чудесной спасительницы в народе получила название Сретенской, а когда дорога обстроилась и превратилась в улицу, за ней осталось то же название. С течением времени в живой московской речи Сретенская улица стала Сретенкой. Так мы называем эту старинную улицу и сегодня.

* * *

Вновь принесли в Москву чудотворную икону Владимирской Божией Матери из Владимира в 1480 году, при новой беде, грозившей русской столице, и поставили в нововоздвигнутом в Кремле храме Успения Божией Матери.

Сто лет прошло после Куликовской битвы, а великий князь московский Иван III, к тому времени уже объединивший под своей рукой многие русские княжества и именовавший себя государем всея Руси, все еще продолжал считаться данником Золотой Орды. Но Русь постепенно выходила из повиновения Орде: Иван III уже не ездил на поклон к хану, не платил полностью тяжкую дань.

И тогда хан Золотой Орды Ахмат решил вернуть Русь московского князя к прежним временам полной покорности.

В 1468 году Ахмат предпринял поход на Русь, но русские дружины не пустили его дальше окраинных рязанских земель. Потеряв в схватках многих своих людей, хан ушел обратно. В 1472 году новый поход также окончился для Ахмата неудачно.

Не добившись военных успехов, Ахмат посылает в 1474 году в Москву посольство за данью. Посол прибыл с отрядом в шестьсот воинов. Как ни старался посол, он не смог добиться от московского князя исполнения ханских требований в полной мере.

Два года спустя, в 1476 году, прибыло новое татарское посольство с ханским приказанием прибыть московскому князю в Орду. Но Иван III ответил послу, что в Орду он не поедет, и что отныне и навсегда Русь отказывается подчиняться приказам хана и прекращает

платить дань Орде. Иван III бросил на пол и растоптал басму – ханскую печать, которой полагалось оказывать такое же почтение, как самому хану, ибо она являлась его символом. После чего послы хана с позором были изгнаны. Легенда даже утверждает, что все они, кроме одного, отправленного к хану, были убиты, а оставленному в живых послу Иван III сказал: «Спешి объявить хану виденное тобою, что сделалось с басмою и послами, то будет с ним, если он не оставит меня в покое».

На дерзкий вызов Ивана III хан Ахмат ответил угрозой: «Да будет жестоко наказан раб наш князь Московский!» – и начал готовиться к походу на Москву.

В 1480 году хан Ахмат заключил военный союз с королем польским и литовским Казимиром о совместной войне против Руси, приказал своим подвластным татарским ханам и князьям всем идти вместе с ним в поход на Русь.

В середине лета огромное татарское войско двинулось на Русь, по пути к нему должно было присоединиться войско короля Казимира.

Получив известие о приближении войска Ахмата, Иван III отправил русские полки занять позиции по Оке – на обычном пути, которым татары приходили на Русь. Однако Ахмат не пошел обычным путем татарских вторжений, а вышел западнее главных русских сил к реке Угре – притоку Оки, где должна была состояться встреча с Казимиром.

Татары пытались с ходу форсировать Угру. Русские сторожевые отряды вступили с ними в бой. Четыре дня шли бои за переправу, татары отступили и встали лагерем.

Между тем к Угре подтянулись основные русские силы и также встали лагерем.

Каждый день шли мелкие стычки, возникала перестрелка, но ни одна из армий не начинала сражения.

Татары ожидали подкрепления – войско польского короля. Иван III знал об этом. Напряжение нарастало, среди русских воевод нашлись два близких к великому князю боярина – его любимцы Ошер и Григорий Мамон, которые не верили в победу русских. «Сии, – пишет Карамзин, – как сказано в летописи, тучные вельможи любили свое имение, жен и детей гораздо более отечества и не преставали шептать государю, что лучше искать мира», а это значило, что тогда придется Руси жить под татарским игом еще неизвестно сколько времени. Эти воеводы готовы были подчиниться игу.

Дрогнув от их внушений и великий князь. Он оставил войско и вернулся в Москву.

Совсем другое настроение царило в войске. Воины называли этих бояр «предателями отечества», да и Ивана III упрекали в том, что он «бежит прочь бою с татарами». Сами же они готовы были сражаться насмерть. Сын московского князя Иоанн отказался подчиниться приказу отца и ехать за ним в Москву. «Умру здесь, а за отцом не пойду», – сказал он.

Священники в московских храмах служили перед чудотворными иконами, и особенно перед Владимирской иконой Божией Матери, молебны.

Архиепископ ростовский Вассиан, известный проповедник, обратился к Ивану III с посланием, в котором укорял князя: «Вся кровь христианская падет на тебя за то, что выдавши христианство, бежишь прочь бою с татарами, не поставивши и не бившись с ними; зачем боишься смерти? Не бессмертный ты человек, смертный; а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю: дай мне, старику, войско в руки, увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами!» От стыда не решившись въехать в Москву, где все были согласны с упреками архиепископа, Иван III посидел две недели в Красном Селе – и возвратился на Угру.

Наступила осень. Русские и татарские войска стояли на берегах Угры друг против друга. Татары никак не могли преодолеть реку, защищаемую русскими отрядами. Ахмат грозил: «Даст Бог зиму на вас: когда все реки станут, то много дорог будет на Русь». 26 октября Угра замерзла. Иван III приказал воеводам отойти к Боровску, к более удобному месту для сражения, и приготовиться к битве. Но вдруг, 7 ноября, войско Ахмата поднялось и ушло,

так же внезапно, как сто лет назад ушло войско Тамерлана. Иван III вернулся в Москву. Его встречали как победителя, но летописец-современник заключил свой рассказ этом событии следующими словами: «Да не похвалятся легкомысленные страхом их оружия. Нет, не оружие и не мудрость человеческая, но Господь спас ныне Россию». Историки выдвигают несколько версий неожиданного ухода Ахмата: начавшиеся морозы, слухи об усилившемся войске московского князя, недостаток провианта, неприбытие отрядов польского короля, но ни по отдельности, ни все вместе взятые они не были достаточной причиной прекращения крупномасштабной и успешно начатой военной кампании.

Тогда в Москве все были убеждены, что это опять явила свое заступничество Пресвятая Богородица, и Угру, которая стала непреодолимым препятствием для вражеского войска, назвали «поясом Богоматери». Иван III в память и благодарность чудесного спасения Москвы от хана Ахмата решил воздвигнуть в Сретенском монастыре каменную церковь. Строили ее псковские мастера. Это был характерный для псковской архитектуры однокупольный храм на мощном основании. В феврале 1481 года, на праздник Сретения Господня, в Москве получили известие о том, что ханом Тюменских улусов Иваком убит хан Ахмат, а с ним перестала существовать и Золотая, или, как ее еще называли, Большая, Орда, поэтому новый храм был освящен во имя Сретения Господня и в память радостной вести.

Н.М. Карамзин, заканчивая свое повествование о стоянии на Угре, неожиданном бегстве Ахмата, такой же неожиданной смерти его и разрушении одного из главных враждебных Руси государств – Большой Орды, подводит итог этим событиям:

«Иоанн, распустив войско, с сыном и с братьями приехал в Москву славословить Всевышнего за победу, данную ему без кровопролития. Он не увенчал себя лаврами, как победитель Мамаев, но утвердил венец на главе своей и независимость Государства. Народ веселился; а митрополит установил особенный ежегодный праздник Богоматери и крестный ход июня 23 в память освобождения России от ига монголов: ибо здесь конец нашему рабству».

* * *

После того как прекратила свое существование Большая Орда и Россия перестала быть ее данницей, с Крымским и Казанским ханствами были заключены договоры о дружбе. Крымский и Казанский ханы не требовали дани, но вымогали «поминки», то есть якобы обещанные им дары, причем ханские приближенные советовали русским послам не скупиться: «а не захочешь царю (так они называли хана. – В.М.) дать добром, ведь царь у тебя силою возьмет все, что захочет». Крымские татары совершали грабительские набеги на окраинные русские села, и на требования прекратить их крымский хан Магмет-Гирей отвечал: «Хотя я с братом своим великим князем буду в дружбе и братстве, людей своих мне не унять». Однако татары в своих набегах не шли далее пограничных районов, и Москва не видела под своими стенами татарского войска почти полвека.

Весной 1521 года крымский хан Магмет-Гирей, свергнув промосковского хана в Казани и поставив на его место своего брата, тем самым усилился, призвал ногаев, и они общим войском двинулись грабить владения своего «друга и брата» – московского князя.

Поход Магмет-Гирея был настолько неожиданным для Москвы, что о нем узнали лишь тогда, когда татары вошли в русские пределы. Великий князь Василий Иванович послал навстречу им на Оку два отряда – один под началом князя Дмитрия Вельского, другой – великокняжеского брата Андрея Ивановича. Татары разбили их и рассеялись о всемо пространству от Коломны до Москвы, грабя и захватывая полон. Великий князь выехал в Волок, куда назначили собраться войску со всех земель. Москвичи и жители ближайших сел бросились в Кремль, под защиту крепостных стен, на городских улицах образовались заторы от телег, в воротах поднялась давка. Кремль наполнился людьми, теснота была ужасная, стояла

жара, воды не хватало, еще дня три-четыре – и могла начаться неминуемая беда осадной «тесноты» – заразные болезни и мор.

А татары окружили Москву. Горели вокруг села и деревни, враги сожгли Николо-Угрешский монастырь, разграбили княжье село Остров, в великокняжеском дворце на Воробьевых горах пили мед из великокняжеских погребов и смотрели на кремлевские церкви и хоромы.

В Кремле, ожидая штурма, люди в отчаянии повторяли: «Бог оставил нас!» Воины готовились к обороне, но всем было ясно, что силы неравны. Митрополит Варлаам призывал молиться и надеяться на Бога.

За несколько дней до того, как татары подошли к Москве, московский юродивый Василий Блаженный день и ночь молился на паперти кремлевского Успенского собора: ему было откровение, что только заступничеством Божией Матери «ради Ее чудотворные иконы» может быть спасена Москва. В один из дней молящиеся в соборе услышали шум и увидели, как икона Владимирской Богоматери сдвинулась со своего места, и послышался глас, возгласивший, что по грехам и беззакониям жителей, она уходит из города. Василий Блаженный, обливаясь слезами, продолжал молиться, а москвичи ожидали страшной беды.

Но на вторую ночь осадного сидения по Москве разнеслась утешительная весть.

Одной монахине Вознесенского монастыря в эту ночь было чудесное видение. Она увидела Успенский собор, его двери были закрыты, и вдруг сквозь закрытые двери вышли наружу, на площадь, святые митрополиты московские Петр и Алексей и вынесли чудотворный образ Владимирской Божией Матери. У Спасских ворот их встретили преподобные Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский. Преподобные спросили святителей, куда и почему они уходят. Те ответили, что уходят, потому что московские люди забыли заповеди Господни. Упали преподобные пред образом Божией Матери, стали молить Владычицу не оставлять город, не обречать на погибель свой народ. Они умолили Пресвятую Заступницу. Монахиня видела, что святители повернули обратно, так же, сквозь закрытую дверь, вошли в собор и установили Владимирскую икону Божией Матери на ее место в соборном иконостасе.

Несмотря на ночное время, собор наполнился людьми, все горячо молились.

Наутро войско хана Магмет-Гирея отступило от Москвы. Татарские воины, как рассказывается в летописи, получили приказ перед штурмом города выжечь ближние посады, но, подъехав к стенам Москвы, увидели неизвестно откуда взявшееся летящее по воздуху и окружающее город бесчисленное войско. Они поскакали к хану и рассказали ему о том, что увидели. Магмет-Гирей, не поверив, послал других воинов, но и те, «видеша того сугубейшее воинство русское», вернулись с теми же словами. «И третье посла некоего от ближних уведати истину... И <тот> трибеже и вопия: О царю! что коснеши? побегнем! Грядут на нас безмерное множество войска от Москвы...» «И побегоша», – заключает свой рассказ летописец.

В память этого события 21 мая проводится ежегодный крестный ход с Владимирской иконой Божией Матери из Успенского собора в Сретенский монастырь.

* * *

Эти три события, три чудесных спасения Москвы от неминуемого, казалось бы, разорения и гибели стали главными доказательствами и источниками веры москвичей в то, что Божия Матерь приняла Москву под свой Покров. Эта вера настолько проникла в народное сознание, что даже в подвергнувший все сомнению скептический XX век в глубинах души осталась незыблемой.

Исторический музей. 1880-е гг.

В 1918 году в Кремль въехало советское правительство. Он был закрыт для посещения, прекратилась служба в кремлевских соборах. Владимирскую икону Божией Матери из Успенского собора в качестве исторического экспоната передали в Исторический музей. Икона была отреставрирована и выставлена в экспозиции музея. Впервые за многие столетия людям полностью открылась живопись иконы, о ней заговорили как о произведении гениального художника.

Однако, став экспонатом сначала Исторического музея, а с 1930 года – Третьяковской галереи, икона оставалась для верующих святыней, чудотворным образом.

В середине 1920-х годов Максимилиан Волошин пишет стихотворение «Владимирская Богоматерь». Думая о страшной судьбе современной России, о трагедиях, разыгрывающихся вокруг, о беззащитности людей перед темной силой революционного насилия, поэт и в музейном облике чудотворного образа видит знак того, что Божия Матерь не лишила Москву и Русь своего Покрова. Он увидел его в том, что, изъятая из церкви, раскрытая реставраторами от вековых записей и оклада и выставленная для народного обозрения в зале Исторического музея, она «явила подлинный свой лик»:

Но слепой народ в годину гнева
Отдал сам ключи своих твердынь,
И ушла Предстательница-Дева
Из своих поруганных святынь.
А когда кумашные помосты
Подняли перед церквями крик,
Из-под риз и набожной коросты
Ты явила подлинный свой Лик.
Светлый Лик Премудрости-Софии,
Заскорузлый в скаредной Москве,
А в грядущем – Лик самой России —
Вопреки наветам и молве.
Не дрожит от бронзового гуда
Древний Кремль, и не цветут цветы:
Нет в мирах слепительнее чуда
Откровенья вечной красоты!

Советская атеистическая пропаганда, ставя под сомнение вообще возможность «чудес», совершаемых чудотворными иконами, для «разоблачения» Владимирской иконы Богоматери приводила неопровержимый, по ее мнению, исторический факт: сдачу Москвы в 1812 году Наполеону.

26 августа 1812 года, в день памяти Сретения Владимирской иконы Богоматери в 1395 году, состоялся ежегодный крестный ход из Успенского собора к Сретенскому монастырю. Этот день описывает журнал «Наука и религия» в статье 1984 года: «Пели молебны и под сводами Владимирской церкви Сретенского монастыря, и в Успенском соборе, где пребывала «чудотворная»: «Не имамы иныя помощи и надежды, разве Тебе, Владычице!..» Но устрашающий сон не приснился Бонапарту».

Да, сдача Москвы русским командованием и вступление в нее войск Наполеона были актом военного стратегического расчета как той, так и другой стороны, и поэтому все должно было происходить по предначертанному плану с заранее известным результатом. Но действительные события в Москве вышли из-под контроля, опрокинули расчеты вождей, их логику и приобрели неуправляемый иррациональный характер, что почувствовали многие

современники тех событий, отразившие позднее это в своих мемуарах. Действовали не разум и логика, а некая подсознательная сила, высшая целесообразность, которую в ее полноте не мог постичь и тем более управлять ею никакой участник событий с его какой бы то ни было широкой информационной осведомленностью и большими властными полномочиями.

Присутствие в событиях сентября – октября 1812 года иррационального начала вполне мог признать и понять не логик, не позитивист, не историк, указывающий на ошибки в действиях руководителей той и другой стороны, а только художник, поскольку методу художественного познания присущи интуитивность и иррациональность. Именно с таких позиций эпоху 1812 года воссоздает Л.Н. Толстой в романе «Война и мир».

В этом отношении замечателен эпизод получения Кутузовым известия о выходе французов из Москвы. Кутузов, как показывает Толстой, не ожидал его и сначала не поверил, его реакция на рассказ-донесение курьера была не такой, какую от него ожидали: реакция не военного человека, не полководца, не умствующего и рассуждающего деятеля, а верующего, целиком полагающегося на высшую силу русского простолюдина:

«Болховитинов рассказал все и замолчал, ожидая приказанья. Толь начал было говорить что-то, но Кутузов перебил его. Он хотел сказать что-то, но вдруг лицо его сщурилось, сморщилось; он, махнув рукой на Толя, повернулся в противную сторону, к красному углу избы, черневшему от образов.

– Господи, Создатель мой! Внял Ты молитве нашей... – дрожащим голосом сказал он, сложив руки. – Спасена Россия. Благодарю Тебя, Господи! – И он заплакал».

Народное понимание событий Бородинской битвы и оставления без боя Москвы гениально и точно сформулировал М.Ю. Лермонтов, выросший среди тех, кто сражался на редутах Бородина и шел по улицам оставляемой Москвы:

Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!

Французы вошли в Москву, но она стала последним рубежом их нашествия, наступило время поражения врага и спасения России. Когда отпылал пожар, Наполеон, как рассказывают мемуаристы, почти каждый день ездил в какую-нибудь окраинную часть Москвы, то по одной дороге, то по другой. Считалось, что он осматривал город и его достопримечательности. Он ездил по Замоскворечью, посетил Преображенское раскольников кладбище, Донской, Новоспасский, Новодевичий и другие монастыри, несколько раз поднимался на Сухареву башню и с нее долго всматривался в даль, на Троицкую дорогу. (Говорили, что его привлекали сокровища Лавры, о которых он имел преувеличенное представление и которые, как он надеялся, дадут средства для продолжения войны). Наполеон метался между московскими дорогами, явно ища выхода, и в конце концов ушел по самой неудачной – по разоренной, по которой и пришел в Москву. В 1856 году бельгийский журналист Л. Гейсманс после путешествия по России опубликовал в журнале «Le Nord» очерк, в котором утверждал, будто Наполеон каждый раз, когда он глядел с Сухаревой башни на Троицкую дорогу, видел многочисленную рать, стоявшую на дороге и преграждавшую ему путь. Видение, о котором сообщает иностранный журналист, продолжает (это совершенно очевидно) ряд аналогичных видений, описанных в старинных русских преданиях о чудесной защите Божией Матерью Москвы и москвичей от нашествия татар. Здесь следует напомнить о том, что в 1812 году в России народ называл Наполеона «новым Батыем».

В настоящее время чудотворная Владимирская икона Божией Матери из музейного зала Третьяковской галереи перенесена в старинный храм Святителя Николая в Толмачах, построенный в XVII веке, в 1929 году закрытый и переданный галерее под складское поме-

щение. В начале 1990-х годов храм был реставрирован, и в 1993 году в нем возобновлены богослужения.

Никола в Толмачах, являясь действующим храмом, одновременно сохраняет и музейный статус. В нем хранятся два великих произведения мирового искусства, две великие православные святыни: Владимирская икона Божией Матери и Святая Троица преподобного Андрея Рублева.

Казанская

Казанская икона Божией Матери была обретена в XVI веке в городе Казани при чудесных обстоятельствах и в присутствии достойных доверия свидетелей, благодаря рассказам которых эта история известна в подробностях.

23 июня 1579 года в Казани случился большой пожар, который истребил весь посад и часть зданий в кремле. При этом пожаре сгорел и дом стрельца Даниила Онучина.

Печалься не печалься, а жить надо, и стрелец, расчистив пожарище, приступил к постройке нового дома. Но тут его десятилетняя дочь Матрена рассказала родителям, что во сне ей явилась Божия Матерь, и указала, что на месте их сгоревшего дома в земле лежит Ее святая икона, и велела сообщить об этом городскому начальству.

Сон этот снился девочке трижды.

Отец пошел к начальству, однако начальник счел рассказ девочки «мечтой юного воображения» и ничего не предпринял.

Однако священник их приходского храма святого Чудотворца Николая отец Гермоген поверил, что это не выдумка и что девочке действительно было чудесное видение. Матрена сама начала искать икону, и 8 июля она нашла ее в земле на глубине двух аршин на том месте, где стояла в доме печь. Икона была завернута в старый вишневого цвета рукав, и выглядела как новая, только что написанная.

Окрестные жители, узнав об удивительной находке, собрались на дворе Онучина, пришло начальство и архиепископ казанский Иеремия. Отец Гермоген принял обретенную икону из рук девочки и под пение молитв внес ее в храм Чудотворца Николая.

Известие о найденной на пожарище иконе быстро распространилось в городе, и в храм пошли богомольцы. Несколько больных после молитвы перед этой иконой избавились от недуга. Так обнаружилось, что икона – чудотворная.

Архиепископ распорядился сделать список с новоявленной иконы и с письмом, в котором описал ее обретение и совершившиеся исцеления, послал в Москву царю Иоанну IV Васильевичу.

От царя пришло указание: «На том месте церковь поставити, иде же обретется чудотворная оная икона, и монастырь девичь повеле устроить».

В честь обретения Казанской иконы Божией Матери 8 июля был учрежден ежегодный праздник. Сначала этот праздник был местным, казанским, затем стал общероссийским.

На месте обретения иконы был основан Богородицкий девичий монастырь, построен деревянный храм, в котором и была поставлена обретенная икона. В царствование царя Феодора Иоанновича по его повелению вместо деревянного храма воздвигли каменный. Первой сестрой новой обители стала Матрена, впоследствии она приняла постриг под именем Мавры и была игуменьей монастыря.

Священник казанской церкви святого Николая отец Гермоген в 1589 году был назначен казанским митрополитом. Своей праведной жизнью, пастырским служением, духовными сочинениями он приобрел большую известность и авторитет в духовных кругах и среди мирян. В числе его сочинений имеется и подробное «Сказание о явлении и чудесах иконы Казанской Богоматери».

Однако главный свой подвиг митрополит Гермоген совершил в годы Смуты начала XVII века, когда в Россию вторглись алчные иноземные завоеватели, заняли западные земли, захватили Москву. Тогда две беды грозили самому существованию России как государству: польско-литовские и шведские оккупанты, чувствовавшие себя хозяевами в Москве, и измена правителей-бояр, которые предали родину, свой народ и ради сохранения своих богатств стали прислуживать врагам. Именно в это тяжелое для страны время Гермоген отказался подчиняться требованиям захватчиков, их ставленников-самозванцев и бояр-предателей, став духовным вождем русского сопротивления.

В 1605 году Лжедмитрий I, образовавший для руководства страной Сенат, дал Гермогену звание сенатора и вызвал в Москву.

Сенат должен был одобрить венчание Лжедмитрия на дочери польского магната Ежи Мнишека, одного из организаторов польской интервенции в Россию, Марине Мнишек. Марина Мнишек была католичкой и, по замыслам интервентов, должна была остаться ею и став царицей России.

Гермоген потребовал, чтобы царская невеста перед венчанием приняла православие, и твердо стоял на своем, за что и был отослан обратно в Казань.

После свержения первого самозванца Гермоген приехал в Москву на собор епископов, который собрался для низложения польского ставленника патриарха Игнатия. Собор возвел Гермогена в сан патриарха всероссийского.

Гермоген первым делом объявил о самозванстве Лжедмитрия, о том, что истинный царевич Дмитрий мертв, и что все, называющие себя его именем, – самозванцы. Прах царевича Дмитрия был перевезен в Москву и похоронен в Архангельском соборе, рядом с могилами его отца и братьев.

В дальнейшем при всех событиях Смуты, когда на русский престол претендовали то еще два Лжедмитрия, то польский король Сигизмунд III, то его сын царевич Владислав, Гермоген твердо держался своей позиции – русский царь должен быть православным и «от колена российского рода». С этим требованием он выступал открыто. Так, на службе в кремлевском Успенском соборе он запретил православным гражданам России присягать королю Сигизмунду, как того требовали изменившие родине бояре. Гермоген обращается прямо к народу. Он рассылает свои грамоты-послания в провинциальные русские города – Нижний Новгород, Владимир, Суздаль и другие с призывом ополчаться и идти в Москву «на литовских людей» и «изменников».

В январе 1611 года поляки заключили Гермогена в темницу Чудова монастыря. Его морили голодом, давая «на неделю сноп овса и мало воды», от него требовали, чтобы он отправил в создаваемое в провинции народное ополчение иное послание, в котором было бы сказано, что он запрещает ополченцам идти на Москву и повелевает разойтись. Гермоген отказался и из темницы благословил взять в ополчение войсковой святыней Казанскую икону Божией Матери.

В марте 1611 года в Москве началось восстание против оккупантов. Бои шли на улицах. Но силы были неравны, польские, немецкие и шведские отряды жгли город и вытесняли повстанцев на окраины. В то время, когда восстание было уже практически подавлено, к Москве подошло Первое народное ополчение, созданное в Рязани, и в ополченский отряд, стоявший возле Новодевичьего монастыря, занятого польским войском под командованием литовского гетмана Ходкевича, из Казани доставили список Казанской иконы Божией Матери. Ополченцы начали наступление и освободили монастырь. Это сражение вошло в историю под названием «гетманский бой».

В 1611 году Москву освободить не удалось. Но в Нижнем Новгороде уже собиралось новое ополчение под руководством Минина и Пожарского. Поляки и бояре-изменники потребовали от Гермогена, чтобы он написал в Нижний, что не благословляет нового похода

на Москву, на что Гермоген ответил: «Да будут благословенны те, которые идут для очищения Московского государства, а вы, изменники, будьте прокляты!»

Гермоген умер в темнице 17 февраля 1612 года.

В марте 1612 года из Нижнего Новгорода выступило Второе ополчение, и войсковой иконой в нем была Казанская икона Божией Матери, та, с которой сражались воины в «гетманском бою».

В августе этого же года ополчение Минина и Пожарского подошло к Москве. Больше месяца его отряды сражались под Москвой и на ее окраинах, продвигаясь к центру. Поляки держали оборону, защищенные могучими стенами Китай-города и Кремля.

Накануне решительного штурма в ополчении отслужили молебны перед Казанской иконой Божией Матери. И 22 октября тот отряд, в котором находилась тот день икона, овладел первой башней – Круглой башней Китай-города, расположенной между Ильинской и Нильской башнями. Оборона врага была взломана, и три дня спустя вражеские отряды, отступившие и запершиеся в Кремле, капитулировали.

«По совершении ж дела сего (освобождения Москвы. – В.М.), – рассказывает один из участников боев князь С.И. Шаховой, – воеводы и властелины вкупе ж и весь народ московский воздаша хвалу Богу и Пречистыя Его Матери, и пред чудотворною иконою (Владимирской) молебное пение возсылаху и уставиша праздник торжественный праздновати о таковой чудной дивной победе».

Ополченская же святыня – образ Казанской Божией Матери – осталась у руководителя ополчения князя Пожарского, и «по взятии Кремля, – сообщает летопись, – князь Дмитрий Пожарский освяти храм в своем приходе Введения: Пречистыя Богородицы, на Устретенской улице, и тое икону Пречистыя Богородицы Казанская поставили тут». После венчания на царство Михаила Федоровича Романова в 1613 году Казанская икона Божией Матери становится наиболее почитаемым образом в царской семье. В летописи об этом рассказано так: священники Введенского храма «возвестиша Царю... про ее чудеса, како в гетманский бой и в московское взятие от того образа велия чудеса быша. Царь же Михайло Федорович всеа Руси и мать его великая старица Марфа Ивановна начата к тому образу веру держати велию, и повелеша праздновати дважды в год и установиша со кресты». Праздник обретения иконы в народе называют «летней Казанской», а праздник освобождения Москвы – «осенней Казанской».

Отношение к тому или иному своему современнику народ определяет по его отношению к главнейшему событию эпохи. В начале XVII века это была освободительная борьба против поляков. Михаил Федорович не был ее прямым участником, поэтому он подчеркивал свою причастность к недавним событиям особым почитанием Казанской иконы Божией Матери. Видимо, этот шаг был подсказан ему отцом – патриархом Филаретом, умным и властным человеком, считавшимся соперником Бориса Годунова при избрании того на престол и насильно постриженным Годуновым в монахи.

Весной 1632 года правительство России и Земский собор принимают решение начать войну за возвращение захваченных Польшей в годы Смуты смоленских земель, еще оставшихся под ее властью.

Почитание образа Казанской Божией Матери царем и царской фамилией приобретает новые черты: празднования совершаются с крестными ходами, в Москву приглашаются из Казани «старица Мавра, которой явилась пречистая Богородица Казанская», ей, как отмечено в «Ладанной книге», выдано «три фунта ладану бранного» (то есть лучшего, отобранного), и в этом же году начинается строительство в Москве деревянной церкви во имя образа Казанской Божией Матери «меж Ильинских и Николаевских ворот» Китайгородской стены.

Церковь, как ее называли, Казанская у Стены, стояла на том месте, где во время штурма прорвались ополченцы, царь Михаил усердно посещал эту церковь, участвовал в крестных

ходах, отпускал из казны на ее содержание такие же средства, как на кремлевский Верхоспаский собор. В большой пожар 25 апреля 1634 года церковь Казанская у Стены сгорела, и по царскому повелению было начато строительство каменной церкви Казанской иконы Божией Матери на Красной площади.

Новый храм на Красной площади возводился исключительно на средства царя. Существует предание, что его строителем был князь Дмитрий Пожарский, но в документах по строительству храма, как пишут в книге «Казанский собор на Красной площади» (1993) Л.А. Беляев и Г.А. Павлович, «...нет ни одного упоминания о князе Д.М. Пожарском ни как о храмоздателе, ни как о вкладчике».

Место для нового царского храма было выбрано очень удачное по многим соображениям. Скорее всего примером для его избрания послужил храм Василия Блаженного, возведенный в память победы над Казанским ханством и поставленный вне стен Кремля на самой многолюдной площади города, на Великом Торге, для всенародного почитания и прославления святых, во имя которых он сооружен, а также в память о храмоздателе.

Храм новой династии также следовало строить на главной площади, при этом он должен был быть не менее величественен.

Архитектор, возводивший Казанский собор, Обросим Максимов – ученик строителя стен и башен Белого города Федора Коня гениально разрешил поставленную перед ним задачу. Он не стал строить махину, превосходящую Василия Блаженного по размеру, не стал еще более усложнять формы храма и, главное, отказался от идеи прямого и открытого соперничества.

Максимов поставил Казанский собор не в центре Торга, но в дальнем от собора Василия Блаженного углу. Зритель не мог видеть их одновременно и сравнивать, а должен был рассматривать по отдельности. При таком осмотре каждый храм представал перед зрителем, раскрывая свои оригинальные черты, свою неповторимую красоту.

У некоторых авторов, сообщающих, что Казанский собор поставили на пустом, не занятом постройками месте, в подтексте явно звучит намек: воткнули, мол, где нашелся пустырь. Однако это совсем не так: под царский храм очистили бы любой участок; дело в том, что Обросим Максимов, московский зодчий XVII века, был талантливым архитектором и замечательным градостроителем. Его градостроительное решение угла Красной площади и Никольской улицы так точно и выразительно, что вот уже более трех веков ни у кого не вызывает сомнения.

16 октября 1636 года собор был освящен патриархом Иосафом. На освящении присутствовали князь с семьей, вельможи, вокруг храма собралось великое множество народа.

В собор был перенесен из Введенской церкви чудотворный образ Казанской Божией Матери. По преданию, чудотворную икону из Введенской церкви до нового собора нес князь Дмитрий Пожарский.

Одновременно со строительством Казанского собора была перепланирована и благоустроена площадь перед ним.

Площадь и Никольская улица до этого имели деревянные мостовые из круглых бревен. Езда по ним сопровождалась тряской и, по отзывам современников, была мучительной. После постройки собора площадь была замощена тесаными бревнами, и теперь, как сказано в летописи, она стала «аки гладкий пол». Такой же «гладкий пол» был уложен от Воскресенских ворот до Лобного места. Замощенную улицу в XVI–XVII веках часто называли мостом. Мост на Торгу из тесаных бревен в народе стали называть Красным, то есть красивым, хорошим, а затем и всю площадь – Красной. В документах название Красной площади начинает встречаться с 1660-х годов. Это означает, что к тому времени оно стало общепризнанным.

Казанский собор занял особое место среди московских храмов. Он пользовался исключительным вниманием царской семьи. Крестные ходы 8 июля в память явления Казанской

иконы и 22 октября в память освобождения Москвы происходили с особой торжественностью, в них обязательно принимали участие царь, царская семья, придворные и высшие вельможи. Порядок, чин, размещение участвующих в процессии подчинялись строгим правилам. Главное место отводилось царю.

Царский крестный ход в Казанский собор из Кремля и от него в Кремль кроме церковного молитвенного значения приобретал явный политический оттенок: размещение участников в процессии отражало существовавшее на это время положение при дворе того или иного вельможи.

Участие царя в крестном ходе с Казанской иконой способствовало усилению, как тогда говорили, «народной любви» к нему. Поэтому наследовавший трон сын Михаила Федоровича царь Алексей Михайлович проявлял еще большее усердие в почитании чудотворного образа. Если Михаил Федорович иногда пропускал крестный ход июля на летнюю Казанскую и обязательно присутствовал только на обедне осенней Казанской 22 октября, то Алексей Михайлович считал для себя обязательным присутствие, как отметила летопись, «неотступно у всех праздников». Кроме того, он стоял не только обедню, но и вечерню кануна и всенощную праздника.

Сам Казанский собор, являясь фактически царским, придворным (в некоторых документах его называют «теремным», то есть домашним, храмом), также находился под властным контролем государя, который использовал его для осуществления влияния на церковную жизнь, ставя туда священников по своему выбору.

Будучи публичной кафедрой духовной церковной реформы, Казанский собор также неоднократно становился местом публичной демонстрации гражданских политических акций.

Подчеркнутым вниманием к святыням Казанского собора, частым посещением служб в нем пыталась найти поддержку народа в своих претензиях на власть царевна Софья Алексеевна.

За иконой в Казанском соборе было обнаружено и прочитано народу «подметное письмо», послужившее началом стрелецкого бунта.

У Казанского собора произошло событие, которое стало первым решительным шагом Петра I к трону. 8 июля 1687 года на летнюю Казанскую состоялся традиционный крестный ход. Нести икону взялась царевна Софья, имевшая титул «правительницы» при малолетних братьях-царях, но пятнадцатилетний Петр, заявив, что он царь, потребовал от сестры передать икону ему, а самой покинуть процессию. Она отказалась, тогда Петр ушел с площади. Это было объявлением открытой борьбы, завершившейся свержением Софьи.

Однако было бы совершенно неправильно сводить роль Казанского собора к арене политических интриг и борьбе амбиций, которые захватывали сравнительно небольшой круг людей, проходили и затем забывались. Зато постоянной и всенародной оставалась память о том, что собор возведен в честь народной победы, и таким же непреходящим и всенародным было почитание его святыни – чудотворной иконы Казанской Божией Матери, хранительницы каждого человека и всей России. Об этом и молитва ей:

«Со страхом, верою и любовью припадающе пред честною иконою Твоею, молим Тя: не отврати лица Твоего от прибегающих к Тебе, умоли, милосердная Мати, Сына Твоего и Бога нашего, Господа Иисуса Христа, да сохранит мирну страну нашу...»

Широко расходились вести о чудесах, явленных иконой Казанской: исцелениях, исполнении желаний. Священники Казанского собора вели летопись этих чудес. В соборной библиотеке среди прочих документов хранилась рукопись «Сказание о чуде от иконы Казанской Божьей Матери», которая, кроме того, что служит свидетельством о чуде, является выдающимся произведением древнерусской словесности, известным по курсам древнерусской литературы под названием «Повесть о Савве Грудцыне».

«Повесть о Савве Грудцыне» написана в середине XVII века и современна событиям, в ней описанным.

«Хощу убо вам, братие, – начинает рассказ неизвестный нам ее автор, – поведати повесть сию предивную, страха и ужаса исполнену и неизреченного удивления достойну, како человеколюбивый Бог долготерпелив, ожидая обращения нашего, и неизреченными своими судьбами приводит ко спасению».

Герой повести – личность историческая. «Торговые люди» Грудцыны-Усовы принадлежали к богатому купечеству, имели звание «лучших людей», они часто упоминаются в документах конца XVI–XVII веков. Действие повести происходит в первой половине XVII века, автор точен в описании исторических событий, правильно называет имена их участников – боярина Шеина, стольника Воронцова, боярина Стрешнева и других, указывает существовавшие в действительности адреса. Так, например, адрес места жительства Саввы в Москве «на Устретенке в Земляном городе в Зимине приказе в дому стрелецкого сотника именем Якова Шилова» подтверждается городскими переписями того времени: действительно, был на Сретенке дом сотника Шилова, действительно, размещался там полк, или, как его еще называли, приказ, стрелецкого головы Зимы Волкова.

Так вот, на таком достоверном фоне разворачивается действие «предивной» повести.

Сюжет повести таков. Савва влюбился в жену друга своего отца купца Бажена и возжелал ее. Страсть его была так сильна, что он подумал: «И егда бы кто от человек или сам диавол сотворил ми сие, еже бы паки совокупиться мне с женою оною, аз бы послужил диаволу». И тут он увидел юношу, бегущего к нему (дело происходило в поле за городом) и махающего рукой: мол, подожди.

Юноша заговорил с ним ласково, сказал, что знает его родню и готов ему во всем служить и помогать. Савва открыл ему свое желание. Юноша говорит ему: «Могу исполнить, что желаешь, если ты подпишешь, что отрекаешься от Христа и готов служить диаволу». Савва подписал.

Желание купеческого сына исполнилось. Затем бес (а этот юноша был бесом) стал исполнять и другие желания Саввы: сделал его воинским начальником, обратил на него благосклонное внимание царя.

Некоторое время спустя Савва разболелся, «и бе болезнь его тяжка зело, яко быти ему близ смерти», а помощи от Бога, поскольку он продал душу «диаволу», Савва получить не мог. Он страдал, сильно «умученный». Вдруг хозяин дома, в котором он жил, слышит, что больной вроде с кем-то говорит, и спрашивает: «Что ты во сне увидел? С кем говорил?»

На что Савва ему ответил, обливаясь слезами, что увидел он явившуюся к его одру «светолепну жену» и понял, что это была Богородица. Она спросила его, о чем он скорбит. Савва ответил, что скорбит о том, что прогневал Господа – подписал дьяволу бумагу. Богородица, видя его раскаяние, дала обещание умолить Сына Своего, чтобы Он простил Савву, и помочь вернуть от дьявола собственноручное Саввы «рукописание», но Савва должен исполнить то, что она повелит. Повеление же ее было таково: «Егда убо приспее праздник явления образа Моего, яже в Казани, ты же прииди во храм мой, иже на площади у Ветошного ряду; и аз пред всем народом чюдо явлю на тебе».

Хозяин-сотник доложил о видении своего постояльца царю, и царь милостиво разрешил принести болящего на праздник в собор.

«Егда же бысть праздник Казанския Богородицы июля осмаго дня, – рассказывается в повести, – тогда бо бысть крестное хождение до церкви тоя Казанския Богородицы со святыми иконами и честными кресты... В том крестном хождении бысть великий Государь царь и великий князь Михаил Федорович, и священный патриарх со всем освященным собором и множество вельмож, абие повелевает царь принести болящего Савву до церкви тоя. Тогда же,

по повелению цареву, принесоша болящего оною до церкви Казанския Богородицы, скоро на ковре, и положиша его вне церкви в преддверии.

И егда же начата литургисати (служить литургию. – В. М.), тогда нападе на больного Савву дух нечистый, и нача мучити его диавол. Он велием гласом вопия: “Помози, ми, Госпоже Дево, помози ми, Всецарице Богородице!” и егда же начата херувимскую песнь воспевати, тогда возгреме яко гром и бысть глас глаголющ: “Савво, восстани и гряди семо во храм мой!” Он же, воспрянув с принесенного ковра, якобы никогда не скорбел (т. е. не болел. – В. М.), и скоро притече во храм той, паде ниц пред образом пресвятая Богородицы Казанския, моляся со слезами. Тогда же низпаде от верху округа церковного богоотменное оное писание, яже дади Савва диаволу, все бо заглажено, яко же бы никогда не писано. Еще же повторяя глас бысть: “Савво, се твое рукописание, яже писал еси, и исполни заповеди Моя и к тому не согрешай!”... Тогда же слышав царь и патриарх и вси предстоящие вельможи, и видевши таковое преславное чудо, благодариша Бога и Пречистую Его Матерь...».

Савва вернулся домой совершенно здоровый. Спустя малое время он раздал свое имение в церкви и нищим постригся в иноческий чин в Чудовом монастыре. Он «поживе лета довольна, ко Господу отъиде с миром; и погребен бысть в том монастыре». В царствование Петра I с переводом столицы и двора из Москвы в Петербург московский Казанский собор утратил свой придворно-политический статус. Но Петр почитал Казанскую икону Божией Матери и перенес в новую столицу из Москвы тот ее список, который был прислан царю Ивану Васильевичу из Казани в 1579 году. В Петербурге во имя Казанской иконы в начале XIX века был возведен один из самых величественных соборов северной столицы – Казанский собор на Невском проспекте.

Московский Казанский собор, лишившись царского покровительства, тем не менее оставался одним из наиболее посещаемых московских храмов. Его главная святыня и слава – икона Казанской Божией Матери в народной памяти связывалась с борьбой ополченцев против захватчиков, с освобождением Москвы, с именем замученного в темнице патриарха Гермогена и с именем князя Дмитрия Пожарского, военного руководителя ополчения. Память же о придворной принадлежности храма, не поддерживаемая постоянными официальными церемониями во время служб и крестных ходов, постепенно слабела.

К концу XVIII века окончательно забылось, что храмоздателем Казанского собора был царь Михаил Федорович. И в народной памяти, и в исторической научной литературе как несомненный и общепризнанный факт утвердилось мнение, что строителем Казанского собора был князь Д.М. Пожарский. Даже такой серьезный ученый историк и архивист, как А.Ф. Малиновский в работе 1820-х годов «Обозрение Москвы» утверждает: «Казанский собор построен боярином князем Дмитрием Михайловичем Пожарским по случаю незабвенного для Москвы и для всей России происшествия». При этом Малиновский основывался на бывшей в его распоряжении литературе, безусловно, авторитетной. Не подвергая сомнению факт строительства собора Пожарским, он в то же время опровергает достоверность другой народной легенды: «Прежде многие думали, что тут (в соборе. – В. М.) похоронен храмоздатель князь Пожарский, но теперь известно уже, что прах его покоится в Спасо-Евфимьевском монастыре, где издавна погребались его предки».

В современных работах, как правило, строителем Казанского собора также называется князь Пожарский. Таким образом, народная молва вопреки фактам восстанавливает историческую справедливость: мемориальный памятник (а Казанский собор является таковым) должен вызывать в памяти прежде всего образ того или тех, в честь которых он поставлен, а не того, на чьи деньги его строили.

В Отечественную войну 1812 года с новой силой и с новым значением зазвучали имена Минина и Пожарского. Они были произнесены в первом же обращенном к народу императорском манифесте, извещавшем о вступлении наполеоновских войск в пределы России, в

котором император Александр I выразил уверенность в том, что враг найдет «...на каждом шаге верных сынов России, поражающих всеми средствами и силами», «встретит в каждом дворянине Пожарского, в каждом гражданине – Минина».

В петербургском Казанском соборе перед иконой Казанской Божией Матери молился перед отъездом в армию назначенный главнокомандующим всех русских войск М.И. Кутузов.

Площадь перед московским Казанским собором всегда бывала многолюдна. У ограды располагались «скамьи и шалаши» с торговлей разными съестными товарами, предлагали свой товар разносчики – квас, сбитень, пирожки. Торговля была оживленной, потому что здесь пролегали пути и на Красную площадь, и в Кремль, и в Зарядье, и Замоскворечье.

С началом войны народу у Казанского собора не стало меньше, но переменились характер толпы и ее настроение, постоянно был полон народом и храм.

За собором находилась губернская типография, в которой печатались сообщения из армии, распоряжения московского губернатора Ростопчина и тут же раздавались народу. Люди на площади ожидали этих сообщений, которые тотчас вызывали оживленные обсуждения, замечания, вопросы. На ограде собора вывешивались лубочные листы о войне: «Крестынин Иван Долбило», «Французы под конвоем бабушки Спиридоновны», «Беседы бывшего ратника московского мещанина Карнюшки Чихирина о доблести русского воина» и многие другие.

В ночь на 1 сентября 1812 года, накануне вступления Наполеона в Москву, архиепископ московский Августин по приказу губернатора Ростопчина выехал из Москвы во Владимир, увозя московские святыни – Владимирскую икону Божией Матери и Иверскую. Казанская икона пока оставалась в храме. Лишь 2 сентября, когда французские войска уже входили в город, икону вынесли из собора; сначала ее укрыли в доме протоиерея Сергия, а затем увезли из города. В статье священника Радугина, опубликованной в 1862 году, приводятся воспоминания неназванного мемуариста о том, как были вывезены Августинем Владимирская и Иверская иконы, но поскольку обстоятельства и детали его выезда из Москвы хорошо известны и не соответствуют этому рассказу, то очевидно, что здесь речь идет о другой святыне – видимо, о Казанской иконе.

Икону погрузили в дорожную карету, рассказывает мемуарист, и «...полетели вскачь к Крестовской заставе, думая настичь обоз с церковным имуществом; но у Сухаревой башни были остановлены врагами, предупредившими их и загородившими выезд из столицы. Чтобы не остаться в плену, надобно было повернуть лошадей назад и искать другого выезда. Сначала думали было пробраться к Калужской заставе, в которую проходили русские войска; но повернув на Яузу, повернули в Рогожскую заставу, где была страшная давка от множества экипажей и народа, спешившего выехать из Москвы». Следуя за армией, карета с Казанской иконой Божией Матери оказалась под Тарутином, где Кутузов разворачивал лагерь русских войск. Во время своего пребывания в Москве французы ограбили Казанский собор, но он не был разрушен. Площадь перед ним завалило грудami кирпичей от взорванной Никольской башни. 12 октября последние французские части ушли из Москвы, в тот же день была совершена служба в сохранившемся Страстном монастыре. В первых числах ноября в Москву возвратился архиепископ Августин со святынями. 1 декабря по Китай-городу прошли крестные ходы, во время которых Августин освящал краплением воды Москву: «...древний благодетельный град сей, богоненавистным в нем пребыванием врага нечестивого оскверненный». Среди других храмов был освящен и Казанский собор.

XX век, принесший русскому православию – вере, церкви и верующим тяжкие испытания, поругание святынь, страдания и гонения, сравнимые с гонениями, которым подвергались первые христиане, начался страшным и пророческим исчезновением подлинной

чудотворной Казанской иконы Божией Матери из ее обители – Богородицкого казанского монастыря.

Утром 29 июня 1904 года служители обнаружили, что из монастырского собора исчезли две иконы: чудотворная Казанской Божией Матери и Нерукотворный образ Спасителя.

Полиции удалось обнаружить непосредственных похитителей – двадцативосьмилетнего крестьянина Варфоломея Стояна, он же Чайкин, и тридцатилетнего крестьянина Комова, а также их сообщников – сожительницу Чайкина и ее мать, которые обвинялись в укрывательстве похищенного, ювелира, купившего золото и жемчуг с окладов икон, и церковного сторожа, который, возможно, содействовал похищению.

Главное желание следователей, игуменьи монастыря, духовных и светских властей заключалось в том, чтобы вернуть святыни. Но сожительница Чайкина, ее малолетняя дочь и мать показали на суде, что они видели, как Чайкин разрубил иконы на мелкие щепки и жег их в печи. При обыске в печи были найдены четыре обгорелые жемчужины, грунтовка с позолотой, два гвоздика, 17 петель, которые, по показаниям монахинь, находились на бархатной обшивке иконы. Сам Чайкин во время следствия отрицал уничтожение им икон, чтобы не отягчать свою вину еще и богохульством, после же приговора признался в этом.

Чайкин представлял собой характерный тип, с которым русскому православию предстояло встретиться в недалеком будущем. Следствие обнаружило еще ряд совершенных им церковных ограблений, правда, он сдирал с икон драгоценные ризы, самих же образов не похищал, что характеризовало его как заурядного уголовника. Между тем он старался представить себя публике «политиком», социалистом, убежденным атеистом, объясняя уничтожение икон тем, что ему «...ужасно хотелось тогда доказать всем, что икона вовсе не чудотворная, что ей напрасно поклоняются и напрасно ее чтят, что...сожгу ее и никакого не случится чуда: сгорит – и все».

После приговора Чайкин сидел в Шлиссельбургской каторжной тюрьме. Следствие по поиску икон продолжалось и после приговора. У следователей не было уверенности в том, что они уничтожены: Чайкин путался в своих показаниях, в уголовном мире ходил слух, что иконы были проданы. Древние иконы имели спрос у коллекционеров, их скупали старообрядцы, поэтому следователи сомневались в том, что Чайкин мог своими руками уничтожить иконы, цена которых превышает цену их оклада.

В 1930-е годы прошел слух, будто Казанская икона Божией Матери была продана большевиками за границу в числе многих других старинных икон.

Московский Казанский собор во время боев Октябрьской революции 1917 года оказался в самом центре военных действий. При наступлении на Кремль отряды красногвардейцев двигались по Никольской улице, у собора было поставлено орудие, которое прямой наводкой било по Никольской башне.

Обстрел Никольской башни стал первым случаем осквернения и разрушения православных святынь коммунистами: пострадал надвратный образ святителя Николая, почитаемый в Москве чудотворным за то, что при взрыве французами в 1812 году Никольской башни остался неповрежденным.

Образ Николая Чудотворца на Никольских воротах через некоторое время был заложен кирпичом.

В 1925 году подошло время в очередной раз отремонтировать Казанский собор, община верующих храма решила вернуть собору по возможности прежний облик. Произвести реставрацию предложили тогда уже известному своими реставрационными работами П.Д. Барановскому. Средства на реставрацию давала община.

Барановский начал реставрационные работы с барабана главы собора и восстановления кокошников. Понимая, что работа продлится долго, он, чтобы не портить вида Красной

площади, работал без лесов, и Казанский собор преображался, обретая прежнюю красоту, на глазах москвичей.

Однако довести реставрацию Казанского собора до конца Барановскому не удалось: в 1930 году храм был закрыт, община распущена. Собор был наскоро переоборудован под жилые коммунальные квартиры и стал именоваться домом № 1 по Никольской улице.

Бывшая жилища этого дома уже в наше время рассказала об условиях жизни в переоборудованном под жилье соборе.

«Жизнь в церкви я до сих пор вспоминаю с содроганием. Бытовые условия были такие, что никому не пожелаю. Комнатки тесные, в каждой по 4–5 человек. Стены голые: от церковных интерьеров и утвари нам ничего не осталось. Окошечки узенькие, света почти не давали. Кухни и ванной комнаты как таковых не было вовсе. Но в каждой комнате – раковина с холодной водой, и паровое отопление у нас было: печки не топили, это я точно помню... В то время Казанская церковь выглядела как несуразный двухэтажный дом с деревянным грубо сколоченным чердаком... Бывший собор обнесли дощатым забором... Один вход был со стороны Исторического музея, другой с Никольской улицы... Туалет находился на первом этаже, это был деревянный сортир в три очка...

Ордера на столь «центровую» жилплощадь выдавались только «классово устойчивому элементу», в основном рабочим. Но все равно жизнь в соборе протекала под неусыпным контролем Лубянки. Во время парада или демонстрации в каждой комнате сидел у окна их сотрудник, а еще один – на чердаке. Помню, один раз на майские праздники такая духота была, что энкавдэшник наверху в обморок свалился. Мы, жильцы, хотели было ему помочь, а он нас не пустил – ждал, пока свои заберут. Накануне каждого мероприятия с нас слово брали: будем дома или уедем. И ни разу никто не ослушался. Бывало, если раньше вернешься – демонстрация еще не кончилась, идешь себе на бульвар гулять или еще куда-нибудь...

Но наряду с бытовыми неудобствами были и преимущества, о которых многие советские люди тогда мечтали: жильцы собора могли из своих окон видеть парады и демонстрации и – главное – Сталина.

«Мы, жильцы, – вспоминает та же женщина, – Сталина из окна высматривали – все ждали, когда на трибуну выйдет. А если колонна демонстрантов шла мимо Мавзолея, когда на нем товарища Сталина не было, люди потом очень сокрушались, даже в истериках бились».

Корреспондент газеты, в которой было опубликовано это интервью, спросил, испытывали ли жильцы чувство стеснения или неловкости не из-за бытовых неудобств, а из-за того, что жили в храме. «Нет, – получил он ответ. – Мне было двадцать лет, но и моя свекровь, и люди более старшего возраста об этом не думали. Наверное, время было другое».

Реставрация Казанского собора остановилась, так как в действительности в Моссовете уже было принято решение о его сносе. Превращение его в жилой дом было временным мероприятием, вызванным недостатком жилья в столице.

В конце 1920 – начале 1930-х годов развернулась массовая общегосударственная кампания по прекращению реставрационных работ и сносу церквей. Кампания имела идеологическую основу и сопровождалась шумной агитационной пропагандой: «разоблачали» церковь и попов, «разоблачали» и ученых-реставраторов. «Они, – писал о реставраторах журнал “За коммунистическое просвещение”, – надували советскую власть всеми средствами и путями. Создав вокруг себя “верное” окружение, они и чувствовали себя в ЦГРМ (Центральных государственных реставрационных мастерских. – В. М.), как за монастырской стеной. Советская лояльность была для них маской. Они верили, что советская власть скоро падет, они ждали с нетерпением ее падения, а пока старались использовать свое положение... Они всегда говорили с пафосом о чистой науке, о чистом искусстве. Они жаловались на то, что при старом, при царско-поповском строе церковь мешала развернуть по-настоящему научно-

исследовательскую работу по древнерусскому искусству. Они были всегда столь возвышенными идеалистами – людьми-бессребрениками! А когда пролетарская власть предоставила им возможность полностью отдаваться науке и искусству... что они сделали, верные сыны буржуазии? Они снова превратили науку в церковь, искусство в богомазню, а все вместе – в обыкновенное церковно-торговое заведение, в монастырь-лавочку». Последнее обвинение было персонально направлено против Барановского, производившего реставрацию Казанского собора на средства общины. Вскоре это же обвинение он услышал на Лубянке.

В сентябре 1933 года П.Д. Барановского и архитектора Б.Н. Засыпкина вызвали в Моссовет к заместителю председателя Усову, который объявил им, чтобы они срочно произвели обмер и фиксацию храма Василия Блаженного, так как он в ближайшие дни будет снесен. Барановский сказал: «Это преступление и глупость одновременно. Можете делать со мной, что хотите. Будете ломать – покончу с собой». Тогда же он послал соответствующую телеграмму Сталину.

Через несколько дней его и Засыпкина арестовали. По статье 58, пункты 10, 11 «анти-советская агитация, организация антисоветской группы» Барановский был осужден на три года лагерей с последующим поражением в правах, в том числе в праве жить в Москве и других крупных городах. Он вернулся из заключения в мае 1936 года и прописался в Александрове – ближайшем к Москве городе, в котором разрешалось жить отбывшим срок по политической статье.

Как раз в эти дни, летом 1936 года, начали сносить Казанский собор. Барановский ежедневно приезжал в Москву из Александрова, производил обмеры храма, фотографировал, и в тот же день уезжал обратно. Как поднадзорный, он был обязан ежедневно в 17 часов 30 минут являться в Александровское НКВД на отметку.

Окончательно разрушен Казанский собор был в последние дни июля 1936 года, в начале сентября убрали битый кирпич. Известный историк московской церковной старины М.И. Александровский в своем дневнике 9 сентября записал, что на месте собора уже пустая площадка.

До трехсотлетия своего освящения 15 октября 1636 года московский Казанский собор не достоял один месяц.

Соборная Казанская икона Божией Матери еще при закрытии храма в 1930 году была перенесена в Богоявленский собор в Дорогомилове, а после того как в 1935–1936 годах этот храм был снесен, ее перенесли в Богоявленский патриарший собор в Елохове, где она и находится в настоящее время.

В 1920-е годы был закрыт и Богородицкий монастырь в Казани. До сих пор его занимает табачная фабрика.

Петербургский Казанский собор тоже был закрыт, и в 1932 году в нем, как сообщал путеводитель полувековой давности, «...разместился один из интереснейших музеев Ленинграда – Музей истории религии и атеизма Академии наук СССР», обычно называвшийся более откровенно и точно: Антирелигиозный музей.

Икона Казанской Божией Матери из Казанского собора была перенесена во Владимирский храм.

Петербургский Казанский собор ныне возвращен верующим.

В Москве на освободившейся после сноса Казанского собора площадке на углу Красной площади и Никольской улицы в 1937 году поставили павильон и устроили летнее кафе. Может быть, в проекте этой веранды и был заложен какой-то идейный смысл, а может быть, просто какой-то остроумец пустил шутку, но говорили, что она возведена в честь III Интернационала и что строил ее прославившийся тогда проектом Дворца Советов архитектор Б. Иофан.

Эти сведения в настоящее время попали даже в специальную искусствоведческую литературу. Правда, в других работах авторами павильона называют архитекторов Л.И. Савельева и О.А. Стапрана.

Во время войны павильон на углу Красной площади и Никольской сломали. В послевоенные годы на этом месте был разбит газон, в правом дальнем углу которого открыли подземный туалет.

В 1985 году в недрах Музея В.И. Ленина, занимавшего здание бывшей Городской думы, зародилась идея о расширении музея за счет прилегающих к нему зданий: Губернского правления, Монетного двора, Заиконоспасского монастыря, Никольских рядов и других. Музей должен был занять весь квартал между площадью Революции, Историческим (Воскресенским) проездом, Никольской улицей. Все эти здания и внутренние дворы предполагалось приспособить под музейные помещения: выставочные залы, аудитории, библиотеку, буфеты. Все строительство задумывалось для того, чтобы, как сформулировал тогда директор музея, «...было удобно учиться и работать, впитывать великие идеи Владимира Ильича Ленина».

Реконструкция должна была завершиться в 1995 году к 125-летию со дня рождения В.И. Ленина.

Поскольку на территории, предназначенной под реконструкцию, находилось большое количество исторических памятников, директор обещал, что «...будут учтены все ценные предложения по использованию памятников архитектуры».

От Казанского собора сохранились фундаменты XVII века, являющиеся охраняемым памятником архитектуры и истории, авторы проекта обещали их не уничтожать.

«В этом соборе в октябрьские дни 1917 года была установлена пушка, выстрелом из которой были пробиты Никольские ворота, открывшие Красной гвардии дорогу в Кремль, — рассказывал журналист о проекте расширения Музея В. И. Ленина в предпраздничном номере газеты “Московская правда” от 6 ноября 1986 года. — Сейчас рассматривается вариант создания в сохранившейся подземной части собора постоянной выставки».

Проект расширения Музея В.И. Ленина был столь невежественно-варварским по отношению к памятникам отечественной истории и архитектуры, что вызвал широкое общественное возмущение. К тому же изменилась и общественно-политическая ситуация в стране. Даже всегда послушный Центральный Совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, который по закону должен был дать согласие на строительство в зоне исторических памятников, этот проект поддержал не полностью. Одобрив общую идею, он поставил важное условие, указав на необходимость «...воссоздания бывшего Казанского собора как памятника истории государственной независимости Руси и являющегося составным градостроительным композиционным элементом Красной площади». Однако в этом предложении был пункт, который делал возведение собора почти неосуществимым: государство, разрушившее его, средств на восстановление не выделяло, а предлагало Московскому городскому обществу охраны памятников, не имеющему практически никаких доходов, «решить вопрос о финансировании» самому.

Группе энтузиастов, объединившихся вокруг Московского общества охраны памятников, не только удалось поднять общественность, но и сделать своими союзниками Патриархию и обновленный Моссовет, что было очень важно, потому что хотя отовсюду и поступали пожертвования, но их было недостаточно. Руководство Моссовета выделило недостающую сумму из городского бюджета.

Летом 1989 года начались археологические исследования фундаментов Казанского собора. 5 июня 1990 года Моссовет принял официальное решение о его воссоздании (окончание работ было намечено на 1995 год), причем — что особенно подчеркивалось — храм будет действующим. 4 ноября 1990 года, в день праздника Казанской Божией Матери, Пат-

риархом Московским и Всея Руси Алексием II был заложен и освящен первый символический камень Казанского собора.

История воссоздания Казанского храма, первого в послереволюционной Москве восстанавливаемого не только в качестве архитектурной формы, но и ради его настоящего предназначения, сложна и драматична. Множество разнообразных сил пришли в движение. Кроме явных сторонников и противников его воссоздания были и противники, скрывающиеся под маской друзей, и друзья, вынужденные публично выступать как противники. События, взаимоотношения людей, тайные и явные пружины происходившего – все это может составить содержание большой и поучительной книги. Наверное, она когда-нибудь будет написана.

Восстановлением Казанского собора с первого до последнего дня руководил ученик и друг П.Д. Барановского архитектор-реставратор Олег Игоревич Журин. Именно ему передал Барановский материалы, собранные при реставрации храма в 1925–1930 годах, и обмеры, сделанные в 1936-м. Журин исполнил завещание своего учителя. Казанский собор восстановлен в близком к первоначальному своему облику XVII века виде, как и предполагал его восстановить П.Д. Барановский.

Возрожденный Казанский собор был освящен 4 ноября 1993 года – на осеннюю Казанскую.

Сейчас в Казанском соборе, по сообщению его настоятеля, имеются четыре образа Казанской Божией Матери – образ конца XVIII века, подаренный Святейшим Патриархом, образ, написанный современным иконописцем архимандритом Зиномом, и еще два старых образа, принесенных в дар.

Возрожденный Казанский собор. XXI век

Чудесная помощь Божией Матери, оказанная ею России в Великую Отечественную войну, также связана с чудотворной Казанской иконой.

Осенью 1941 года, когда немцы подошли вплотную к Москве, когда руководство партии и правительства, органы городского управления и правопорядка эвакуировались, а, точнее сказать, бежали, недаром уже тогда эту эвакуацию называли «паникой». Брошенным на произвол судьбы простым москвичам оставалась одна надежда – на Божью помощь. И помощь пришла.

Еще во время войны по Москве прошел слух, что зимой 1941 года, когда немцы подошли к Москве, Сталин велел взять чудотворную икону Богоматери и с ней облететь на самолете вокруг города. Вскоре последовало первое успешное контрнаступление Красной Армии: немцев отогнали от столицы.

Долгое время это считали легендой, но теперь уже и в печати появились сообщения о достоверности этого события.

После нападения фашистов на СССР православный патриарх Антиохийский Александр III обратился к христианам всего мира с просьбой оказать молитвенную и материальную помощь народам России.

Между тем немцы уже подходили к Москве, осадили Ленинград. Митрополит Гор Ливанских Антиохийской патриархии владыка Илия затворился для молитвы в подземной пещере-церкви, находящейся в скале на берегу Средиземного моря. Три дня и три ночи, бодрствуя и не принимая ни воды, ни пищи, он молился перед образом Божией Матери. На третьи сутки ему явилась в огненном столпе Божия Мать и объявила, что он избран для того, чтобы передать Божие определение, что должен сделать народ российский для спасения России, и сказала, что если не будет исполнено повеление, то Россия погибнет.

Повеление, как передал его Илия, было таково: «Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвра-

щены с фронтов и из тюрем, должны начать служить. Сейчас готовятся к сдаче Ленинграда, – сдавать нельзя. Пусть вынесут чудотворную икону Казанской Божией Матери и обнесут ее крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую его землю. Это избранный город. Перед Казанскою иконою нужно совершить молебен в Москве. Затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Казанская икона должна идти с войсками до границ России. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию».

Митрополит Илия отправил в Москву руководству Русской церкви и правительству письма и телеграммы о Божественном повелении.

Сталин вызвал к себе главу Русской православной церкви местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия и митрополита Ленинградского Алексия и обещал им исполнить все, о чем было сказано в послании митрополита Илии.

В московском Богоявленском соборе перед Казанской иконой Божией Матери служились молебны.

Вокруг Москвы облетел самолет с чудотворной иконой Тихвинской Богоматери из Тихвинского храма в Алексеевском. Этот факт, по воспоминаниям современников, подтверждал маршал Георгий Константинович Жуков.

5 декабря началось контрнаступление Красной Армии, к 9 декабря был освобожден от немцев ряд городов, в том числе Тихвин. Эта операция по справедливости была названа разгромом немецких войск под Москвой и стала переломной в ходе войны.

Ленинград находился в блокаде. Из Владимирского собора вынесли Казанскую икону и с крестным ходом обошли город. Припомнились и давние слова святителя Митрофана Воронежского, сказанные им Петру I: «Пока Казанская икона в городе и есть молящиеся, враг не сможет войти в город». Ленинград выдержал блокаду.

Казанскую икону Божией Матери привезли и в Сталинград. Она находилась среди советских войск на правом берегу Волги. Икону вывозили на разные участки фронта, и везде служили молебны.

Были исполнены и остальные повеления: возобновилась служба во многих закрытых ранее храмах, возвращены из лагерей оставшиеся в живых священнослужители, открылись семинарии, церковь получила возможность издавать религиозную литературу.

В 1947 году в Россию прибыл митрополит Илия, его принял И. В. Сталин. По совету патриарха Алексия (бывшего митрополита Ленинградского), митрополиту Илии был подарен список Казанской иконы Божией Матери, крест и панagia – нагрудная иконка Богоматери, украшенные драгоценными камнями, добытыми во всех районах страны, чем подчеркивалось, что дар от всей России.

«Я счастлив, – сказал митрополит Илия, принимая дары, – что мне довелось стать свидетелем возрождения Православной веры на Святой Руси и увидеть, что Господь и Божия Матерь не оставили вашу страну, а напротив – почтили ее особым Благоволением».

Иверская

В середине XVII века в Москве уже немало знали и слышали о святой горе Афон, что находится в Греции на берегу Эгейского моря, которую посещала в пору своей земной жизни Богородица и где с давних времен появились кельи монахов-отшельников и православные монастыри. Русские люди совершали паломничества на Афон, в Москву приезжали монахи с Афона и получали от московских государей щедрые пожертвования. Паломники и монахи рассказывали об афонских святынях, а москвичи слушали их каждый раз с неослабным вниманием, потому что повествования эти были действительно чудесными и поучительными.

В 1647 году в Москву приехал игумен афонского Иверского монастыря Пахомий. Его пригласил для беседы царь Алексей Михайлович, в этой беседе и последующих принимал участие и настоятель Новоспасского монастыря Никон, человек, глубоко уважаемый государем. Пахомий рассказывал о монастыре, о его святынях, о святых чудесах. Среди прочего было рассказано им о главной святыне монастыря – иконе Божией Матери, называемой Портaitисе, что значит «Вратарница».

Эта икона, говорит предание, в IX веке принадлежала некоей благочестивой вдове, жившей в окрестностях старинного византийского города Никеи, и была ею очень чтима.

В это время Византией правил император Феофил-иконоборец. Исполняя приказ императора, его воины всюду разыскивали и уничтожали иконы. Один из них явился к этой вдове, увидел икону, ударил мечом по лику Богоматери – и из нанесенной раны по ее щеке потекла кровь. Воин испугался, пал перед образом на колени с покаянной молитвой и отрекся от иконоборческой ереси. Он сказал вдове, что к ней еще не раз придут с обыском императорские сыщики, и посоветовал спрятать образ, чтобы его не смогли найти. Вдова так и поступила.

Но слух о чудесном образе Богоматери и о том, что вдова где-то скрывает его, дошел до императорских сыщиков, они стали требовать, чтобы она отдала икону, а за непослушание грозили жестокими карами.

Тогда вдова, чтобы спасти образ от поругания, с молитвой пустила икону в море. И тут она увидела, что икона не легла на воду, но стоямя уплыла от берега.

Сын вдовы, которому также грозили гонениями, ушел из Никеи и в одном из монастырей на Афоне постригся в монахи. Он рассказывал братии о чудесах, явленных находившейся в их доме иконой Божией Матери, и этот рассказ передавался на Афоне от поколения к поколению.

Два века спустя одному из монахов афонской Иверской обители – святому старцу Гавриилу – во сне было откровение: Богоматерь сказала, что она желает дать обители свою икону, и пусть старец приблизится к ней по воде и примет ее в свои руки.

На следующий день монахи увидели среди моря на огненном столпе икону Божией Матери. Святой старец Гавриил, пройдя по воде, как посуху, взял образ, принес в обитель и поставил в храме в алтаре. Но наутро монахи обнаружили чудесно обретенную икону не в алтаре, а на стене над воротами обители. Тогда над воротами воздвигли храм, и там икона Богоматери пребывает поныне. По обители она называется Иверской, по месту пребывания над воротами – Вратарницей.

С тех пор Богоматерь не оставляла своим попечением монастырь и в трудные времена приходила на помощь инокам. Много раз Иверский монастырь подвергался нападениям пиратов и иноземных врагов, но чудесное вмешательство Богоматери спасало его. Особенно памятно в летописях монастыря нашествие персов под предводительством царя Амира.

На 15 кораблях персы приплыли к Афону и напали на Иверский монастырь. Монахи, взяв священные сосуды, заперлись в башне. Разорив монастырь, грабители стали рушить башню. Монахи молились Пресвятой Деве, и вдруг поднялась страшная буря, корабли персов с моряками и воинами потонули в морской пучине. В живых остался один их предводитель Амир. Он раскаялся, обещав много золота и серебра на постройку новых стен монастыря взамен разрушенных.

Царь Алексей Михайлович и архимандрит Никон просили Пахомия прислать в Москву список чудотворной Иверской иконы Богоматери, что тот и обещал исполнить.

Возвратившись на Афон, игумен Пахомий приступил к выполнению своего обещания. Писать икону он поручил самому лучшему иконописцу монастыря – Ямвлиху Романову. Работа иконописца проходила под молитвы всей братии.

Об этом рассказал игумен Пахомий в письме царю Алексею Михайловичу, присланном в Москву вместе со списком чудотворной иконы.

«Собравши всю братию, совершили всенощное бдение и молебен, – пишет в письме Пахомий, – освятили воду с мощами, потом этою святою водою обливали чудотворную Иверскую икону и, собрав воду в чашу, обливали ею новую кипарисную доску, назначенную для написания новой иконы; затем опять собрали воду в блюдо, а потом служили Божественную и Святую Литургию, а после Литургии дали ту святую воду и святые мощи иконописцу, чтобы он, смешав святую воду с красками, написал святую икону. Иконописец только в субботу и воскресенье вкушал пищу, а братия два раза в неделю совершали всенощные и литургии. Акафист Божией Матери читался иноками во все время написания иконы, доколе она не была совершенно окончена. И та новописанная икона не разнится ничем от первой иконы, ни длиною, ни шириною, ни ликом, одним словом, – новая, аки старая».

13 октября 1648 года этот список иконы в сопровождении иноков Иверского монастыря прибыл в Москву. У Воскресенских ворот образ встречали царь Алексей Михайлович и царская семья, патриарх Иосиф, духовенство, вельможи и народ.

По прибытии икона Иверской Божией Матери сначала была поставлена в московское подворье Иверского монастыря в Никольском греческом монастыре на Никольской улице, затем перенесена в Успенский собор, потом водворена на постоянное свое место в домовую церковь царицы Марии Ильиничны. По смерти царицы икона перешла к ее дочери Софье. Софья взяла ее с собой в Новодевичий монастырь, куда она была заключена Петром I за попытку захватить власть. После смерти Софьи икона осталась в Новодевичьем монастыре и находилась в Смоленском соборе.

День 13 октября (по новому стилю 26-го) внесен в церковный календарь как праздник «Принесение чудотворной Иверской иконы Божией Матери с Афона в Москву».

Весной 1654 года началась русско-польская война. Перед русской армией стояла задача возвратить исконно русские земли – Смоленск, Киев, Белоруссию, которые были захвачены Польшей в годы Смуты и еще оставались под ее властью. В действующую армию, как сообщает летописец, «месяца мая в 15 день Государь Царь и Великий Князь Московский и Всея Руси Алексей Михайлович отпустил с Москвы в Вязьму чудотворную икону Пресвятая Богородицы Иверския».

В первый же год войны был освобожден Смоленск и белорусские области между Днепром и Припятью. Затем война приобрела затяжной характер, но в результате по миру, заключенному в 1665 году, Россия добилась удовлетворения всех своих территориальных требований. Чудотворная Иверская икона Божией Матери с воинами-победителями возвратилась в Москву.

Алексей Михайлович повелел сделать еще один список с нее и установить эту икону при городских вратах, так как именно такое место избрал себе подлинный Иверский образ, где каждый нуждающийся мог помолиться перед ним.

Городом тогда считалась Москва в границах Китай-города. (Следует отметить, что такое понимание сохранилось вплоть до начала XX века: купец, выезжающий из своего особняка где-нибудь на Остоженке в лабаз и контору на Ильинке, говорил, что едет «в город».) Главными же воротами Китайгородской стены считались Неглиненские ворота, ныне называемые Воскресенскими, через которые проходила главная дорога средневековой Москвы – Тверская.

Неглиненскими ворота назывались потому, что здесь, по внешней стороне Китайгородской стены протекала река Неглинная.

Сейчас Воскресенские ворота, лишившись крепостной стены справа и слева от них, вместо которой построены городские здания, воспринимаются как самостоятельное архитектурное сооружение декоративного характера, но они отнюдь не декоративная арка, а самая настоящая крепостная башня.

В XVII веке эти ворота представляли собой мощное фортификационное сооружение. Еще в конце XIX века Воскресенские ворота, как пишет современник, «обнаруживали свое первоначальное назначение... Ворота эти сделаны из крепостного тяжеловесного кирпича с железными связями и закрепами. В толстых стенах у обоих проездов еще остались железные пробойники от двойных ворот, а в арках – прорехи для опускных решеток, коими запирались эти проезды. Под зубцами воротных стен еще уцелели осадные стоки, через которые осажденные лили на неприятелей кипяток и растопленную смолу, серу и свинец. В двухъярусных палатах и в двух над ними осьмигранных башнях помещались прежде огнестрельные орудия, или так называемый огненный бой, и стояли пушкари и стрельцы в случае нападения врага и осады. Амбразуры, или пушечные и мушкетные бои, обращены потом в окна».

Воскресенские ворота. Монетный двор и Казанский собор. Середина XIX в.

Сейчас около ворот лежит горка старинных пушечных ядер, найденных при земляных работах на Красной площади.

В XVII веке Воскресенские ворота служили входом и въездом на Красную площадь. В отличие от других ворот они имели не одну, а две проездные арки, были украшены каменной резьбой и покрыты золоченой медью.

Через Неглинную к воротам был построен широкий и красивый каменный мост. (Его фрагменты можно видеть в подземном Археологическом музее, находящемся на Манежной площади против Воскресенских ворот.) Мост и площадь перед ним всегда были многолюдны, и лучшего места для Вратарницы нельзя было найти. А кроме того, именно здесь 13 октября 1648 года царь Алексей Михайлович, бояре, священство и народ встречали прибывшую с Афона Иверскую икону Божией Матери.

В 1669 году Иверская икона Божией Матери была установлена в деревянной часовне у Воскресенских ворот, со стороны Красной площади. С этого времени ворота стали называть также Иверскими. В 1680 году при царе Федоре Алексеевиче Неглинские ворота были отремонтированы и надстроены двумя шатровыми башнями. Над воротами разместили в киотах написанные «добрым письмом» иконы святого великомученика Георгия, святого Федора Стратилата, московских святителей Петра и Алексея. На башне также установили большую праздничную икону Воскресения Христова, и было предписано царским указом отныне называть ворота не Неглинскими, а Воскресенскими.

Для Иверской иконы Божией Матери построили новую часовню. Ее поставили на внешнюю сторону башни между проездами, где она находится и теперь.

В начале XVIII века деревянную часовню заменили каменной. В 1723 году в связи с указом Петра I о закрытии часовен Иверскую закрыли, после смерти царя ее открыли вновь. В 1782 году была построена новая часовня по проекту М. Ф. Казакова. В 1801 году ее украсили медными вызолоченными пилястрами и гирляндами, на ее крыше был установлен медный ангел с крестом.

Иверская икона Божией Матери обрела в духовной жизни москвичей огромное значение. Ее чудотворная сила изливалась на обращающихся к ней щедро и неиссякаемо. А главное, каждый молящийся перед ней верил, что Богородица услышит его и не пренебрежет его просьбой. В старой Москве с полным основанием считали, что нет в Первопрестольной человека, который хотя бы раз в своей жизни не обращался к Иверской в трудную минуту.

«Иверская, пожалуй, была самым почитаемым и доступным образом в Первопрестольной, – пишет современный православный историк в календаре “Москва православная”. – Она составляла предмет благоговейного почитания не только Москвы, но и всей России. Чудотворный образ почитали и старообрядцы, и христиане неправославных исповеданий. С раннего утра и до глубокого вечера двери часовни были открыты для паломников, здесь всегда толпился народ.

В самые ответственные для Российского государства времена, в дни войн и народных бедствий, перед Иверской совершались всенародные молебны, собиравшие десятки тысяч москвичей. Молебны в этой святом месте являлись обязательной частью церемониала посещения Москвы русскими царями. Каждый раз, вступая в город или покидая его, они прикладывались в Иверской часовне к Животворящему кресту и преклоняли колени пред чудотворною иконою». В XIX веке было популярно стихотворение поэта пушкинской поры Е.Л. Милькеева «Молитва Иверской»:

Источник отрады священной и чистой,
О жаркие слезы! Без звука, без слов,
Я лил их пред образом Девы Пречистой,
Пред образом древним, что столько веков
Чудесно стоит у заветной твердыни,
И в светлых лампадах не гаснет елей,
И с верой, с молитвами, дивной святыни
Устами касаются роды людей.
И в радости сердца, в мечте непонятной,
Я долго пред образом древним стоял,
И рдел милосердием Лик Благодатной,
И трепетным людям покров обещал.
И внутренним голосом нес я моления:
О дай, Непорочная, жизни святой,
Дай чистых желаний, дай слез и терпенья,
И дум исступленных мятеж успокой!

Известный филолог профессор Б.В. Варнеке описывает знакомую ему с детства картину, которую он наблюдал возле Иверской.

«Кроме бульваров ночью царило оживление лишь около Иверской часовни на Красной площади. Благочестивые москвичи, а особенно москвички, любили ожидать, когда рано утром откроют часовню и монахи начнут служить первый молебен прежде, чем громадный дормез, запряженный восьмеркой, начнет возить икону по домам. Привозили обратно икону в часовню часа в два ночи, и точно так же множество москвичей ждали ее возвращения, чтобы помочь монахам вынести икону из кареты. В ожидании этой минуты толпы собирались возле часовни часов с одиннадцати. Богомольцы сидели на ступеньках, на тумбочках мостовой. Здесь были старушки в затрапезных кофтах, чиновники в старомодных выцветших шинелях, девицы в скромных платочках, толстые купцы в длиннополых чуйках. В ожидании иконы велись разговоры. Каждый рассказывал про ту беду, которая привела его к Всепетой. Старушки жаловались чаще на запой мужей, непослушание сыновей или являлись, чтобы Владычица помогла найти пропавшую курицу. Девиц чаще всего приводила измена коварного жениха, который предпочел большое приданое верному и преданному сердцу. Чиновников волновали несправедливости начальства, а купцов заминки в торговых делах. Вся эта пестрая толпа собиралась со всех концов Москвы, ожидая милостивого чуда и скорой помощи».

Еще с XVII века в Москве существовал обычай «приглашать» чудотворную икону Иверской Божией Матери из часовни в дома жителей в чрезвычайных случаях «...для молитвословия или во исполнение обета, или по причине болезни, или для испрошения какой-нибудь милости, или в благодарность Матери Божией за Ее благодеяния». «Приглашения» были довольно часты, и описания их имеются во многих мемуарах. Когда чудотворная икона

уезжала по «приглашению», часовня не оставалась пустой: на ее место ставили копию, как ее называли, «заместительницу».

То, как происходило и совершалось «приглашение» Иверской, красочно и подробно (потому что здесь была важна и значительна каждая деталь) описывает в автобиографической повести «Лето Господне» замечательный московский бытописатель И.С. Шмелев.

Готовиться к приезду иконы в их дом в Замоскворечье, рассказывает Шмелев, начинали накануне.

«— Двор прибрать, — распоряжается отец, — безобразия чтобы не было. Прошлый год понесли Владычицу мимо помойки. — Она, Матушка, понятно, не обидится, — соглашается работник, — а нехорошо. Помойку решают обшить тесом, досками прикрыть лужу...

И вот наступает день и время, когда въезжает на двор карета с иконой, народ поет: «Пресвятая Богородице, спаси нас...».

Отец и Василь Василич, часто крестясь, берут на себя тяжелый кивот с Владычицей. Скользят в золотые скобы полотенца, подхватывают с другого края, — и, плавно колышась, грядет Царица Небесная надо всем народом. Валятся, как трава, и Она тихо идет над всеми. И надо мной проходит, — я замираю в трепете. Глухо стучат по доскам над лужей, — и вот уже Она восходит по ступеням, и лик Ее обращен к народу, и вся Она блистает, розово озаренная ранним весенним солнцем.

— Спаа-си от бед... рабы твоя, Богородице...

Вся Она — свет, и все изменилось с Нею, и стало храмом. Темное — головы и спины, множество рук молящих, весь забитый народом двор... Она, Благодатная, милостиво на все взирает...

Пылают пуки свечей, густо клубится ладан, звенят кадила, дрожит синеватый воздух, и чудится мне в блистанье, что она начинает возноситься. Брызгает серебро на все: кропят и березы, и сараи, и солнце в небе, и кур с петухом на штабеле... а она все возносится, вся — в сиянье.

— Берись... — слышен шепот Василь Василича.

Она наклоняется к народу... Она идет. Валятся под Нее травой, и тихо обходит Она весь двор, все его закоулки и уголки, все переходы и навесы, лесные склады... Под ногами хрустит щепой, тонкие стружки путаются в ногах и волокутся. Идет к конюшням... Старый Антипушка, похожий на святого, падает перед Нею в дверях. За решетками денников постукивают копыта, смотрят из темноты пугливо лошади, поблескивая глазом. Ее продвигают краем, она вошла. Ей поклонились лошади, и Она освятила их. Она же над всем Царица, Она — Небесная.

— Коровку-то покропите... посуньте Заступницу-то к коровке! — просит, прижав к подбородку руки, старая Марьюшка-кухарка.

— Надо уважить, для молочка... — говорит Андрон-плотник. Вдвигают кивот до половины, держат. Корова склонила голову. Несут по рабочим спальням. Для легкого воздуха накурено можжухой... Вносят и в наши комнаты, выносят во двор и снова возносят на помостки. Приходят с улицы — приложиться.

Поют народом — Пресвятая. Богородице, спаси нас!»

Но «приглашение» Иверской было особым случаем. Обычно люди сами приходили к ней.

Самыми достоверными свидетельствами времени являются детали и черточки, описанные в художественных произведениях. В рассказе И.А. Бунина «Чистый понедельник» рассказывается, по сути дела, о том же, о чем написано в «Москве православной», в воспоминаниях Шмелева и профессора Варнеке. Писатель дает возможность не только увидеть часовню, молящихся, но и почувствовать атмосферу этого заветного московского уголка.

Герой бунинского рассказа только что услышал от любимой женщины, что она оставляет его. Богатый, молодой, удачливый, кутила, прожигатель жизни, нерелигиозный человек, он выходит от нее на улицу утренней, светлеющей бледным светом Москвы, и его влечет туда, куда в его состоянии пошло бы большинство москвичей.

«Шел пешком по молодому липкому снегу, – метели уже не было, все было спокойно и уже далеко видно вдоль улиц, пахло и снегом и из пекарен. Дошел до Иверской, внутренность которой горячо пылала и сияла целыми кострами свечей, стал в толпе старух и нищих на растоптанный снег на колени, снял шапку... Кто-то потрогал меня за плечо – я посмотрел: какая-то несчастнейшая старушонка глядела на меня, морщась от жалостных слез: – Ох, не убивайся, не убивайся так! Грех, грех!»

Символом и поэзией народного православия Иверская была и для русской интеллигенции начала XX века.

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем...
А вон за тою дверцей,
Куда народ валит —
Там Иверское сердце,
Червонное, горит.
И льется аллилуйя
На смуглые поля.
Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

Эти строки были написаны Мариной Цветаевой в 1916 году.

Религиозные и духовные переживания русской интеллигенции начала XX века воплощались в художественных произведениях. К числу таких произведений относится картина «У Иверской» (1916) замечательного живописца футуристического толка Аристарха Лентулова, которая стала одним из лучших произведений в его творчестве. Несмотря на формалистические элементы, разложение формы, смещение планов, характерные для «бубновалетца» Лентулова, его картина создает яркий и прекрасный образ московской святыни и передает зрителю ту душевную радость, которую она излучает.

В феврале-ноябре 1917 года Иверская часовня оказалась в самой гуще революционных событий. Воскресенские ворота вплотную примыкали к стене здания Московской Городской думы, которая после Февральской революции стала центром организации новой революционной власти в Москве. У здания Думы шел непрерывный митинг.

«27 февраля... Воскресенская площадь бурлила толпами народа, – рассказывает в своих воспоминаниях А.Ф. Родин, который все это время находился в Думе и был очевидцем происходящего день за днем. – 28 февраля улицы были неузнаваемы. Они были запружены толпами, которые шли к центру с пением «Марсельезы», с оркестрами, с плакатами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день!», «Долой войну!»... Здание Городской Думы окружено тысячами демонстрантов. Появляются первые группы солдат, покинувших казармы. Обезоруживаются полиция и жандармы. 2-го марта на Воскресенской площади – с развернутыми знаменами, под звуки военной музыки дефилируют все полки московского гарнизона».

Митинги и демонстрации на Воскресенской площади продолжались все лето.

2 ноября 1917 года, в заключительный день наступления большевиков на Кремль, пулемет юнкеров, установленный на Воскресенских воротах, пытался остановить отряд красных латышей, но был подавлен. Иверская часовня в революционные дни не закрывалась. Описывая последствия октябрьских боев в Москве и перечисляя пострадавшие здания, газета «Московский листок» писала в те дни об Иверской часовне: «Иверская часовня пострадала мало. Замечательно, что, как и в 1905 году, пули попали в икону Казанской Божьей Матери. Но, как и тогда, пули прострелили лишь стекло рамы, не причинив никакого вреда самой иконе. Две пули попали также в небольшую икону, находящуюся с правой стороны иконы Казанской Божьей Матери. Внутренность Иверской часовни несколько не пострадала».

Заняв Кремль под жилье, коммунистическое руководство первым делом запретило свободный доступ в него. Были наглухо закрыты все кремлевские ворота, кроме Троицких, у которых заняли караул латышские стрелки. На кремлевских стенах между зубцами замаячили фигуры с винтовками.

Прежде Кремль с его общенародными святынями никогда не запирался, в него можно было войти в любое время суток. Лишь дважды за всю свою историю он был недоступен для народа: в Смуту XVII века, когда в Кремле засел Лжедмитрий, и в 1812 году при французах.

Поэтому Иверская часовня, в центре города, под стенами темного запертого Кремля, с ее всегда открытыми дверями, с горящими свечами, с ее богомольцами, шедшими к ней бесконечным и неиссякаемым ручейком, воспринималась одними как упрек и вызов, другими – как ободрение и надежда. Комендант Кремля матрос Павел Мальков, например, в своих воспоминаниях о Москве 1918 года неприяженно упоминает Иверскую часовню: «Возле Иверской постоянно толпились нищие, спекулянты, жулики, стоял неумолчный гул голосов, в воздухе висела густая брань...»

К 1 мая 1918 года Воскресенская площадь была переименована в площадь Революции, на стене Городской думы, выходящей на Воскресенский проезд, были водружены красная пятиконечная звезда и доска с цитатой из К. Маркса «Религия есть опиум для народа»; по другую сторону от Иверской часовни, на Историческом музее, поместили деревянную резную мемориальную доску с рельефами звезды, серпа и молота и с изречением Ф. Энгельса «Уважение к древности есть, несомненно, один из признаков истинного просвещения».

В ночь на 28 апреля 1918 года Иверская часовня была ограблена, грабители пытались сорвать драгоценный оклад с чудотворной иконы, но им это не удалось. Преступников милиция не нашла.

В 1919 году в связи с закрытием Николо-Перервинского монастыря, к которому была приписана Иверская часовня, монахов, обслуживающих ее и живших в доме бывшего Губернского правления, выселили, и часовня осталась бесхозной. Образовавшаяся Община верующих при часовне заключила договор с Моссоветом и получила право использовать ее «для удовлетворения религиозных нужд».

В 1922 году Комиссия по изъятию церковных ценностей изъяла из часовни все более или менее ценные богослужебные предметы. В том же году Воскресенский проезд был переименован в Исторический в ознаменование, как объясняли, 50-летия основания Исторического музея.

Несмотря на агитацию атеистов, почитание Иверской в Москве оставалось по-прежнему широко распространенным. Власти препятствовали вывозу иконы в другие храмы и на частные квартиры. Однако в начале 1920-х годов ее все же носили по городу. Писательница Л.А. Авилова, жившая в одном из арбатских переулков, оказалась свидетельницей выноса иконы в город и описала его в своем дневнике:

«10(23) июля 1921 года.

Принесли Иверскую. Во дворе был расстелен ковер и поставлен столик с чашей и свечами. Ждали Матушку с минуты на минуту с 10 часов вечера... Икона уже была в церкви

Власия, и ее уже носили по соседним дворам, и то и дело раздавался крик: «Иверскую несут!»... В десять минут второго (ночи) позвонила Анюта и крикнула мне, что молебен во дворе уже начался... На дворе стояла большая толпа народа, были зажжены свечи, но темную икону все-таки было плохо видно. Лица различить было невозможно. И тем торжественнее и таинственнее было это моление под открытым небом с едва мерцающим светом тоненьких восковых свечей. Сколько вздохов, почти стонов, невнятных шепотов!.. «Матушка! Помоги! Ведь мы погибаем, мы погибаем!» Очень быстро отслужили, икону понесли. Я вышла проводить за ворота и долго слышала тяжелые шаги в темноте. В окнах уже не было ни одного огня. А икону, говорили, будут носить всю ночь...»

Не пустовала и часовня. До революции в ней находилась рукописная книга, в которую желающие вписывали рассказы об исполнившихся по их молитвам Иверской просьбах. Когда книга заполнялась, ее заменяли новой, но, замечает современник, «сколько их (то есть исполненных просьб. – В.М.) осталось сокровенными!» После революции подобной книги в часовне не держали. Но рассказы об исполнении молитвенных просьб иногда встречаются в воспоминаниях, давая возможность предполагать, что в действительности таких случаев было немало. Были исцеления от смертельной болезни, поддержка впавших в отчаяние, спасение от самоубийства и помощь в житейских, бытовых делах. Об одном таком случае рассказывается в воспоминаниях Михаила Макарова. Случай этот произошел в 1926 году, воспоминания опубликованы в 1996-м.

«Я был безработным в 1926 году, когда в полном расцвете был нэп, – пишет Макаров. – Раз в месяц я ходил отмечаться на бирже труда, но каждое такое посещение биржи лишь отягощало мое состояние: на горизонте не было никакой надежды на скорое получение работы... Положение мое становилось просто кошмарным.

Было начало сентября. В подавленном состоянии я сидел однажды дома. Во входную дверь постучали. Я отворил. Передо мной стояла прямая, бодрая старуха. На голове платок, повязанный по-монашески...

Старуха вошла в кухню, положила три поклона с крестным знамением перед иконой, поклонилась мне и сказала:

– Дай мне, молодец, испить воды.

Я почерпнул ковшом воды в кадке и подал старухе. Она опять перекрестилась и, сделав три больших глотка, возвратила мне ковш.

– Что, молодец, тяжело на сердце-то?

Я смутился, не зная, что ответить.

– Плохо без работы, – продолжала старуха, – а ты не отчаивайся, пойдешь к Иверской, поставь за пятачок свечку перед иконой Богоматери и помолись усердно со слезами. Пес я буду, если Божия Матерь тебе не поможет. Даст Она тебе работу.

С этими словами старуха перекрестилась на икону и, сказав:

– Спаси ты Христос за корец воды, – вышла.

Я был ошеломлен и не знал, что делать, но машинально бросился за ней и спросил:

– Как ваше имя?

– Страница Пелагеюшка, – ответила она, ускоряя шаги и удаляясь.

На другой день я пошел к Иверской... Я сделал все, как сказала мне Пелагеюшка. И вот, поверьте мне, старику, выходя из часовни, я почувствовал, что камень упал с моего сердца. Я почувствовал легкость и уверенность в будущем.

Через несколько дней я получил повестку, вызывающую меня на биржу труда...»

Макарову дали бесплатную путевку в дом отдыха, а затем он получил работу по специальности.

«Первый день моей работы, – продолжает Макаров, – пришлось на 1 (14) октября – день Покрова Божией Матери. Я расценил это как знак явной помощи Царицы Небесной и

мысленно поблагодарил странницу Пелагеюшку за ее добрый совет... Я установил себе за правило: когда бываю у Иверской, каждый раз благодарить Богоматерь за эту помощь и в память об этом ставить перед Ее иконой свечу...».

В 1924 году административный отдел Моссовета обсуждал вопрос о сносе часовни и предлагал «...ликвидировать ее под видом ремонта Воскресенских ворот, так как в противном случае это вызвало бы массу толков и нежелательное брожение среди верующих». Но тогда на снос не решились, и ликвидация Иверской была отложена до более удобного времени.

В 1928 году в Совнаркоме вновь обсуждается вопрос сноса Воскресенских ворот и Иверской часовни «...в связи с предполагаемым переустройством Красной площади» (предложение Емельяна Ярославского, члена ЦК, руководителя атеистической пропаганды). Моссовет добавил еще одну причину для сноса часовни – «сильно стесняет уличное движение», и заверил, что часовня «при условии уборки предметов культа может быть разобрана МКХ за одну ночь». В 1929 году часовню закрыли и снесли действительно за одну ночь – с 28 на 29 июля 1929 года.

Главная чудотворная Иверская икона Божией Матери была перенесена в Воскресенский храм в Сокольниках, где она находится и поныне в левом клиросе северного придела. П. Паламарчук говорил, что московские старожилы неоднократно подтверждали, что в Сокольниках находится именно эта икона.

Икона-«заместительница» находится в церкви Николы в Кузнецях на Новокузнецкой улице.

В июле 1931 года снесли и Воскресенские ворота Китай-города, как было заявлено, из-за того, что они мешали проходу на Красную площадь колонн демонстрантов в дни революционных праздников. Ученые, архитекторы, деятели культуры возражали против сноса, убеждая, что уничтожение ценного памятника архитектуры – Воскресенских ворот – нанесет урон эстетическому восприятию ансамбля древней Красной площади. На что «руководитель московских большевиков» Л.М. Каганович ответил: «А моя эстетика требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно вливались на Красную площадь».

После сноса Иверской часовни и Воскресенских ворот люди еще много лет приходили к месту снесенной часовни и молча молились...

Любопытное совпадение: спустя полвека та же цель – создать благоприятные условия для проведения парадов на Красной площади – послужила причиной восстановления Воскресенских ворот и Иверской часовни.

Началось с того, что 20 июля 1988 года Моссовет выдал «Мосинжстрою» и «Мосводоканалстрою» ордер № 2675 на работы по реконструкции подземных коммуникаций и дорожного покрытия в Историческом проезде. Ремонт предпринимался в связи с приближавшейся 71-й годовщиной Октябрьской революции, празднование которой предусматривало военный парад и демонстрацию по этому случаю на Красной площади, что требовало усилить дорожное покрытие.

Естественно, работы на Красной площади, производимые мощной техникой, незамеченными остаться не могли. Тем более что археологи Московской археологической экспедиции в это самое время вели раскопки поблизости, на территории Монетного двора. Услышав грохот работ, они вышли в проезд, когда дорожники успели снять только поверхностный слой, под которым открылась кладка фундамента Воскресенских ворот из большемерного кирпича. Молодые ребята-археологи прыгали под ковш экскаватора в раскоп, чтобы остановить разрушение фундамента.

Строители продолжали работы, тесня археологов, однако становилось ясно, что раскоп необычайно богат и требуется расширение археологических исследований. В раскопках

участвовала вся археологическая экспедиция – 50 человек, приостановив работу в других местах, пришли добровольцы – школьники, студенты, командующий войсками Московского военного округа прислал на раскопки солдат.

Находки превзошли все ожидания: срубы XIII века, керамика, украшения, строительные материалы XIV–XVII веков. 27 августа в срубе XV века была найдена берестяная грамота – первая найденная в Москве. Эта находка стала крупнейшим историческим открытием и заставила изменить традиционное представление о состоянии грамотности и образования в древней Москве.

Выполняя приказ, строители завершили работы к празднику Октябрьской революции, «усилили дорожное покрытие» и засыпали котлован, не дав археологам закончить исследования.

Но изменились времена, уже был восстановлен Казанский собор, и это усилило позиции общественности в ее движении за восстановление Воскресенских ворот и Иверской часовни, в конце концов, и московские власти также высказались за восстановление этих памятников.

В ноябре 1994 года Святейший Патриарх Алексей II освятил закладку Иверской часовни и Воскресенских ворот. Воскресенские ворота восстанавливались в том виде, какой они приобрели в конце XVII века, а Иверская часовня – в облике конца XVIII века, когда она была перестроена по проекту М.Ф. Казакова. Работами, как и при восстановлении Казанского собора, руководил архитектор-реставратор О. И. Журин.

26 октября 1995 года в день праздника Иверской иконы Божией Матери часовня была торжественно освящена Патриархом Всея Руси Алексием II. В часовне был установлен новый образ Иверской иконы Божией Матери, скопированной по просьбе Патриарха Всея Руси с подлинника, находящегося в Иверском монастыре на Афоне, специально для восстанавливаемой часовни. В Москву образ, как и прежний, был доставлен делегацией иноков Афонского Иверского монастыря.

В восстановленной ныне Иверской часовне, как и прежде, через открытые двери, особенно в утренних и вечерних сумерках, видно, как пылают свечи и сияет прекрасный образ Божией Матери с Младенцем. И идут к часовне богомольцы и любопытствующие, идет народ...

Там Иверское сердце,
Червонное, горит.

Московский герб – святой Георгий

Древний символ Москвы

Главный символ герба Москвы – Георгий Победоносец.

Традиционный образ святого Георгия – юный воин с обнаженной головой на белом коне в светлых легких латах, в светло-зеленом или красном развевающемся плаще, поражающий копьем черного дракона – известен на Руси по древним иконам. Ясен символический смысл этого образа – борьба и победа светлой силы добра над черной силой зла, понятно и то, почему именно Георгий Победоносец стал гербом Москвы, города, которому много раз приходилось отстаивать в битвах свою свободу и независимость от нашествия врагов и который в своей правой борьбе всегда крепко верил в Божью помощь.

Московский герб в его канонической европейской форме был создан в начале XVIII века по указу Петра I. Но изображение Георгия Победоносца как символ московского князя и Московского княжества существовало задолго до эпохи Петра I, с XVI века. Еще раньше – с первых веков принятия Русью христианства – святой Георгий вошел в число известнейших святых покровителей ее, и народная молва, создав о нем множество легенд, сделала его поистине народным русским святым.

Таким образом, в гербе Москвы соединились государственная история России и народное понимание и истолкование образа святого Георгия как справедливого защитника и помощника русскому человеку в его заботах и трудах, а также в военных и иных жизненных бедах, столь щедро сыпавшихся в прошлые века и сыплющиеся на него в настоящие времена.

Житие и подвиги святого Георгия

Святой великомученик Георгий, рассказывается в его житии, родился во второй половине III века в Каппадокии, малоазийской провинции Римской империи (ныне территория Турции) в знатном семействе, был воином и имел высокий чин военного трибуна. Приняв христианскую веру, он раздал свое имущество бедным и пошел проповедовать учение Христа. В 303 году римский император Диоклетиан (284–305), желая искоренить христианство, начал жестокие гонения на христиан.

Той областью, в которой жил Георгий, правил царь Дидиан. Исполняя повеление императора, он призвал к себе Георгия и повелел ему отречься от Христа и поклониться языческим идолам.

Целый день царь Дидиан убеждал Георгия в превосходстве языческих богов, но тот опровергал его доводы и воздавал хвалу Богу истинному.

На другой день царь Дидиан, видя тщетность своих убеждений, повелел подвергнуть Георгия жестоким истязаниям: его били, кололи ножами, жгли огнем. Георгий терпел муки восемь дней, отказываясь поклониться идолам. На девятый день палач отрубил ему голову, и когда это случилось, небо покрылось тучами, засверкали молнии, и сотряслась земля.

Таково краткое содержание древнейшего жития святого великомученика Георгия. Но кроме житийного рассказа о мучениях, которые претерпел юноша-воин, среди верующих возникли и распространились устные рассказы о чудесах, явленных святым, как при жизни, так и после кончины. Рассказывали, что в мучениях Бог не оставлял его: палачи начинали пилить его пилой, но зубья пилы становились такими тупыми, что не причиняли никакого вреда; его бросали в котел с кипящим маслом, но огонь под котлом гас, и масло в тот же миг

остывало. Подвергаемый мучениям Георгий думал о тех христианах, которые будут так же мучимы безбожниками, молил Бога, чтобы он помог им претерпеть мучения, как помогает ему: «Господи великий небес и земли, услышь мою молитву, сделай так, чтобы кто, находясь в страхе или в беде, или в напасти, призовет Тебя именем раба твоего Георгия, да спасен будет».

Из чудес, совершенных Георгием, особенно известным стало, как оно называется в русской традиции, «Чудо Георгия о Змии и девице».

В этом сюжете рассказывается о том, как Георгий спас город от чудовищного Змия.

Возле одного языческого города поселился в пещере страшный Змий, похищавший и губивший его жителей и творивший иную «пакость». Чтобы умиловить его, жители приносили ему в жертву своих детей. Подошел черед царской дочери, ее одели в багряницу и проводили к змеиной пещере. Ожидая неминуемой кончины, она в страхе «била себя в перси, власы терзаще». В это время мимо проезжал на коне святой Георгий. Он увидел рыдающую девицу, расспросил, что за горе у нее, и затем вступил в бой со Змием и укротил его.

Георгий велел царской дочери обвязать шею чудовища своим поясом и вести его в город. В городе Георгий на глазах у всех отрубил Змию голову, дабы все видели, что их злодей уничтожен. Спасенные горожане возрадовались и, оставив свою языческую веру, крестились во Христа.

Житие святого Георгия было написано много лет спустя после его гибели, к этому времени сохранились лишь самые общие сведения о нем: о его высоком происхождении, о том, что он был воин, о его мученической смерти, да еще предание утверждало, что он был молод и прекрасен собой. Легенды дополняли житие и создавали яркий пленительный образ.

Церковь пыталась бороться с легендарными вставками в житие Георгия. В конце V века папа Геласий I объявил еретическим сочинение «Страсти Георгия», в IX веке патриарх константинопольский Никифор подтвердил запрет Геласия. Но житие Георгия, дополненное легендарными чудесами, получило распространение во всех христианских странах Востока и Европы. Георгий стал одним из самых почитаемых святых.

В средневековой Европе образ Георгия Победоносца воспринимался прежде всего как образ воина и рыцаря в европейской рыцарской традиции, он становится героем рыцарских баллад и романов. Герой рыцарского романа испанского писателя Сервантеса Дон Кихот говорит о нем: «Это был один из лучших странствующих рыцарей, какого имело небесное воинство».

По-иному воспринимался образ святого Георгия на Руси.

Святой Георгий на Руси

На Руси о святом Георгии узнали еще до принятия ею христианства, знали, что у христиан он считался покровителем воинов и князей, и поэтому в 988 году сын великого князя Владимира Ярослав при крещении получил христианское имя Георгий.

Греческое имя Георгий, что в переводе значит «Земледелец», образовано от имени древнегреческой богини Земли Геи. В различных языках в соответствии с их фонетическими законами имя Георгий приобретало в произношении свою форму: у немцев – Йорген, у французов – Жорж, у испанцев – Хорхе. На Руси наряду с формой «Георгий» употребляются другие варианты имен: Егорий, Егор, Юрий, а также Гюрги.

Сын князя Владимира Ярослав-Георгий, вошедший в историю с именем Ярослав Мудрый, почитал своего небесного покровителя, его именем он назвал основанный им в 1030 году город Юрьев, в честь святого основал в 1036 году в Киеве Георгиевский монастырь и церковь. Церковь была освящена 26 ноября, и с тех пор в православном календаре день освящения этой церкви считается праздничным, и в православном месяцеслове имеет название:

«Освящение Храма Святого великомученика Георгия, иже в Киеве у Златых врат Святой Софии». Князь Юрий Долгорукий также в честь своего святого покровителя назвал основанный им город Юрьев-Польской на Владимирщине и построил несколько церквей.

В XIV веке, в княжение Дмитрия Донского, почитание святого Георгия было столь распространено на Руси, что в летописном сказании о Куликовской битве он назван среди сражавшихся на стороне русского войска. «Видеша верние (то есть достойные доверия), – рассказывает летопись, – яко в 9 час биющиеся ангели, помогающе христианом, и святых мученик полкы, и воина Христова Георгие, и славного Дмитрия, и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба, в них же бе воевода свершенного полка небесных сил Архистратиг Михаил...».

Дмитрий Донской, возвращаясь с Куликовской битвы, в знак благодарности за победу заложил в великокняжеском селе Коломенском церковь во имя святого Георгия. На монете, отчеканенной при Дмитрии Донском, был изображен святой всадник с нимбом вокруг головы.

В XV веке святой Георгий Победоносец, поражающий Змия, был изображен на государственной печати царя и великого князя Ивана III. При нем же над воротами Спасской – главной башни Кремля была установлена скульптура святого Георгия, «резана на камени».

Георгий почитался на Руси не только в княжеской и воинской среде. В народе его почитали и как воина, и как покровителя земледельцев, чему, конечно, способствовало его имя: любой сельский батюшка мог объяснить своим прихожанам, что обозначает имя Георгий в переводе на русский язык. К тому же получилось так, что праздники в его честь приходились на весну (23 апреля (6 мая) – Егорий весенний) и на осень (26 ноября (9 декабря) – Егорий осенний), между этими двумя праздниками проходил цикл сельскохозяйственных работ и забот с их начала до завершения.

Осмыслив это, русский крестьянин сделал вывод, что Егорий должен покровительствовать тому, что касается крестьянского хозяйства – земледелия, скотоводства, пашни, урожая и всего остального. Так возникли многие крестьянские поверья и обычаи, связанные с Егорием.

По исследованиям специалистов, жития святого Георгия, включающие в себя рассказы о чудесах, в том числе и «Чудо Георгия о Змии и девице», стали известны на Руси с XI–XII веков, к этому же времени относится и начало почитания его в народе.

На русской почве, так же как и в Европе, возникали свои варианты легенд о святом Георгии.

В русском фольклоре существует особый жанр, известный как духовные стихи – повествовательные песни на религиозные темы. Эти стихи поются и сказываются на манер былин. Сюжеты духовных стихов разнообразны: тут и библейские истории, и евангельские эпизоды, и рассказы про святых: Марию Египетскую, Алексея – Божьего человека и другие. Сочиняли и исполняли духовные стихи нищие слепцы, ходящие по миру и живущие подаянием во имя Божие, так называемые калики перехожие. Творцы духовных стихов опирались на богатый русский фольклор, в первую очередь былинный и песенный, и средневековую русскую книжность, создавая яркие, оригинальные произведения.

Духовные стихи пользовались большой любовью у слушателей. А.Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» описывает сцену исполнения слепцом духовного стиха, которую он наблюдал в подмосковном Клину.

«Поющий сию народную песню, называемую “Алексеем божииим человеком», был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженный толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримого, заставляли взиравших на певца предстоять ему с благоговением. Неискусный хотя его напев, но нежностью изречения сопровождаемый, проникал в сердца его слушателей, лучше при-

роде внимающих, нежели взращенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда клинский певец, дошед до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежесекундно гласом изрекал свое повествование... Жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее, улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкший, вид воспринял важности. О! природа, – возопил я паки... Сколь сладко неязвительное чувство скорби! Колико сердце оно обновляет и оно чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертера...».

Широкое распространение в России духовных стихов отмечал и столетие спустя, во второй половине XIX века, П.И. Якушкин, писатель и этнограф, которому принадлежат лучшие записи стихов о Егории. В очерке «Мужицкий год», в той его части, где речь идет о праздниках, он пишет: «Престольный праздник у мужиков празднуется по возможности хорошо; на этот праздник по-праздничному собираются все родные и приятели. Всяк сходит в церковь к обедне, а время нет, то зайдет в церковь. Богу свечку поставит и выйдет из церкви, набожно перекрестясь, а у церкви старцы с чашечкой в руке, и поют стихи про Лазаря, Егория, Федора Тирона, да этих стихов много...»

Духовные стихи про святого Георгия Победоносца, которого в них обычно именуют «Егорий-свет Храбрый», принадлежали к числу наиболее распространенных. Основную часть стихов о Егории составляют стихи на два сюжета: первый – о его мучениях за веру и второй – о битве со Змием и спасении царевны. Сюжеты разрабатывались каждым певцом-исполнителем по-своему. Фольклористами записано много вариантов духовных стихов на эти сюжеты, они отличаются один от другого композицией и деталями. Авторы русских духовных стихов обычно переносят действие своего повествования в места им известные – на Русь – и дают имена действующим лицам соответственные, сохраняя неизменным лишь имя главного героя – Егория. Такая вольность русских сказителей коренится в особенности русского национального сознания. Русский человек верит, что почитаемые им святые, пребывающие на небесах, посещают и Русь, оттого она и называется Святой. Благодаря этому убеждению возникли многочисленные народные рассказы о Николае Угоднике, являющемся в виде доброго старика и помогающем людям в разных житейских делах.

Это же убеждение пронизывает знаменитое стихотворение Федора Ивановича Тютчева, в котором он говорит о посещении России Иисусом Христом – Царем Небесным:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взгляд иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

В Москве, в Коломенском, в овраге, называемым «Голосов овраг», лежит груда древних валунов и поодаль от них еще один камень, в очертаниях которого угадывается лошадиная голова. Вокруг, по оврагу, бьют родники. С этим местом связано старинное предание, которое знают и сейчас.

По этому преданию, именно здесь Георгий Победоносец сражался со Змием и спас девицу. Но в этом сражении он потерял коня, которому Змий своим рогом распорол брюхо. С тех времен и остался здесь след: груда камней – выпавшие внутренности коня, а камень с лошадиной головой – сам конь.

Духовные стихи про Егория довольно обширны по объему, поэтому приходится ограничиться пересказом с цитатами, взятыми из различных вариантов. «Стих про Егорьевы мучения» во всех вариантах начинается рассказом о рождении и происхождении Егория:

В шестом году в осьмой тысяче
Да при том царе, да при Федоре
Да при той царице благоверныя —
Да при той Софии Премудрыя,
Спородила она да три дочери,
Да три дочери, да три любимые,
Четвертого сына – свет Егория,
Свет Егория, свет Храброго:
По колени у него ноги в золоте,
По локоть руки в чистом серебре,
Волоса на нем, что ковыль-трава,
Во лбу солнце, во тылу месяц,
По косицам звезды перехожие.

Дата рождения Егория, указанная в стихе, фантастична. Автор, зная, что разница между летосчислением от Сотворения мира и Рождества Христова составляет несколько тысяч лет, ограничивается весьма приблизительной цифрой. При переводе на современное летосчисление это будет 2498 год.

В некоторых вариантах царь Федор назван «благоверным князем Федором», княжившим в Чернигове, чем уточняется факт рождения Егория на Руси.

На владения царя Федора нагрянул «неверный царь», «царь-басурманище» – Демьянище (в других вариантах – Кудревян Кудреянище и даже Диаклитианище), он князей-бояр всех повырубил, царю Федору голову срубил, детей его в полон взял, Божьи церкви все на дым пустил, святые образы под копыта коней побросал. Княжон-царевен неверный царь послал стадо пасти, а Егория велел привести к себе и стал уговаривать отречься от веры христианской и поверовать в его, цареву, «латынскую басурманскую» и поклониться его идолам. На что млад отрок Егорий отвечал:

– Злодей царище Демьянище,
Безбожный пес бусурманище!
Я умру за веру христианскую!
Не буду веровать латынскую,
Латынскую бусурманскую,
Не буду молиться богам твоим кумирским,
Не поклонюся твоим идолам!

Тогда царь повелел Егория-света «мучить всякими муками различными». Стали Егория топорами сечь – топоры крошатся, а на Егории ни единой раны. Стали пилой пилить – у пилы зубья полопались. Привязали ему на шею камень, бросили в реку, а он не тонет, против течения гоголем плывет. Его ввергли в котел с кипящей смолой – он не варится, поверх смолы стоит и поет стихи херувимские, а под котлом огонь погас, выросла трава-мурава, расцвели цветочки лазоревы.

Тогда повелел царище Демьянище копать яму глубиной в сорок сажен, посадили туда Егория, накрыли яму досками железными, прибили гвоздями лужеными, заперли замками немецкими, засыпали песками рудо-желтыми. Царище-бусурманище песок притаптывал, а сам приговаривал:

– Не ходить Егорью по белу свету,
Не видать солнца красного, месяца ясного,
Не бывать на Святой Руси,
Не слышать звона колокольного, пенья церковного!

Тут бы уж Егорию концу быть, но явилась ему Мать Пресвятая Богородица и говорит:

– Ой ты еси, светлый Егорий, свет Храбрый!
Ты за это ли претерпение
Ты наследуешь себе Царство Небесное!

Сказала Пресвятая – и поднялись ветры буйные, разнесли пески рудо-желтые, поломали гвозди луженые, разметали доски железные, и вышел Егорий на белый свет.

Пошел Егорий по Святой Руси, пришел в родной город, а город разрушен, сожжен и пуст, нет в нем ни старого, ни малого, только церковь стоит соборная, богомольная. Зашел он в церковь, там молитву творит его матушка родимая – святая София Премудрая. Попросил Егорий у матушки благословения на святое дело. «Поеду я, – сказал он, – по всей земле светло-русской, басурманскую веру побеждаючи, святую веру утверждаючи, царицу Демьянищу за кровь и слезы христианские оплачиваючи». Отвечала матушка:

– Ты поди, чадо милое!
Ты поди далече, во чисто поле,
Ты возьми коня богатырского
Со сбруею богатырскою,
Со вострым копьем со булатным,
И со книгою со Евангельем.

Поехал Егорий на коне богатырском с копьем и Святою Книгою по земле светло-русской к тому городу, где в палатах белокаменных жил царище Демьянище. (В некоторых вариантах говорится, что Демьянище пребывал в столице Руси – в Киеве.)

На своем пути Егорий встретил преграды-заставы непроходимые: леса дремучие, реки быстрые, горы высокие, стаю серых волков рыскачих, «змея люта огненна», «люту Астрахтир-птицу» – и все преграды с Божьим словом и благодаря своей храбрости преодолел.

Наконец Егорий достиг палат «царища Демьянища».

Увидел его царь Демьянище,
Безбожный пес бусурманище,
Выходил он из палаты белокаменной,

Кричит он по-звериному,
Визжит он по-змеиному;
Хотел победить Егория Храброго.
Святой Егорий не уstraшилcя,
На добром коне приуправилcя,
Вынимает меч-саблю вострую,
Он ссек его злодейскую голову
По его могучие плечи
Подымал палицу богатырскую,
Разрушил палаты белокаменные,
Очистил землю христианскую,
Утвердил веру самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному...
Заканчивается стих славой Егорию:

Егорьева много похождения
Велико его претерпение!
Претерпел муки разнообразные
Все за наши души многогрешные.
Поем славу святому Егорию,
Святу Егорию, свет Храброму!
Во веки его слава не минуетcя
И во веки веков! Аминь!

Духовный стих на тему «Чуда Георгия о Змие» также имеет ряд вариантов, сохраняя общий сюжет. Возле святого города Иерусалима, – повествуется в наиболее распространенном варианте, – были три царства «беззаконные» – Содом, Гоморра и царство Рахлинское, в котором царствовал царь Агапий. На их беззакония великие сам Господь «не мог смотреть», поэтому под Содомом и Гоморрой он разверз землю, и они провалились в бездну.

А на третье царство, на Рахлинское,
Напущал Господь Бог на них Змея лютого.

(Написание «Змий» и «Змей» не является ошибкой или опечаткой. На старославянском языке, которым пользуется церковь и на котором написаны жития, следует писать и говорить «Змий», а в разговорном русском языке – «Змей», так его называют и в духовных стихах и легендах.)

Поселился Змей в пещере на берегу моря. Горожане давали ему дань – скотину, которую тот пожирал. И вот не осталось в городе скота, пришлось им самим идти

Лютому зверю на съедение,
Пещерскому на прожрение.

Прошло время, и осталось в городе совсем мало людей, тогда собрались все жители рахлинские к своему царю на широкий двор и стали метать жребий, кому назавтра идти к Змею.

Жеребье царю доставалось
Ко лютому Змею идти на съедение,

Ко пещерскому на прожрение.
Закручинился царь, опечалился. А царица ему говорит:

– Не кручинься, царь, и не печалуйся,
У нас есть с тобой кем заменитесь:
У нас есть с тобой дитя единое,
Одна единая дочь немилая,
Она верует веру все не нашу —
Богу молится она распятому.
Отдадим мы Алексафию лютому Змею,
Лютому Змею на съедение,
Пещерскому на прожрение.

«Многой радостью» царь Агапий исполнился, призвал к себе дочь, сказал слова обманные:

– Ты, прекрасная Алексафия Агапеевна,
Ты вставай-ка, Алексафия, с утра ранешенько,
Умывайся, девица, белешенько,
И снаряжайся, Алексафия, хорошоохонько:
С утра я тебя буду замуж отдавать
За того, который с тобой в одну веру верует.

Обрадовалась и возвеселилась Алексафия, она на ложе спать не ложилась, всю темную ночь Богу молилась:

Молилась она Спасу Пречистому,
Второму Миколу Барградскому,
Третьему Егорью-свету Храброму.

Поутру Алексафия встала, как велел отец, ранешенько, умылась белешенько, нарядилась хорошоохонько, вышла на крыльцо и увидела, что посреди царского двора стоит черная карета, запряженная конями неучеными, на козлах сидит детина в платье траурном; она обо всем догадалась, горячими слезами залилась: «Не на то, видать, породила меня матушка, чтобы замуж выдать, а на то, чтобы отдать лютому Змею на съедение...».

Свели Алексафию с крыльца, усадили в карету, отвез ее детина к змеиной пещере и оставил одну. Села Алексафия на крутом морском берегу и стала молиться Спасу Пречистому, Миколу Барградскому и Егорью Храброму. Услышал Господь ее молитву и послал Егория Храброго «для хранения девицы от Змея лютого».

Прискакал Егорий на добром коне, сошел с коня, девице поклонился: «Бог на помощь тебе, царская дочь Алексафия!».

Дал Егорий девице шелковый повод в белые руки:

– Подержи ты, – говорит, – Алексафия, моего коня,
А больше того смотри сама на сине море:
Когда на море волна будет подыматься,
Из пещеры Змея лютая появляться,
Ты тогда меня, девица, ото сна буди.
Так сказал Егорий, лег на траву и уснул.

Держит Алексафия коня за повод, а с моря глаз не спускает. Вдруг на море волна поднялась, лютый Змей показался. Алексафия стала Егория будить, будит его, а он не просыпается. Испугалась девица, расплакалась, покатались горячие слезы, упали на Егорьево белое лицо, от того пробудился Егорий-свет Храбрый.

Взял Егорий свое копье булатное, вышел встречъ Змея лютого, ударил копьем в прожорище, приговаривая: «Так будь, Змея, кротка и смирна, пей и ешь, что я тебе повелю, что Алексафия благословит».

Распоясал Егорий свой шелковый пояс, продел сквозь змеиное прожорище, дал конец Алексафии и наказал:

– Поведи-ка, Алексафия, Змея лютого
Во свое во царство Рахлинское,
Скажи батюшке царю Агапию,
Пушай поверует в веру христианскую,
Пусть построит он три церкви соборные.
Ежели не поверует он в веру христианскую,
То пусти Змея на волю,
Потребит Змей их всех до единого,
Не оставит им людей на семяны.

Привела Алексафия Змея в город, сказала, что велел Егорий, царь Агапий с радостью согласился поверовать в веру христианскую, обещал построить три церкви: церковь Матери Божьей Богородицы, Троицы Живоначальной и святого Егорья-свет Храброго, а еще сказал:

– Я не раз Егорью в году буду праздновать,
Я не раз в году – два раза.

Любопытно, что ни в этом, ни в других вариантах русских духовных стихов и в легендах не говорится о казни Змея, поскольку по русской пословице «Повинную голову меч не сечет», раз он стал «кроткий и смиренный», то и оказался помилован.

Юрьева роса

По народному календарю на 23 апреля, на Егория Весеннего, приходилось начало весенних сельскохозяйственных работ, впервые выгоняли скотину на пастбище. Крестьяне по многолетнему опыту знали, что в этот день окончательно устанавливается весна: «Пришел Егорий – и весне не уйти», – утверждает пословица. В этот день на пашнях служили молебны, окропляли пашни святой водой. Считалось, что в этот день святой Егорий ходит по полю и осматривает, по добру ли растет хлеб, а на лугах и на выпасах землю отмыкает, зеленую траву в рост пускает. Утренняя роса на Егорьев день – Юрьева роса, по поверью, обладала особой силой, поэтому в деревнях люди катались на нивах по росе, чтобы быть сильными и здоровыми.

В некоторых областях России, рассказывает известный фольклорист А.Н. Афанасьев, в этот день существовал обряд чествования Зеленого Егора. Молодого парня украшали зелеными ветками, на голову ему клали круглый пирог, в руку давали зажженный смоляной факел, и в таком виде, окруженный толпой девушек, поющих весенние обрядовые песни, он обходил засеянные поля. Потом разводили костер, рассаживались вокруг него, делили пирог, чтобы каждому досталось по куску.

Так же с соответствующими обрядовыми действиями выводили после зимнего содержания в хлеву скотину на подножный корм. Ее гнали освященной вербой, а выгнав в поле, «окликали» Егория, поручая ему скотину:

Егорий ты наш Храбрый!
Ты спаси нашу скотину
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
От волка хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого.

Среди пастушеских поверий и присловий главным было твердое убеждение: «Хоть все глаза прогляди, а без Егорья не усмотришь за скотиной». Причем выгоняли скотину в первый день ранним утром, пока не обсохла на траве Юрьева роса, от которой коровы бывают тучны и удойны.

А по возвращении скотины с первой пастбы хозяева говорили: «Встретил наш скот – милый живот – святой великомученик Егорий на белом коне; в рученьках у него, Егорья-света, щит огненный. Бьет он побивает всех колдунов и колдуниц, воров и вориц, волков и волчиц».

Покровитель земледелия и скотоводства, Егорий считался также покровителем браков и чадородия: девушки молили его о хорошем женихе.

Осенний, или холодный, Егорий – 26 ноября – праздник в память «освящения храма Святого великомученика Георгия, иже в Киеве у Златых врат Святой Софии», построенного Ярославом Мудрым в 1051 году. Но предание утверждает, что именно в этот день Георгий избавил от лютого Змея Рахлинское царство.

К осеннему Егорию заканчивались сельскохозяйственные работы, и крестьяне праздновали их окончание, благодарили святых помощников, и прежде всего Егория, за урожай. В Древней Руси до конца XVI века в это время, «за неделю до Юрьева дня и неделю по Юрьеве холодном», крестьяне-батраки, получив расчет, имели право уйти от хозяина, на которого работали. Это право, поддержанное «Судебником» Ивана III, защищало крестьян от полного закабаления. Как бы ни плох оказывался не распознанный при найме хозяин, батрак знал, что мучиться ему только до Юрьева дня. «Мужик – не тумак (глупец), – говорили тогда, – знает, когда живет на белом свете зимний Юрьев день».

Этот же день поминается и в одной из самых горьких русских поговорок: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!», появившейся после того, как в конце XVI века право на переход крестьян от одного хозяина к другому было отменено, и они были закреплены за определенным владельцем. Но народного отношения к святому Георгию это не изменило: в популярности, народной любви, количестве народных легенд и поверий из всех старинных святых он уступает, пожалуй, одному лишь Николаю Чудотворцу.

Во время церковной службы 23 апреля (6 мая) – в праздник «святого славного великомученика, победоносца и чудотворца Георгия» к нему обращаются со следующей молитвой:

«О всехвальный святой великомученик и чудотворче Георгие! Призри на нас скорою твоею помощью и умом Человеколюбца Бога, да не осудит нас, грешных, по беззакониям нашим, но да сотворит с нами по велицей Своей милости. Не презри моления нашего, но испроси нам у Христа Бога нашего тихое и богоугодное житие, здравие же душевное и телесное, земли плодородие и во всем изобилие, и да не во зло обратим даруемое нам тобою от Всещедрого Бога, но во славу святого имени Его и в прославление крепкого твоего заступления, да подаст Он стране нашей и всему воинству на супостаты одоление и да укрепит

непременяемым миром и благословением. Изряднее же да оградит нас Святых Ангел Своих ополчением, во еже избавитися нам по исходе нашем из жития сего от козней лукавого и тяжких воздушных мытарств его и неосужденными предстати Престолу Господу Славы...».

Русский лик свет-Егория

Внешний облик святого Георгия в русской народной традиции обрисован в духовных стихах о нем. В одном из них кроме литературного портрета содержится ссылка на изобразительный источник:

На земле зародился могуч богатырь
Да по имени Егорий-свет Храбрый.
Он списал свой лик на образе,
Дак он поставил образ за престол Божий,
Завещал попам, отцам духовным
Дак всему миру православному.

Самые древние русские иконные изображения святого Георгия относятся к XII веку. Это, конечно, не значит, что не было более ранних икон, речь идет о сохранившихся.

На иконе, написанной около 1170 года и ныне находящейся в Успенском соборе Московского Кремля, поясное анфасное изображение святого Георгия: юношеское безбородое лицо, обнаженная голова, волосы кудрявые – крупными кольцами, он в легком пластинчатом доспехе и красном плаще, в правой руке Георгий держит копьё, левая рука лежит на рукоятке меча. В Третьяковской галерее имеется аналогичное изображение Георгия на иконе, также относящейся к XII веку, но не поясное, а в рост. На ней хорошо виден его легкий доспех. В Русском музее в Петербурге хранится икона XIII века, на которой изображен стоящий в рост Георгий с крестом вместо копья в правой руке.

Ко времени первой сохранившейся иконы пешего Георгия относится и его конное изображение на фреске в Георгиевской церкви Старой Ладogi. Роспись выполнена около 1167 года. На фреске изображен эпизод «Чуда Георгия о Змие», когда царевна ведет уже укрощенного Змия на своем поясе к городу, а Георгий на коне сопровождает ее. Фигура святого в полном покое, правой рукой он придерживает пяткой вставленное в стремя копьё, левой держит узду, только плащ, украшенный звездами, испускающими острые лучи, развевается на ветру.

Таким образом, пешее и конное изображения святого Георгия в XII веке существовали в русской иконописной традиции одновременно. Однако с XV–XVI веков изображения на иконах Георгия на коне (сюжет на тему Чуда Георгия о Змие) становятся преобладающими.

Самая известная и совершенная по мастерству икона «Чудо Георгия о Змие» XV века новгородской школы (ныне – в Русском музее Петербурга), необычайно динамичная и изящная, изображает святого в момент боя: вздернув коня на дыбы, длинным копьем – сильным и точным ударом – он поражает Змия в «прожорище». Развевается плащ, изгибается Змий, сраженный при прыжке на Георгия. Этот образ можно считать эталонным для всей дальнейшей разработки сюжета.

Вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что именно эта икона, найденная в церкви в селе Манихине Ленинградской области, была образцом для иконописцев. Наверное, существовал и какой-то иной эталон, неизвестный нам, но, несомненно, тип иконы, к которому принадлежит и «Георгий» из Манихина, оказал решающее влияние на изображение этого сюжета иконописцами всех областей России.

Этот сложившийся окончательно к XV веку образ Георгия Победоносца и стал тем образом святого, который был принят русским народным сознанием и отображен в фольклоре.

Иконописная традиция, сохраняя точно образ самого Георгия и сюжет иконы, позволяла иконописцу вносить некоторые изменения, несущественные для содержания, но играющие определенную роль в художественной композиции иконы. Чаще Георгий повернут правой стороной к смотрящим на икону и поражает находящегося на первом плане Змия пикой, держа ее в правой руке. Но есть также иконы, на которых Георгий повернут влево; при таком положении он опять-таки держит пикой в правой руке, левой натягивает узду, а Змий находится за конем.

Знак Московского княжества

Как государственный русский княжеский знак изображение Георгия в виде стоящей фигурки человека с копьем и мечом впервые на Руси появляется на серебряной монете, чеканенной Ярославом Мудрым, имевшим, как уже было сказано, христианское имя Георгий. При Ярославе Русь усвоила существовавший в мире с античных времен обычай изображать на монетах того властителя, при котором она чеканилась. Однако в христианской России государственным знаком являлось изображение не самого правителя, но святого, во имя которого тот был крещен.

В Московском княжестве при великих московских князьях Иване Калите (княжил в 1325–1340 годы) и его старшем сыне Симеоне (княжил в 1340–1353 годы) на княжеских печатях и монетах изображались их святые. При младшем сыне Калиты Иване II Ивановиче (княжил в 1354–1359 годы) на отчеканенных им монетах появляются символические знаки-рисунки: на одних монетах – фигурка воина с мечом, на других – воина, замахнувшегося мечом на змея-дракона. В последнем сюжете уже отчетливо проявляется тема «Чуда Георгия о Змие». На княжеской печати Дмитрия Донского (княжил в 1359–1389 годы), внука Калиты, по традиции изображен святой Дмитрий Солунский, но также имеется вариант печати с всадником-копейщиком. На одной из печатей сына Дмитрия Донского Василия I Дмитриевича (княжил в 1389–1425 годах) изображен святой Василий Кесарийский, на другой – всадник на коне, вооруженный копьем, которое он держит в поднятой правой руке острием вниз. На монетах внука Дмитрия Донского Василия II Васильевича (княжил в 1425–1462 годах) изображение всадника приобретает полную определенность, на них узнается святой Георгий, поражающий копьем Змея в раскрытую пасть-«прожорище». Таким образом, в середине XV века образ святого Георгия Победоносца становится общепризнанным и устойчивым символом московского князя и Московского княжества.

Княжескими печатями с изображением княжеских знаков удостоверялись государственные документы: указы, договоры, акты о дарении, удостоверении должности, купле и продаже.

Окончательный, классический вид изображение Георгия Победоносца как царского и государственного символа приобрело в царствование великого князя Московского и государя Всея Руси Ивана III Васильевича (княжил и царствовал в 1462–1505 годах). При нем же был принят в качестве государственного символа России и двуглавый византийский орел. Женившись на наследнице византийских императоров, Иван III считал законным присоединить ее право на наследство к своим владениям. Поэтому к московскому княжескому знаку – Георгию Победоносцу Иван III присоединяет государственный знак Византии: на его государственной вислой печати (вислая, то есть не прикладываемая к документу, а прикрепляемая к нему на шнуре) изображены на одной стороне московский всадник, на другой – двуглавый орел. По всей видимости, все же главным символом считался московский знак, так как

вокруг него идет надпись: «Иоанн Божию милостию государь всея Руси великий князь» – более значительная, чем вокруг орла: «Великий князь Владимирский и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, Вятский, Пермский и Болгарский».

Большая государственная печать Ивана Грозного отразила новый период и новое состояние государства, ставшего из великого княжества царством. Эта печать представляет собой круг, в центре которого находится изображение двуглавого орла, увенчанного царской короной, вокруг которого расположены печати бывших царств и княжеств, вошедших в состав России, кроме одного – Московского. Печать Московского княжества – святой Георгий – помещена на груди орла. Так, в общероссийском символе получила изобразительное выражение народная идея о Москве как сердце России.

При первых Романовых – Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче – в целом сохраняется форма печати, установившаяся при Иване IV. В конце XVII века предпринимается попытка знаки земель, перечисляемых в титуле государя, разместить не вокруг орла, как это сделано на печати Ивана IV, а на его крыльях. Рисунок такой печати приложен к «Дневнику путешествия в Московию» секретаря австрийского посольства в Россию в 1698–1699 годы И.-Г. Корба. Знак Москвы на нем по-прежнему расположен в центре, на груди орла.

До середины XVII века всадник на московском гербе, по толкованию русских официальных лиц, обозначал самого великого князя и государя. Русский посол во Флоренции в 1659 году на вопрос герцога Тосканского, не нарисован ли в московском гербе святой Георгий, ответил: то «великий государь наш на аргамаке». В официальных документах всадника называли «ездец», в одной из описей имущества Алексея Михайловича герб на перстне описан так: «персона человеческая на лошади с саблею, под лошадью змий».

Подобная идентификация изображения на государственном знаке с самим государем или святым, в честь которого он назван (что подразумевает его же), была традиционна для России, и отказаться от этой традиции русская бюрократия не решалась.

В то же время неофициальное толкование изображения всадника в московском гербе как святого Георгия Победоносца было едва ли не всеобщим. Для русских оставалось совершенно очевидным тождество изображения на православных иконах и в гербе. Иностранцы, не связанные русской бюрократической традицией, прямо называли всадника святым Георгием. С. Коллинс, англичанин, придворный врач царя Алексея Михайловича, в своем сочинении «Нынешнее состояние России» объясняет, что всадник на груди орла – это «святой Георгий на коне». И.-Г. Корб также без всяких оговорок пишет, что московский герб «представляет св. Георгия».

Создание герба

Фактически большая государственная печать Ивана Грозного являлась уже гербом, причем один из его элементов – печать Московского княжества к тому же была помещена в европейский гербовой щит. Вместе с тем в русском языке не существовало термина «герб». Аналогичными ему по значению были понятия «знак», «знамя» (в смысле «знаменовать» – обозначать), «печать».

Впервые русский герб назвал гербом иностранец. В немецком издании «Записок о Московии» австрийского дипломата первой четверти XVI века Сигизмунда Герберштейна помещен портрет царя Василия III, а рядом, в щите, – рисунок всадника, поражающего копьем дракона, обозначенный как «герб великого князя Московского».

В России слово «герб» начало входить в употребление во второй половине XVII века, в царствование царя Алексея Михайловича. В 1669 году Алексей Михайлович поручает живописцам сделать росписи в своем новом Коломенском дворце и написать на стенах «четыре-

надцать печатей в гербах», имея в виду, что надо традиционные государственные эмблемы поместить в щитах – неотъемлемой принадлежности европейского герба.

К тому времени и в России перестали называть всадника на печати «всадником» или «ездецом».

Петр I в детстве, конечно, рассматривал росписи Коломенского дворца, о котором ученый монах-учитель царских детей Симеон Полоцкий написал оду. В ней новый царский дворец он называет «осьмым чудом света», которое «ныне на Москве явился». Несколько строф Симеон посвятил росписям дворца, начав их описание такими словами:

Написания егда возглядаю,
Много историй чюдных познаваю.

Гербовые эмблемы сами по себе должны были привлечь внимание ребенка и вызвать вопросы о том, что же они означают. Нельзя представить, чтобы Симеон Полоцкий не воспользовался этим и не рассказал царевичу «истории чюдные», связанные с ними.

В 1722 году в плане усовершенствования государственного управления Петр I издает указ о создании специального учреждения – Герольдии – и введении в России гербов.

Герольдия, по замыслу царя, была призвана вести учет состояния российского дворянства. Герольдмейстеру, как предписывалось в указе, «...перво знать надлежит: дворян всех и их детей, и когда кто к какому делу спрошен будет, то б мог несколько человек к тому достойных представить; также кто умрет, или у кого дети родятся, чтоб ведал же; и имел о том записку...». Говоря по-современному, Герольдия мыслилась всероссийским дворянским отделом кадров.

Среди задач, поставленных перед Герольдией, значилось создание государственных и личных дворянских родовых гербов, для чего в штатах предусматривалась должность специального человека «для сочинения гербов».

Признавая необходимость для дворянства личных родовых гербов, Петр I, однако, не торопился с их созданием, зато государственный герб, а также гербы «царств, провинций, городов» требовались незамедлительно. Гербы городов, по замыслу Петра I, должны были изображаться на знаменах воинских частей, размещавшихся в этих городах.

Тогда же царь обратился к Я.В. Брюсу, который в числе многих наук занимался также геральдикой, с просьбой найти знающего человека для «сочинения гербов». Брюс рекомендовал пьемонтского дворянина графа Франциска Санти, знатока геральдических наук и художника, служившего прежде гофмаршалом и тайным советником у ландграфа Гессен-Гомбургского. Выехавший в поисках службы в Россию, Санти получил чин полковника русской службы и 12 апреля 1722 года был зачислен в Герольдию «товарищем герольдмейстера» с поручением заниматься «сочинением» гербов.

Граф Санти был, действительно, знающим геральдистом. От Герольдии ему было поручено создать государственный герб и городские гербы, а затем уже обратиться к «гербам шляхетным».

Герольдмейстерская контора тогда находилась в Москве, и первые русские гербы, отвечающие правилам геральдики, в том числе и герб Москвы, создавались в древней русской столице.

Граф Санти серьезно отнесся к своим обязанностям. Он выписал из-за границы литературу по геральдике, составил геральдический словарь. Но главное – в отличие от многих европейских просветителей России он понимал, что его миссия будет успешной и плодотворной лишь в том случае, если он не ограничится введением и пропагандой правил европейской геральдики, а использует для создания русской геральдики русские традиции.

Изучая русские материалы, и в первую очередь «Титулярник» – рукописную книгу XVII века, в которой были перечислены все титулы русских государей, нарисованы портреты великих князей и царей, даны рисунки государственных печатей и печатей земель и областей, он увидел, что, несмотря на формальное отсутствие на Руси гербов, фактически «гербы есть». Печати не только исполняли функции гербов, но и имели определенную гербовую форму. Оформление эмблем в печатях на внутrigосударственных и дипломатических документах отвечало и некоторым положениям западноевропейской геральдики: имело устойчивую традицию в рисунке и размещении на ограниченной плоскости. Европейский герб размещался в щите. Среди форм щитов, используемых в Европе для герба, наиболее распространен был французский щит – четырехугольник с закругленно-заостренной нижней частью; употреблялись также треугольный варяжский, вырезной германский, квадратный испанский, овальный итальянский щиты. У славян же щиты были преимущественно круглые, и русские «печати», «знамена», «клейма» обычно помещались в круге.

Сантти отметил также, что русские эмблемы имеют историческое или легендарное обоснование, например, на печати Великого Новгорода изображена «степень» – возвышение с несколькими ступенями, с которого в прежние времена обращались новгородцы на вече к народу. Это открытие заставило Сантти при создании гербов для городов, имеющих древние печати, отнестись с уважением к старым эмблемам, а для городов, не имеющих печатей, использовать эмблемы, также связанные с какими-либо примечательными событиями истории этих городов или современным их состоянием.

Во все губернии Сантти разослал вопросник с просьбой сообщить сведения, на основе которых собирался «сочинять» гербы. Вопросник интересен тем, что в нем определено общее направление выбора эмблем для составления гербов русских городов, этого же выбора придерживались и последующие российские герольдмейстеры в течение двух веков.

Вот пункты этого вопросника:

«1. Сколь давно и от какого случая или причины и от кого те города построены, каменные или деревянные или земляные, и от каких причин, какими именами названы, которых языков и в тех языках те речения не знаменуют ли от какого собства (особенности. – В. М.).

2. И каждого из тех мест каких родов скоты, звери и птицы – всем имена, а особливо где есть род какой партикулярный (то есть характерный только для этого места. – В. М.).

3. И самые те места гористые или ровные, болотные ли или сухие, степные ли или лесные и плодовитым древам партикулярным наипаче какой род.

4. Какова хлеба в котором месте болши родитца.

5. И те города на морях или на каких озерах или реках и как их имянования и в них каких родов партикулярных наипаче рыб обилие бывает.

6. И огородных, и полевых, и лесных овощей и всяких трав и цветов чего где болши родитца.

7. И в которых местах какие народы живут русския ли или татарския или иной какой нации и какова звания.

8. И который город взят осадой или войною (сдачею или добровольным подданством, сочинением или установлением мира) или иными какими случаями, какия возможно сыскати».

Так как провинциальные чиновники присылать требуемую информацию не спешили, то в некоторые города Сантти ездил сам, а на недовольные вопросы начальства, зачем, мол, ездит, отвечал, что «...которых городов не знает и в них не бывал и о них никаких сведений не имеет, то регулам геральдики оных гербов сочинить и отправить не может».

Учитывая опыт европейской геральдики, Сантти признавал за русской геральдикой право иметь свои законы. Так, он принял обычное для нее положение естественных фигур (человека, животных, птиц) в левом геральдическом повороте, тогда как западноевропейская

геральдика предписывает только правый. (В геральдике правая и левая части щита определяются не со стороны зрителя, а от герба, такое расположение называется геральдическим.) Поэтому Санти в гербе Москвы оставляет всадника повернутым влево.

«Сочинение» гербов Санти начал с составления государственного герба России.

За образец он взял рисунок государственной печати из «Титулярника», но при этом убрал «печати» областей, оставив одного двуглавого орла. Такой рисунок герба России имеется в набросках Петра I; по-видимому, Санти следовал указанию императора. Он перерисовал орла, поместил эмблему Москвы на его груди в щит французского типа и сделал раскраску герба в соответствии с правилами западноевропейской геральдики.

Одновременно Санти работал над гербами тех городов, которые имели свои старинные печати, помещенные в «Титулярнике». Среди них был и герб Москвы.

Известно, что Петр I вообще интересовался гербами и гербовыми эмблемами, в его записных книжках имеются их наброски, поэтому рисунок и описание первого официального герба Москвы, безусловно, были сделаны если не по прямому указанию царя, но под его пристальным наблюдением, и уж, конечно, он помнил те «чюдные истории», которые рассказывал ему его учитель Симеон Полоцкий.

Собственноручные наброски гербов в записной книжке Петра I сделаны на полотнищах флагов. Проекты Санти создавались также с учетом размещения их на знаменах.

Наиболее ранним изображением герба Москвы является акварельный рисунок Санти «Герб для знамен Московского полка», находящийся в архиве Государственного Эрмитажа в Петербурге.

По этой акварели видно, что изобразительное и цветовое решение герба Москвы эпохи Петра I опирается на рисунок государственной печати царя Алексея Михайловича и традиционное иконописное изображение на русских иконах «Чуда Георгия о Змие» XV–XVI веков; о том же свидетельствует и описание герба, принадлежащее Санти: «Поле красное, на котором изображен святой Георгий с золотою короною... обращен он налево, он же одет, вооружен и сидит на коне. Оной святой Георгий держит свое копье в пасти, или во рту, змея черного».

Эта акварель – первый проект герба Москвы, созданный на исторической основе, в своей содержательной и художественной части, как можно с большим основанием предполагать, выражает волю учредителя русской гербовой символики императора Петра I.

Однако проекту Санти не суждено было стать московским гербом. После смерти Петра I государственная власть утратила интерес к созданию городских гербов.

Герб для знамени Московского полка. Акварель. 1730 год

Геральдическая комиссия практически прекратила свою деятельность. При дворе шла борьба за власть. В июне 1727 года графа Санти обвинили в участии в заговоре, имевшем целью свергнуть малолетнего императора Петра II и возвести на престол дочь Петра I герцогиню голштинскую Анну Петровну. Обвинение было ложным, тем не менее Санти пробыл в ссылке в Сибири пятнадцать лет – до 1742 года, из ссылки его вернула Елизавета Петровна.

В 1727 году заниматься герботворчеством обязали Академию наук и персонально немецкого профессора И.С. Бекенштейна, специалиста в области юриспруденции. Отказываясь от этой должности, он писал: «Я в сем деле великим искусством хвалиться не могу, понеже я никогда особенного старания в геральдике не имел... и никогда профессором геральдики не бывал, сюда не затем призван, как то академические протоколы и мое призывание засвидетельствовать могут». Однако Бекенштейн все-таки был назначен на должность и ему поручили подготовить группу студентов для практической работы в Герольдии. Несколько лет спустя он жаловался в рапорте, что его преподавание не дало желаемых результатов, что геральдике пожелали учиться лишь студенты-«чужестранцы», «некоторые

дети от иноземцев в России рожденные», а из «российской нации... в обучении никого не бывало, и для того учения никто... не явился».

Геральдические злоключения герба Москвы

Вновь возник интерес к городским гербам и появилась практическая необходимость в них в царствование Екатерины II.

В связи с предпринятой в 1770–1780 годы реформой местного управления, по которой города получили некоторую самостоятельность в управлении городскими делами, гербы обрели новое назначение – правового символа, аналогичного символам свободных городов Западной Европы. В основном документе городской реформы «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» (21 апреля 1785 года) имелся пункт, обязывавший «...городу иметь герб, утвержденный рукою императорского величества, и оный герб употреблять во всех городских делах».

В 1770–1780 годах «товарищем герольдмейстера» состоял подполковник И. И. фон Энден, строевой офицер, прошедший службу «во фрунте» от солдата до майора. Сохранились документальные свидетельства того, что фон Энден сам «сочинял гербы». Ко времени его службы в Герольдии уже накопилось большое количество проектов городских гербов, но некоторые из них он «исправлял». Такому «исправлению» подвергся и герб Москвы.

«Исправления» герба Москвы с самого начала работы Герольдии шли в направлении переработки изображения, сложившегося в русской традиции, в сторону его сближения с требованиями западноевропейской геральдики. Но если Санти подошел к этому делу достаточно осторожно, то фон Энден решительно изменил сам образ святого Георгия. Если на княжеских печатях и на гербе Санти святой Георгий был изображен в греческо-византийском доспехе, закрывающем лишь грудь и спину, так называемом полудоспехе, то Энден одел его в полный доспех, в сплошной панцирь, закрывающий всадника от пяток до макушки, придав ему классический облик западноевропейского средневекового рыцаря, каким он изображен, например, на английской гравюре XV века к сочинению епископа Якобуса «Золотая легенда». Русский образ святого Георгия был заменен совершенно иным персонажем.

Екатерина II «высочайше утвердила» этот герб Москвы 20 декабря 1781 года. Хотя «сочиненный» фон Энденом герб был высочайше утвержден, им старались не пользоваться. В архивах сохранились рисунки московского герба конца XVIII – начала XIX века. В Государственном Историческом музее имеется рисованный курским землемером Иваном Шошиным в 1784 году «Гербовник лицевой» (то есть иллюстрированный), в котором Георгия на московском гербе художник изобразил в полудоспехе. Также в полудоспехе изображен он на знамени Донского войска 1795 года, на государственном гербе России 1799 года, на георгиевских адмиральских флагах 1819 года, акварельные рисунки которых находятся в Петербургском Эрмитаже.

Неприятие герба Москвы, сочиненного фон Энденом, объяснимо и закономерно. Ко времени его создания в России уже несколько веков существовал сложившийся определенный образ Георгия Победоносца, воплотившийся в иконописи и в фольклоре, вошедший в пантеон русских народных эпических героев. Изображение его в виде «латынского» рыцаря, которых бил Александр Невский, никак не соответствовало народной традиции и даже в какой-то степени оскорбляло ее.

В XIX веке «исправление» русских гербов чиновниками продолжилось.

В 1850-е годы управляющим Гербовым отделением Департамента герольдии стал немецкий «ученый нумизмат» на русской службе барон Б. В. Кене. Эту должность он получил благодаря интригам. В Петербурге в академических кругах ходила о нем эпиграмма:

Берлинский партикулярист,
Шпион по иностранной части,
Как самозванный геральдист
Добился он на службе власти.

Специалистом он был никаким, его деятельность в герольдии вызывала у современников насмешки и возмущение. Так, введенный им герб Харькова, на котором он изобразил «оторванную лошадиную голову», вызвал такое негодование харьковчан, что они добились отмены этого герба, несмотря на то что он получил «высочайшее утверждение».

«Барону фон Кене не понравился общий тип русского герба, – писал в начале XX века, подводя итоги его деятельности в русской геральдике, историк П. Белавенец. – Кене решил изменить нашего орла на австрийский лад, а вообще всю печать на манер прусской».

На гербе Москвы Кене повернул всадника по западноевропейским правилам в правую сторону, и с 1856 года до Октябрьской революции 1917 года Георгий Победоносец изображался в таком неестественном положении: он вынужден был бросить узду и, держа копьё двумя руками, колоть змея слева, как левша.

Кстати сказать, первая попытка повернуть коня святого Георгия на западный манер была предпринята в начале XVII века, так он расположен на печати Лжедмитрия I.

В царствование Николая I и Александра II святой Георгий на гербе Москвы изображался в западноевропейских сплошных доспехах.

В царствование Александра III в 1883 году получает высочайшее утверждение измененный рисунок Большого Государственного герба. На груди главной его фигуры – двуглавого орла находится, как говорится в описании герба, «герб Московский: в червленом с золотыми краями щите Святой Великомученик и Победоносец Георгий в серебряном вооружении и лазуревой приволоке (мантии), на серебряном, покрытом багряною тканью с золотой бахромою коне, поражающий золотого, с зелеными крыльями, дракона, золотым, с осьмиконечным крестом на верху, копьём».

Такое навершие копья должно было подчеркнуть, что изображен святой, а не просто воин. При этом с Георгия сняты средневековые сплошные латы и возвращен античный полудоспех.

С того времени законно утвержденным гербом Москвы должно считаться именно это изображение, а не изображение 1781 года, но в силу бюрократической косности чиновники время от времени продолжали обращаться к отмененному изображению.

В известном справочнике П.П. Винклера «Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи, внесенные в Полное собрание законов с 1649 по 1900 год» (издание 1900 года) на странице 96 приведены герб Москвы 1883 года и герб 1781 года, последний снабжен специальным указанием: «Старый герб».

Рисунок московского герба 1883 года последовательно изображался на Государственном гербе, гербе Московской губернии, но иногда, видимо в силу каких-то канцелярских недосмотров и несогласований, использовался старый. Самое распространенное и авторитетное русское справочное издание – многотомный «Энциклопедический словарь» издательства Брокгауза и Ефрона к статье «Герб» приводит изображение государственного Герба Москвы времени герба и Герба московской губернии образца 1883 года.

Формальное «исправление» русских гербовых эмблем по правилам западноевропейской геральдики вызывало в среде русских геральдистов протест. Крупнейший геральдист второй половины XIX века, автор труда «Русская геральдика» А. Б. Лакиер, обосновывая национальную самобытность русской геральдики, заявлял: «Нам кажется непонятным желание применять к нашему государственному гербу, как и вообще к эмблемам в русских гербах, начала западной, нам чуждой, геральдики».

Критикуя результаты деятельности руководителей герольдии, Лакиер как отрицательный пример приводит вносимые ими изменения в московский герб. Он отвергает упреки западных геральдистов в незнании русскими составителями гербов «правил рыцарской геральдики», выражающихся, в частности, в левом повороте всадника. Всадник, пишет Лакиер, «...был обращен влево и остается в этом положении в течение шести столетий. Если оно и не соответствует правилам рыцарской геральдики, то давность стоит за твердость и неприкосновенность эмблемы, на которой так ярко отразились убеждения московских великих князей и государей всея России».

«Из областных гербов наших, – подводит итог Лакиер, – самый твердый и ранее других установившийся есть герб московский. Неразрывное его соположение с двуглавым орлом в государственном гербе, частое употребление, наконец, та идея, которая ему придавалась московским великим князем и царем, должны были охранять изображение это от всяких произвольных перемен и нововведений. В отечестве нашем уважение к этому гербу было постоянно, и потому, в сущности, он был неприкосновенен». (В другом месте автор замечает: «У нас в гербе всадник на коне искони и всегда обращен в левую сторону, и, конечно, никакой русский художник без нужды не переменил бы такого его положения».) «Иностранцы же, в России бывшие, позволяли себе делать в этой эмблеме произвольные изменения».

В Москве конца XIX – начала XX века неохотно и редко пользовались официальным московским гербом. Зато русские художники конца XIX – начала XX века создали много художественных произведений на тему герба Москвы, по-своему интерпретируя образ Георгия, причем основой для них являлся не официальный герб, но традиционное иконописное изображение. Это и барельеф на фасаде Третьяковской галереи работы В. М. Васнецова, и гравюры В.А. Фаворского, литография П.С. Гончаровой и многие другие.

Тот же народный образ Георгия как знак герба Москвы находим в поэзии начала XX века у крупнейших поэтов того времени.

В феврале 1904 года А. А. Блок написал стихотворение «Поединок», в котором воплотилось его эмоциональное восприятие Москвы.

Поэзию Блока в Москве поняли и приняли прежде, чем в Петербурге, и впервые его стихи были приняты к печати московским альманахом «Северные цветы». Получив уведомление об этом, Блок писал одному из московских друзей: «Мне лично тут еще, кроме всего другого, особенно важно, что мои стихи будут помещены в московском сборнике – оттого, что Ваша Москва чистая, белая, древняя, и я это чувствую...» В Москве же, в 1904 году, вышел и первый сборник Блока – «Стихи о Прекрасной Даме».

С.М. Соловьев – близкий друг и родственник Блока вспоминает, что стихотворение «Поединок» было написано сразу после возвращения поэта из Москвы в Петербург, и в нем «...изображалась борьба Петербурга с Москвой... Петра I со... св. Георгием Победоносцем». Блок приехал в Петербург в конце февраля. В Москве в это время (а по новому стилю это уже первые дни марта) весна уже пришла, в Петербурге она только предчувствовалась, «вевяла», но словно кто-то мешал ее приходу. Блок в этом стихотворении описывает битву Всадника на черном коне, заступающего путь весне, и Всадника на белом, открывающего ей дорогу.

Определенно четки и понятны образы всадников. Блок использует для противопоставления символы двух городов: «Дед» на черном коне – общепризнанный символ Петербурга – конный памятник Петру I (работы Фальконе), «Светлый муж» на белом – Георгий Победоносец – святой покровитель Москвы.

Вдруг летит с отвагой ратной
В бранном шлеме голова —
Ясный, Кроткий, Златолатный,

Кем возвысилась Москва.
Ангел, Мученик, Посланец
Поднял звонкую трубу...
Слышу коней тяжкий танец,
Вижу смертную борьбу...
Светлый Муж ударил Деда!
Белый – черного коня!..

Вечно молодым, светлым, ясным воином весны и возрождения – таким увидел и воплотил Блок в своей поэзии гербовый символ Москвы.

Иконописен образ святого Георгия и у Марины Цветаевой:

Сколь грозен и сколь ясен!
И плащ его – был – красен,
И конь его – был – бел.

Октябрьская социалистическая революция 1917 года отменила государственную эмблематику дореволюционной России. Эта акция была утверждена 12 апреля 1918 года специальным законодательным актом – декретом «О памятниках республики», которым предписывалось, среди прочего, «подготовить... замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т. п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной России». По этому декрету вместе с двуглавым царским орлом был отменен и герб Москвы со святым Георгием Победоносцем.

В 1918–1919 годах в Белом движении была предпринята попытка сделать изображение святого Георгия государственной эмблемой России. У этой идеи было много сторонников. Были они и в советской Москве.

Год правления большевиков, отмеченный террором ЧК и усиливающимся голодом, порождал в народе недовольство новой властью. На открытые выступления решилась Русская православная церковь, возглавляемая патриархом Тихоном.

Народную боль и народные требования к новой власти тогда выразил в своем послании Совету Народных Комиссаров патриарх Тихон. Обращаясь к тем, которые называли себя «народными» комиссарами, он писал: «Целый год держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину Октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему приказу, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды. Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания? Поистине вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы». В Москве крестные ходы проходили на Красную площадь через Воскресенские ворота под укрепленным на них образом святого Георгия.

Тогда Марина Цветаева написала стихотворение, обращенное к этой иконе:

Московский герб: герой пронзает гада.
Дракон в крови. Герой в луче. – Так надо.
Во имя Бога и души живой
Сойди с ворот, Господень часовой!
Верни нам вольность, Воин, им – живот.
Страж роковой Москвы – сойди с ворот!
И докажи – народу и дракону —
Что спят мужи – сражаются иконы.

Советский герб Москвы

В конце 1924 года руководство Моссовета приняло постановление о создании нового – советского – герба Москвы, и 27 февраля 1925 года Президиум Моссовета утвердил новый герб Москвы по проекту архитектора Д.Н. Осипова – автора монумента Советской Конституции, установленного в 1918 году на Советской площади (так была переименована во исполнение декрета «О памятниках республики» в 1918 году Тверская площадь) напротив Моссовета.

Вот авторское описание герба:

«Изображенный на сем листе рисунок утвержденного герба состоит из следующих элементов:

а) В центральной части в овальный щит вписана пятиконечная звезда. Это победный символ Красной Армии.

б) Обелиск на фоне звезды, являющийся первым революционным монументом РСФСР в память Октябрьской революции (поставленный перед зданием Моссовета). Это символ твердости Советской власти.

в) Серп и Молот – эмблема рабоче-крестьянского правительства.

г) Зубчатое колесо и связанные с ним ржаные колосья, изображенные по овалу щита, являются символом смычки города с деревней, где колесо с надписью «РСФСР» определяет промышленность, а ржаные колосья – сельское хозяйство.

д) Внизу по обеим сторонам изображены эмблемы, характеризующие наиболее развитую промышленность в Московской губернии: слева наковальня – это эмблема металлообрабатывающего производства, справа челнок – текстильного производства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.